

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

2
'96

Читайте в номере

ГУДЕРМЕС: 10 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ПОТЯСЛИ МИР

Фото Б.КАРПОВА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

2'96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой странице
обложки: эта семей-
ная пара сфотогра-
фирована в Чечне.
Игорь и его жена
Ирина. А дети оста-
лись дома.

Фото Б.КАРПОВА.

В номере:

В особом районе

КАРПОВ Б. Гудермес: 10 дней, которые не потрясли мир	2
ЯГОДИН А. Через три таможни... с трофеями . . .	9
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России	14
ЧИКУНОВ А. Родина, не предавай меня	18

Как это делается у "них"

ГИЛЕНСЕН В. "Напоролись на засаду... Противник уничтожен!"	19
--	----

Служба

КИСЛЫЙ Ю. "Лесники" (окончание)	23
ХАРЧЕНКО В. Квадратные колеса.	28

Войска и общество

ЖУРАВЛЕВ В. Наш доход — не в рублях и баксах...	31
---	----

Ретроспектива

МУЧАК И. "Неизвестный" генерал Киселев	34
--	----

Писатель и время

ДУДКО Д.: "Защита Родины — дело богоугодное"	40
--	----

Проза. Поэзия

КОЧЕТКОВ В. Последний патрон (стихи)	45
ЧЕРНЫХ И. Школа террористов (роман, начало).	47

Калейдоскоп

ГУЛЬКО С. Стрела на щите	69
СОКИРКО П. Через игру — к победе	73
Шахматный клуб	77
Рыболовам и охотникам	78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1996

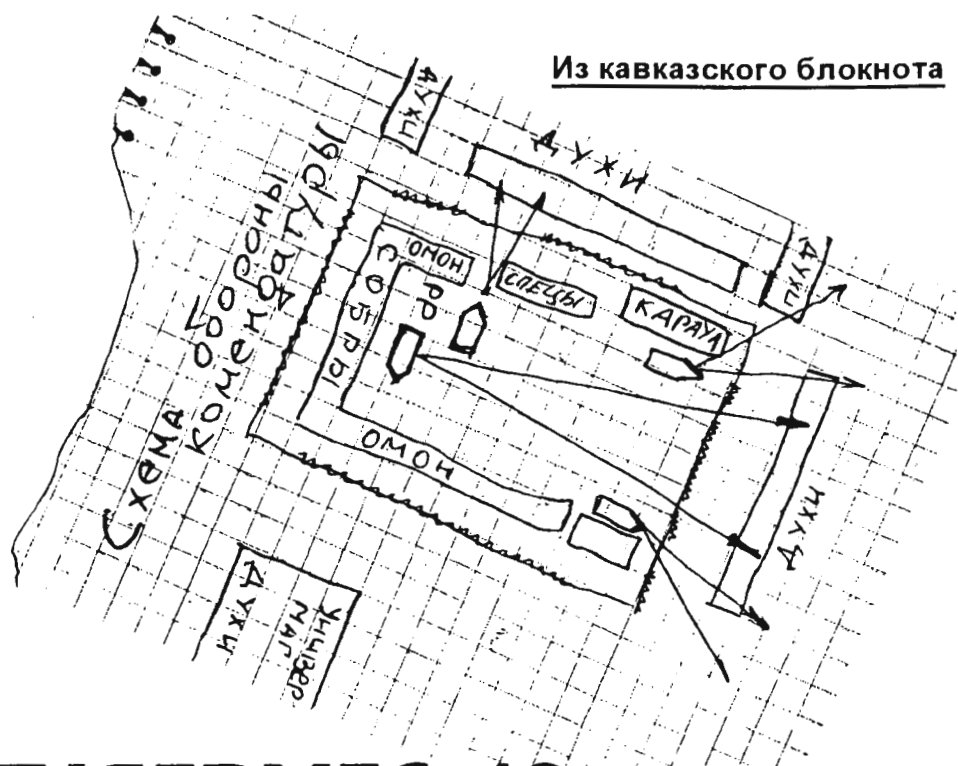
Сдано в набор 4.01.1996 г. Подписано к печати 2.02.1996 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0.
Зак. № 139. Тираж 5000.

Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 8000 руб. (индекс 70610), для предпри-
ятий и организаций — 10000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордене "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинская
проспект, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

ГУДЕРМЕС: 10 дней, которые не потрясли мир

Жили-были старик со старухой

Старое человеческое жилье, разрушенное вмиг землетрясением или взрывом, пахнет как разлагающаяся человеческая плоть — тошнотворно-сладко и душливо-пыльно. Это особенно заметно, если ступить в руины с мороза. Так было в Спитаке и Ленинакане. И грозненские ощущения повторились — один к одному — в Гудермесе. Хруст битого стекла в порушенном бедном доме, под ногами штукатурка, щепки, тряпки, бумаги. Сюда влетел снаряд. Артиллеристов винить трудно — у них ведь плюс-минус ...надцать метров промахом не считается. У мужика разбита нога, а у махонькой бабульки — осколок в голове. Раненых грузим в КаМАЗ.

"Ой, ребята, слава Богу, что вы пришли!" — сумятица в душе еще одной русской женщины, которая провожает пострадавших своих соседей слезным взглядом и остается в Гудермесе, где самое страш-

ное, кажется, позади. Но и впереди пока хорошего мало — пугающая неизвестность и вечная боль воспоминаний.

Сердобольные военные медики снимают с гнойных ран заскорузлые повязки, лезут в горячую от воспаления плоть холодным железом, делают свою спасительную работу. Солдаты тащат носилки с людьми чеченского города в вибрирующей от нетерпения вертолет. Жили-были старик со старухой в южном городе Гудермесе. Много всякого в этой жизни повидали. Но никогда еще не летали они на такой машине...

Их несут мимо палатки-морга, рядом с которой вмерзла в наст половина маскировочного костюма. Белый на белом, он все-таки бросался в глаза с жуткой отчетливостью — словно обрубок человеческого тела, привезенный с поля боя...

А несколько ящиков 82-мм бандитских мин уже не страшны. Их не успели выпустить по нашим бойцам, и теперь эти кегли стали обузой: во-первых, надо записать и передать в ФСБ маркировку — авось про-

следят их путь от завода-изготовителя до гудермесского отряда дудаевских боевиков; во-вторых, изъятые боеприпасы надо будет уничтожить — опять смертельно опасные хлопоты.

Десять дней потребовалось федеральным силам, чтобы деблокировать комендатуру и железнодорожный вокзал, выбить дудаевские формирования из города. Победа? Да сколько раз уже говорилось — не ищите в этой войне победителей. Но и проигравшими считать себя обидно. Сколько бы ни говорили о "достаточности федеральных сил и средств" в Чечне, в данном конкретном месте — в Гудермесе, в данный конкретный момент — в середине декабря их было явно мало. Это не война "стенка на стенку" в чистом поле. В этой "нетрадиционной" войне, войне партизанской, в условиях города, где против наших подразделений действуют не просто фанатичные смертники, но специально подготовленные хладнокровные профессионалы-наемники, необходимо ...кратное превосходство. Две бригады оперативного назначения по численности личного состава справедливо называть батальонами. Они бились мужественно и смело и поставленную боевую задачу выполнили.

В Гудермесе идет "зачистка". Сегодня 23 декабря...

«Бей по "Западному Берлину"!»

Пункт временной дислокации бригады оперативного назначения. В одном углу штаб: карты и схемы с красными и синими стрелами и обводами вокруг Гудермеса и внутри кварталов; телефоны образца сороковых-пятидесятых звонят поочередно в стреляющий декабрь 95-го; радиостанции, настроенные на волну комендатуры и железнодорожного вокзала, новости приносят редко — у осажденных аккумуляторы истощились; раскрытый журнал боевых действий пока чист. Сейчас все завертится. Вспомнилось вчерашнее указание генерала командиру приданного танка: «Бей по "Западному Берлину"!». Интересно, почему местные жители так называют один из районов Гудермеса. Наверное, уровень жизни такой же...

В другом углу разворачивают свое хозяйство медики: мерцают холодным стеклом капельницы, расслаблены до поры удавы-жгуты, непорочно белеют салфетки, тампоны, бинты. Расставлены столы, на которых положат раненых. Сегодня мало кто сомневается, что раненые будут — гудермесские волки уже показали свои

зубы. Носилки выставлены на снег там, куда могут подъехать БТРы. Носилок десять. Хватит?

Утро перед боем.

Час ожидания атаки... В 8.33 на исходный рубеж вышла седьмая боевая группа. Третья. Шестая. Первая и вторая. Четвертая и пятая. 9.18. Три ракеты — в зенит. Началось!

9.35. С юга пошла в атаку бригада оперативного назначения, которая должна деблокировать комендатуру. Парням из Нальчика придется сегодня трудно — они на острие главного удара.

10.00. Привезли первых раненых: в спецназовца рядового Александра Крупкина и разведчика рядового Николая Молчанова "духи" саданули из гранатомета, сержант Андрей Лобач подорвался на растяжке. Пара "вертушек" уже взмывает снег, готовая лететь в госпиталь-сортировку на "Северный", но комбриг просит летчиков подождать — везут еще раненых, кажется, есть и "200-й"...

Рядовой Михаил Рогозин убит в Гудермесе утром 20 декабря. Сначала подумали — поленился солдат надеть бронезиленит. Оказалось — пуля нашла свой путь где-то сбоку, чтобы оборвать жизнь на двадцатом году.

А этот солдат в рубашке родился. Сидит, бледный стригунок, с вытаращенными глазами и... с пулей в горле. У самого кадыка засела эта сволочная в своем коварстве и непредсказуемости штука калибра 5,45 мм. Ударила на излете под челюсть, и осталось в ней убойной силы только на то, чтобы пройти под кожей и остановиться. Боец сидит ни жив ни мертв и дышать боится. Чуть сглотнет вязкую слюну — и пуля шевелится. Старший лейтенант медицинской службы Борис Камалов и фельдшер прапорщик Людмила Прохорова тут же делают несложную операцию: скальпель, пинцет, тампон, повязка. "Держи на память о Гудермесе!". Рядовой Роман Брюханов зажал в кулаке красивую, безупречной формы свою "почти-смерть". Как замерзший щегол — сходства добавляет красное пятнышко на изжелта-сером вороте солдатской нижней рубахи. Повезло тебе, парень! "А закурить можно?" — "На, дружочек, закури". — "А здесь курить можно, не заругают?". Ох ты, Боже мой! Да все тебе теперь можно!

"У нас бойцы как зомби" — кто не слышал это расхожее на войне сравнение из уст офицеров. Иногда — в точку. Пришли с комбатом в полночь в одну из его рот. "Казарма" — словно кадр из фильма Коппола "Апокалипсис сегодня": между стоя-

щами впритык двухъярусными койками можно протиснуться только боком, отовсюду свисают майки, портянки, маскхалаты. Рота погружена в сон-забытье. Наряд лунатично-вял, но комбат не взывает, не ругает дежурного и дневальных, только привычно-ворчливо журит.

Он сам сегодня смертельно устал. Сегодня ведь был бой. "Слышите — кассету крутят, это Rogozin поет. Который сегодня погиб". До меня не сразу доходит страшный смысл сказанного: "... поет, который погиб".

Захожу в тесную каптерку, где боец в белых кальсонах и красной футболке с помертвело-грустным лицом скорбит о потерянном сегодня друге. Погибший Мишка не был Максиму земляком. Просто другом был. Лучшим. Остался его голос под гитарные переборы...

Генерал, заместитель командующего войсками округа внутренних войск, лично руководит действиями бригады-батальона. Накануне дотошно расставлял свои силы и средства, сосчитал всю людскую наличность до последнего расчета АГС, последнего снайпера. Семь боевых групп, по сорок-пятьдесят человек, в каждой по одному-два БТРа. Есть еще пара приданных танков — все!

В бригаде в тот день погиб один и было ранено тринадцать человек. Еще один убитый и семь раненых — в двух приданных батальонах. Комендатура деблокирована, моджахеды частью истреблены, частью рассеяны, осажденные освобождены. Было 20 декабря.

«А во сне я увидел Масхадова»

Это были не "глюки", а сугубо профессиональное сновидение. Масхадов приснился войсковому разведчику. "Надо было брать!" — сокрушенно отреагировали сослуживцы.

В комендатуре Гудермеса оказались толковые ребята — тридцать девять провавшихся в первый день бойцов и командиров бригады внутренних войск, собровцы и омовцы из нескольких российских городов. Таких не взять запросто. У них были боеприпасы на первое время, был запас продуктов. Но чтоб сварить макароны, нужна вода, а ее-то и не было. После тушенки хотелось пить. Чтобы напоить раненых, сгребали скудный южный снег. Раненые страдали, и убитые лежали незахороненными. Они не укоряли живых. Живые держались стойко день, другой, третий, неделю... Оборону организовали

грамотно и настреляли немало "духов": накрыли сначала пулеметный, потом минометный расчеты бандитов, снайперы выщелкивали моджахедов и днем и ночью.

Комендатура Гудермеса располагалась в здании педагогического училища. Было много книг. Может быть, кому-то из осажденных спасли жизнь забытые ныне классики-основоположники — толстые тома сочинений Ленина, Маркса принимали на себя автоматные очереди дудаевских боевиков, хорошо гасили осколки. Было много школьных учебников "Начальная военная подготовка". Такие книжки не учат вести бой в городе. Успехом у наших солдат и офицеров пользовался "Василий Теркин", замечательная книга про бойца, лихо воевавшего в Великую Отечественную. Вот это учебник! Непобедимый и незлобивый русский характер — против такого оружия средств борьбы пока не найдено. Книжка ходила по рукам. Когда разблокировали комендатуру, маленький томик бросили в какой-то бронетранспортер. Может, кто-то из молодежи почитает еще, вспомнит, как воевали в ту войну наши деды и отцы и как сегодня в Чечне воюем мы. Кто-то взял двухтомник Маяковского: "Сильный мужик был и стихи сильные писал". Кстати, нашлись в комендатуре и свои поэты. Вокруг снаряды и мины рвутся, а омовец по имени Виктор сочиняет под гитару:

*Много времени пройдет,
Может, память и сотрет
Вой снарядов, мин и пуль...
И боекомплекта — нуль,
И тела, в которых жизнь уходит...*

Раненые страдали день ото дня все больше: нет нужных лекарств, нет воды, нет тепла. Многие теряли последние силы.

Капитан Кирсанов после раздумий и расчетов, посоветовавшись с комендантом, решает выйти в разведку, чтобы найти проход в блокадном кольце. Сигналом о том, что дорога свободна, должна была быть зеленая ракета. Раненых хотели стремительным броском вывезти из комендатуры на двух исправных бэтрах.

Зеленая ракета не взлетела. Из восьмерых добровольцев в комендатуру вернулся один. Он, этот боец спецназа, последним видел своих товарищей живыми.

Капитан Кирсанов с тремя бойцами шел впереди. Чуть поодаль — еще двое. Сергей с напарником их прикрывали. Все произошло в районе автостанции. Ухнула граната, пущенная из подствольника. Сергей с товарищем притаились. Спустя какое-то время из здания вышел один из пары,

шедшей впереди. Без оружия. Махнул им рукой: "Идите сюда!". Сергея пронзила мысль: "Это плен! Никогда!". Он мотнул головой напарнику, мол, поворачиваем к своим, в комендатуру. Но тот пополз вперед. Вокруг Сергея свистели пули. Он полз, закусив губы.

Безумство храбрых искало выход. Наверху обдумывались планы, собирались силы и средства. Тем, кто разрабатывал гудермесскую операцию, поступали лобовые указания: артиллерией не бить, беречь мирных, потерь не показывать. Но на силу должна быть другая сила. Кто отсортирует "мирных" и "немирных" в городе, стреляющем из каждого дома? Как можно скрыть потери, если из всех российских углов доносится несмолкающий плач?

Рядом умирали товарищи. Капитан Кирсанов мог предпринять лишь то, чему учился на этой войне, надеяться он мог лишь на собственные силы. Увы, их было слишком мало, чтобы оторваться от волчьей стаи...

У капитана Кирсанова была Надежда. Жена. Теперь вдова с двумя детьми и без квартиры. Уже во время "чистки" города от остатков боевиков были найдены тела капитана Кирсанова и рядового Пеллине-на. Бандиты убили их, потом выкололи глаза. И сняли ботинки...

Праведные или неправедные войны ведут политики — нам не дано рассуждать. Военные идут выполнять приказ. Случается — погибают.

Капитан Евгений Кирсанов и рядовой Максим Пеллине пали в Гудермесе 17 декабря. Вечная память!

«Я уже убит!»

События во втором по величине городе Чечни развивались по буденновскому сценарию. Около 5 часов утра 14 декабря поступило сообщение из комендатуры — захвачена городская больница. Тут же начался обстрел самой комендатуры и ОМОНа на железнодорожном вокзале.

В город выдвинулись два БТРа разведки и группы специального назначения, еще два БТРа с солдатами бригады, приданный внутренним войскам армейский танк, расчеты СПГ, зенитной установки и миномета на грузовиках.

Первые две бронемашины проскочили засаду боевиков, когда был открыт шквальный огонь по военной колонне.

Экипаж, которым командовал старший лейтенант Александр Соловьев, оказался

в самом пекле, когда хотел прийти на помощь раненым товарищам.

Офицер увидел, как с передней машины упал солдат. Сразу дал команду приготовиться к бою. Казалось, по ним стрелял каждый дом. Первым был ранен старший сержант Юрий Крысько. Вкололи ему два шприц-тюбика промедола, чтобы снять боль, под лопатку и в руку. Потом стало ясно, что боли будет на всех очень много — не снять никакими инъекциями. Погиб пулеметчик ефрейтор Григорий Макаровский. Продвинулись еще на сотню метров и... пули опять достались Крысько — убит. В бронетранспортер полетели бандитские "мухи". Одна такая разрезала почти пополам ефрейтора Владимира Гаранина. Осколок перебил ногу водителю рядовому Дмитрию Турте. Сержант Роман Кевролетин подхватил ручной пулемет убитого Макаровского и застрочил по бандитам зло и метко. Сам уцелел чудом — пуля ударила в автомат, висевший у сержанта на животе. Русский "калашников" в который уже раз на этой войне подтвердил свою надежность.

Сержанту помогал рядовой Евгений Григорьев — сам раненный в ногу, он подавал пулеметные ленты, указывал замеченные огневые точки противника.

"Водила, гони быстрее!" — Офицеру, контуженному взрывом, казалось, что БТР смертельно медленно движется вперед. Единственный шанс на спасение экипажа сейчас еще теплился в мощном моторе. Бронемашина, хоть и расстрелянная, хоть и залитая кровью, могла вынести их из-под шквального огня. "Гони, водила!" — снова кричит офицер. В ответ: "Мы стоим. Я уже убит!". Механик-водитель рядовой Дмитрий Турта сидит в луже собственной крови, нога выше колена разбита в клочья, держится на каких-то остатках мышцы, рука тоже в крови.

Старший лейтенант скомандовал: "Всем вниз, под броню!". Подскочил танк старшего лейтенанта Сергея Куликова. Он прикрыл. В БТРе уже было трое убитых и четверо раненых. За руль сел контуженный офицер. Истекающий кровью водитель рядовой Турта еще давал советы офицеру. Вылетели из-под обстрела чудом, еще одна "муха" только чиркнула по броне. Въехали на мост, куда долетали лишь редкие пули. По радиостанции вызвали помощь. Примчался комбат. Ему тоже досталось горячих осколков — голова в крови, куртка на левом плече в дырках, как дуршлаг.

Экипаж Соловьева был дембельским: только двое прослужили по году, остальные через несколько дней должны были

уезжать домой, их служба заканчивалась. Но когда в Гудермесе заварилась каша, когда бандиты окружили комендатуру, ни один солдат не захотел сидеть в тылу, все рвались в бой, на помощь своим товарищам. Чтобы вытащить раненых и убитых, некоторые экипажи выезжали по два-три раза. Трусов в этой бригаде внутренних войск не было. Десятки фамилий слышал от офицеров и прапорщиков с неизменной просьбой: "Напишите о нем — вот геройский парень". Заранее зная, что не в состоянии написать по очерку или даже по нескольку строк о каждом, оставлял в блокноте штрихи к портрету этой доблестной бригады.

Рядовой Алексей Шляхтинский — в осажденной комендатуре этот тихоня преобразился в мужчину. Санинструктор рядовой Роман Лузинов был ранен, бандиты подошли, чтобы добить его в упор, но... только прострелили шею. Его перевязывали, а он еще советы коллегам-медикам давал, пытался помочь... Два друга-уральца, на одной улице жили, в одной роте спецназа служили: рядовой Владимир Оглоблин был ранен, рядовой Алексей Шабалин убит. Нет, это не зомби...

Зомби — другие. Привез из Чечни листовку: "Знающие Джохара Дудаева говорят: он гипнотизирует глазами и речью. И в его окружении есть человек с тяжелым взглядом — Шамиль Басаев. Оба внушают, кодируют людей, превращают их в зомби и боевиков, бросают на верную гибель. В результате — чеченская национальная идея опорочена, Грозный, города и села в развалинах, а народ переживает невиданную трагедию. Кому нужна такая Ичкерия, кроме Дудаева и Басаева?"

Зомби-дудаевцы взялись за осуществление плана "Выборы" 14 декабря...

Разведка доложила точно: "Возможен захват Гудермеса"

При прорыве в комендатуру в числе первых погиб капитан Евгений Гаврилов. Он находился в кабине грузовика, который вез минометный расчет. Опытный разведчик должен был действовать в том бою как артиллерийский наводчик. Машину бандиты подбили из гранатомета. Капитана достала автоматная очередь. Пули калибра 5,45 мм пробили артерии, идущие к сердцу.

Капитан Гаврилов пытался спасти своих товарищей еще раньше. Его разведанные свидетельствовали о том, что дудаевцы готовятся к крупным террористическим

акциям в Гудермесе. Вот информация, которая говорит сама за себя:

11.11.95 г. Дорога на Кадиярт свободна, и поэтому боевики ездят как хотят в Кадиярти и "Западный Берлин", туда и обратно.

14.11.95 г. В Гудермес прибыла террористическая группа в количестве 4 человек. Будут использоваться ПТУРЫ (противотанковые управляемые ракеты) на самодельных сварных треногах. Прибыли из Ножай-Юрта.

17.11.95 г. С 19 по 25 ноября планируются террористические акции на предприятиях и в организациях Гудермеса. В городе работает группа Радуева — бывший глава администрации.

Розыск: Радуев Салман Бетырович, 1967 г.р., уроженец г.Гудермеса, паспорт №512883, выдан 14.11.90 г. Гудермесским РОВД.

18.11.95 г. Привезли форму в н.п. Комсомольское. Ездил командир отряда Бантаев Абубакар. Форма производства Литвы, фирма ВИНУС ЛИТЭ.

23.11.95 г. Группировка из Комсомольского считается ударной группировкой Юго-Восточного фронта, которым командует Ямадаев. Братья его живут в "Западном Берлине".

Возможен взрыв железнодорожного моста по улице Терешковой. Привезли тротил для подрыва.

3.12.95 г. Из Гудермеса от местных жителей стали известны планы боевиков — выборы будут сорваны любыми путями и способами. 10 —17 декабря возможно проведение актов против федеральных войск. В Гудермес прибыли группа дагестанских боевиков (5 человек, гранатометы, стрелковое оружие), 2 снайпера из Прибалтики (женщины). В Гудермес возвращаются боевики.

10.12.95 г.

5.40. Угроза в отношении префектуры по телефону (звонок в милицию).

4.30. Поджог автошколы. Сгорели крыша и два класса — в этих классах раньше проводились выборы.

1.00. Обстрел из подствольного гранатомета ОМОНа на железнодорожном вокзале.

11.12.95 г. Информация с КПП-9: боевики стали вывозить свои семьи в южном направлении от Гудермеса. Возможен ЗАХВАТ ГОРОДА Гудермеса. Предположительно 15.12.95 г.

11.12.95 г. Аллерой, Центорой, Бачиюрт, Белоречье, Курчалой, Новая Жизнь, Октябрьское — сплошная зона, занятая дудаевскими НВФ. Могут нанести очень

сильный удар с юга (если соберутся все) по Гудермесу.

12.12.95 г. Возможен захват Гудермеса 14.12.95 г.

Капитан Гаврилов рисковал жизнью, добывая эти сведения. Выходит, рисковал зря. Заплатил жизнью за просчеты, недальновидность, пассивность, нерасторопность других.

С лета, пожалуй, твердят на всех уровнях — от солдата-первогодка до самых высоких чинов: "Губим разведку, посылая ее в бой".

А что делается, чтобы кровавого боя избежать? Что делается "соответствующими органами", чтобы достать, изъять, уничтожить "фигурантов" из списка, где первым стоит фамилия Джохара Мусаевича Дудаева?

Чеченец под белым флагом

В отдельных районах Чечни в те дни активизировались дудаевские отряды, переместившиеся из своих летних лагерей в горах на "зимние квартиры". В Урус-Мартане, Ачхой-Мартане мирные жители, уставшие от войны, ставят боевикам условие — покинуть населенные пункты и поклясться на Коране, что с оружием больше не вернутся.

...Наблюдатель доложил, что по дороге идет человек с белым флагом. Выходим ему навстречу с командиром и начальником штаба части. Чеченец возбужден, потертая дубленка нараспашку. В руках палка с надетой на нее белой наволочкой. Назвался Сеидрахманом. Говорит отрывисто, горячо, явно стараясь, чтобы мы поверили каждому его слову:

— Из-за этих боевиков вчера-позавчера никак не мог добраться до вас — обстрелы. На машине не подъедешь, и пешком боялся. Короче говоря, вчера к вечеру остались только моджахеды из афганской команды.

— Во что они одеты были?

— В белые маскхалаты. Остались только эти, из группы "Джамаат" — там и афганцы, там и негры, и пакистанцы, их человек 80. Остальных в городе уже нет — Радуев вышел, Гелисханов вышел. 8 миллиардов денег они отсюда утащили, из банка нашего национального. Комсомольские (из поселка Комсомольское неподалеку от Гудермеса. — Б.К.) боевики в первый день все это натворили. Я сколько ни старался предупредить — ни в комендатуру, ни сюда добраться невозможно было.

— Боевики были из Комсомольского?

— Из Комсомольского, из Бачи-Юрта — это все подробно, пофамильно вам будет передано, не беспокойтесь. И кто командовал ими, человек пять-шесть. Меня два раза уже к стенке ставили — за капитана и еще одного солдата, который из Алтайского края, я их спас и передал. Поэтому мне там показываться невозможно... Но поневоле пришлось сегодня выйти. Третий день никак не доберусь до вас...

Комсомольские уже ничего не сделают. Там у них в поселке с автоматами двое пацанов стоят для понта, а так уже все — никто вас пальцем не тронет.

— Комсомольских надо разоружать.

— Вы не торопитесь. Давайте, так сделаем — они просят похоронить нескольких своих на кладбище. Вы им разрешите это. Уже весь народ за вас, не за боевиков. Почему? Потому что ваши ребята вывезли женщин и детей, вывезли их на своих БТРах из Гудермеса в Комсомольское. Они об этом рассказали, и об этом знает уже вся Чечня. У боевиков уже под ногами земля горит. Им места нигде нет, их никто не принимает. Они даже не высовываются, боятся показывать свое лицо. Второе — газопровод пробит. Вывезите туда сварщиков, чтобы восстановили. Поговорите со стариками по-доброму, они за вас...

13-го и утром 14-го я никак не мог связаться с комендатурой, чтобы предупредить. Дозвонился только до пожарной части, предупредил, там женщина русская дежурила. Сказал: "Передайте в часть военным, чтобы по улице Терешковой ни одна машина не ехала, там по всей улице боевики засели". Оказывается, вам это не передали. И вот побили ваших ребят.

И еще одно: ради Бога, дайте мне автомат и любого из бандитов, кто к вам попадет, — клянусь, рука не дрогнет, чтобы их расстрелять. Я собаку не убил бы, но этих... Вы не волнуйтесь, мы знаем, где в городе боевики скапливались, где у них штаб был, в каком доме, кто хозяин... У них ни вести, ни чести, ни славы — ничего нету! Я им не раз говорил: "Вы не то делаете. Все лето, суки, спали в лесу, жрали чужую скотину, а сейчас среди зимы, в такой тяжелый момент зашли в город, где дети".

Я поклялся на Коране: если с моим двоюродным братом что-то случится, клянусь Аллахом — из Гелисхановых, Радуевых... любого, мне безразлично. Этот Радуев — он ничтожество, он подонок, я его знаю. И Гелисханова Султана. Они не полевые командиры. И эти Масхадов, Шамиль — это п..., извините за выражение. Им вдолбили в головы, а они как безмозглые ослы, ду-

мают, что когда-то что-то выиграют. Никогда они ничего не выиграют! Давайте подъедем к народу — вам будет хвала и честь. Весь народ смотрит на вас... А эти суки все — боевики из Энгель-Юрта, из Веденского, Ножай-Юртовского районов, ушли. Которые спустились с гор...

На вас народ зла не держит. А эти сволочи показали, на что способны, показали свое лицо. Они маску сняли. И весь народ проклинает их. У них земля под ногами гореть будет...

Мы подъехали к поселку Комсомольское. Чеченцы стояли стеной, но ни одного крика, ни одного злобного жеста в наш адрес не было. Не видели мы и оружия. Безоружный чеченец — мирный чеченец? Оружие, много стволов разных калибров, было надежно спрятано. До поры...

Было солнечное утро 23 декабря. Незаметно заканчивались десять дней гудермесской драмы. Эти десять дней не потрясли мир. Войска потеряли 69 человек убитыми, 148 — ранеными, 11 — без вести пропавшими, семь тел еще не были опознаны...

Туманы в такую пору здесь бывают часто

Вернувшись из бригады, спрашиваю генерал-лейтенанта Анатолия Шкирко:

— Нельзя ли рассматривать бои в Гудермесе как какой-то новый рубеж, второй виток боевых действий в Чечне?

— Нет, — ответил генерал, — я думаю, что это один из эпизодов, продемонстрировавший пагубность той линии, которую избрал и проводит Дудаев. Думаю, что это не последний еще эпизод, к сожалению. Не исключаю подобные ситуации в каких-то других регионах. А по Гудермесу — все...

22 декабря отмечал свой день рождения хороший человек — офицер из бригады внутренних войск. Настроение немного поднялось — ребята из комендатуры уже находились в расположении соседней бригады, откуда их завтра должны перебросить "вертушками". Стол был сказочно богат для военного времени — это женщины расстарались, сэкономили кусок говядины и сотворили плов, пельмени и пирожки. Оттаяли чуток мужики. Кто-то вспомнил: "Сегодня и Доку Завгаев должен гулять, ему 55 стукнуло". — "Пусть гуляет..."

Выборы в Чечне состоялись. План Дудаева "Выборы" успешно провалился. Те новостребованные избирательные бюл-

летени, которыми мы растапливали печи, на общий "процент" не слишком повлияли. В ночь на 22 декабря ушел на восток, к Дагестану, Салман Радуев со своей сворой. Туман был тогда подходящий. Дороги на Шелковскую, Курдюковскую, Каргалинскую контролировали боевики. А дальше — Кизляр... Туда потянулся кровавый след.

В Кизляре, проводя разведку, погиб полковник из войскового главка Олег Собокар. В конце декабря он завидовал мне, улетающему на Новый год домой. А я в который раз ругал его за то, что не хочет рассказывать-вспоминать о погибших наших общих знакомых. "Тяжело мне, пойми, старик, — таких ребят потеряли! Прилечу в Москву, успокоюсь — тогда поговорим, ладно?". Прилетел в Москву. Успокоился. Но не поговорим...

В репортаже из Первомайского показали паренька из ленинградской части, взятого в плен в Гудермесе и освобожденного уже вместе с дагестанскими заложниками. Может быть, этот боец должен был давать зеленую ракету-сигнал: "Бандитов нет. Можно идти смело"?

Вместо эпилога

Радиоперехват в декабре :

— Если 15 числа из Шали не выведут войска, то взорвут президентский дворец Ельцина. Передавали по телеку в Шали. В Шали за выборы и речи быть не может, выборы не допустим. Хорошо, они найдутся в своем месте, лишь бы они не расползались. Пусть передохнут вместе со своим Завгаевым.

— Как дела? Чего ты не приезжаешь? Приезжай ко мне — я сделаю тебе пару "косяков"...

(Радиостанция "Чеченский волк").

Волков не убывает.

Полковник
Б. КАРПОВ.

Чечня - Москва.

P.S. Впрочем, охота на волков началась. Допекли. 10 дней боев в Гудермесе не потрясли ни мир, ни общество, ни войска. В ту войну сказали бы — "шли бои местного значения". События в Кизляре, Первомайском подняли не только волков, выходящих на разбой круглый год. Пальба, крики, столпотворение разбудили, похоже, медведей, спящих в берлогах. И эти злые, непредсказуемые...

“И никакой самодеятельности. Понял?”

СВОЙСТВО русского характера: долго запрягаем. Зато гоним вовсю. За двое-трое суток способны в авральном порядке “порешать вопросы”, над которыми какой-нибудь педантичный немец целый месяц потел бы. “Даешь!” — и вперед. С матюками и административными зуботычинами. На нервах. С напрягом сумасшедшим. Через не могу. “И вечный бой, покой нам только снится”...

На инструктаже в отделе по работе с личным составом Московского округа без ножа меня зарезали: время “Ч” — 9 мая, через 10 дней. К 50-летию Победы должен быть открыт филиал Центрального музея внутренних войск. Одна загвоздка: нет экспонатов с чеченской войны.

— Твоя задача — сесть на хвост бригаде оперативного назначения, — рубанул ладонью воздух инструктор. — Понял? Они завтра утром вылетают. Понял? Соберешь для музея все, что покажется интересным. Понял? Вещмешок не забудь. Поработаешь, снимешь панораму Грозного — и назад. Понял? Сроки поджимают. Осталось всего ничего. Понял? И запомни, никакой самодеятельности. Главное — экспонаты. Понял?

— Так точно, понял!

В полете было нескучно. Угощали друг друга домашними бутербродами. Травили анекдоты. Будем живы — не помрем.

Стекло иллюминатора затянул морозный узор. В кристалликах льда резвились солнечные лучи. Казалось, будто ангел-хранитель, вынырнув из облаков, обнял самолет своим легким крылом.

Не знали мы тогда, да и знать не могли, что не всех уберезет Божий посланник. Получит ранение старший нашей команды майор Горностаев. А бородач лейтенант Карпенко вернется с войны в цинковом мундире.

Знали о другом: в Моздоке нас ждут “вертушки”, на которых полетим в Грозный. А там...

В общем, не забыть про экспонаты и никакой самодеятельности. Понял?

Прощайте, братишки!

ГОВОРЯТ, расставаться со старыми друзьями труднее, чем встречаться. На войне иначе. После счастливых улыбок, крепких объятий и шутливых тумачков узнаешь о потерях. Невозвратных, говоря сухим языком штабных донесений. И радость, умывшись слезами, гложет под тяжестью скорби.

Не стесняясь слез, молодой капитан становится перед строем батальона на колени, низко склоняет стриженую голову. И необстрелянные бойцы, прилетевшие на замену отвоёванным товарищам, без команды следуют примеру комбата Арсеньева...

Коленопреклоненно — честь павшим в боях.

Прощайте, братишки!

Тишина минуты молчания звучит громче торжественной клятвы.

На войне как на войне

ФОРМИРУЕТСЯ бригадная колонна. Завтра быть в Бамуте. Все при деле, всем некогда. Какие, к черту, экспонаты!

— С нами поедешь? — спрашивают командированного от окружного музея лейтенанта. А узнав о поставленной перед ним задаче, посылают подальше.

После безуспешных попыток найти хоть одного начальника, заинтересованного в сохранении для потомков истории войск, понял, что искать нужно автомат.

С этим проблем не было. По первой же просьбе получил. И оружие, и "броник", и "сферу". На войне как на войне. В прихваточный по совету инструктора вещмешок сложил патроны с сухпаем. Выгрузив предварительно пачку газет. Их расхватали в момент. Еще бы! Русский солдат — самый читающий солдат в мире. Не зря журналисты перьями скрипят — окружное издание пользуется в Чечне огромным спросом.

Ночь прошла спокойно. Боевики, как и мы, отдыхали.

"Этот долбаный Бамут..."

ОБОЧЬ дороги, петляющей по невспаханым полям, — трупы лошадей и коров, обгоревшая, покореженная бронетехника. "Апофегей" войны...

За рулем нашего "Урала" контрактник. Ас. Грузовик, завывая, лихо вписывается в крутые повороты, быстрым скакуном взлетает на подъеме.

В кузове тряска и пыльно. Завидую тем, у кого есть спецгазовские маски. Впрочем, и они не спасают от пыли.

На ухабах кидает от борта к борту. Если б не бронезилят, как пить дать, переломал бы ребра.

— Кажись, подъезжаем, — сказал сидевший у кабины боец. — Этот долбаный Бамут нам внушает всем уют.

Впереди слышится раскатистый пулеметный лай. Гулко ухают пушки.

— Главное — экспонаты, — повторяю про себя приказ инструктора. В животе холодно и муторно.

Колонну встречает бэтээр. На броне — разведчики в "пиратских" косынках. Оборванные и чумазы. Они сопровождают нас до позиции.

С ходу форсируем мелкую речушку. Грохот канонады рвет барабанные перепонки. Останавливаемся под крутым берегом. Быстро спешиваемся. Жмемся к обрыву: наверху идет бой.

Лязг затворов. Не знаю, за что схватиться — за АК или за фотоаппарат. Побеждает журналистский рефлекс.

Наверх ведет тропинка. Ее усердно ковыряет вражеский пулеметчик. Лунки — хоть картошку сажай. Под прикрытием брони прорываемся к окопам на высоте.

На обочине дороги врыты в землю несколько "коробочек". Из глубоких земляных щелей ведет огонь окопный народ. Справа, за зеленой рощицей, видны крыши поселка. Прямо перед позициями живописный луг. Отличная натура для рекламного плаката "Добро пожаловать на курорты Чечни!". За лугом гора в шапке "зеленки". Там — "духи".

Падаю за бугорок. Рядом то и дело взмываются черные фонтанчики. С горы долбит крупнокалиберный пулемет. Надо менять позицию, иначе мою "сферу" "джохарчик" превратит в музейный экспонат.

Щелкнув пару раз фотоаппаратом, сваливаю в окоп. Молодецкий солдатик-пулеметчик хлещет длинными злыми очередями. За спиной — танковый рев. Глухну от пушечного выстрела.

Разрыв справа. Задымил врытый в землю БТР. Изнутри вырвались языки пламени.

От горящей машины к нашему окопчику обезьяньими скачками устремился солдат. За ним по пятам — уже знакомые фонтанчики.

— Гады! — плюхнувшись рядом со мной, крикнул боец и заплакал: — Дом, дом спалили! Где я теперь ночевать буду?!

Все плотнее и плотнее огонь.

— Уходим! Уходим! — прокатилось по окопам.

На дорогу выползает танк. За ним собираются наши. Под прикрытием брони

скрываемся в густом кустарнике. Здесь выстраивается колонна.

— Шесть приданных танков было у нас, осталось три, — говорит мне разгоряченный боем разведчик и, поправив косынку на голове, добавляет: — Не я буду, если не высморкаюсь напоследок.

С этими словами он не спеша выходит из укрытия, выпускает в сторону "зеленки" длинную очередь и так же неторопливо возвращается. С довольным видом отстегивает магазин от ручного пулемета, смотрит, не осталось ли патронов. Рожок пуст.

Не дает покоя вопрос: как выходить из боя, кто останется в окопах?

— Энская бригада пусть теперь повоеует. У нас вчера ящик сгущенки с брони упал, так они его подобрали и не вернули. Харч отрабатывать надо, — проворчал "пират" в кожаной жилетке.

Влезаю на бэтр. Сидящий рядом солдат великодушно уступает засаленный матрас.

— Куда теперь? — спрашиваю.

— В Орехово...

Береты за храбрость

ЗАРЯДИЛ дождь. С тоской вспоминаю о плащ-накидке, оставленной дома. Не хватало еще заболеть на войне.

Выручили ушлые разведчики. Они привезли на бэтэре штабель горбыля для костра и настила, чтобы спать не на сырой земле. Под натянутым брезентом оборудовали место для ночлега.

Пока готовился ужин, стал свидетелем вручения разведчикам и бойцам группы спецназа краповых беретов.

Не было высокого начальства. Не было долгих поздравительных речей, оркестра. Где-то бабахала пушка, в небе мелькали светлячки трассеров. Шел противный дождь. Его капли смывали с лиц награжденных слезы гордости. И скорби: три берета положат на домовины товарищей, погибших в бою под Бамутом.

Спали вповалку на настиле. Все вместе — и солдаты, и офицеры.

А от простуды меня спасла порция водки из старшинских запасов.

А вот и долгожданные экспонаты

ДОРОГИ раскисли. Броня буксовала в жирной пластилиновой грязи. А нашему "Уралу" хоть бы хны. Главное, на каком-

нибудь вираже из кузова не вывалиться — занозой застряла беспокойная мысль.

Когда бэтэеры завязли в очередной раз, колонну обстреляли из рощи. По-моему, неумехи-дилетанты. Во-первых, промазали, на наше счастье, а во-вторых, с первых же выстрелов обнаружили себя. Ну какой дурак стреляет трассирующими из засады! Опасаясь, что появится гранатометчик, хорошенько обработали "зеленку" из всех стволов.

Вскоре с ближайшего блокпоста подъехал вызванный на подмогу танк и вытащил застрявшие "коробочки". А возвращаясь, лупанул снарядом по предполагаемой позиции дудаевцев. Лишним не будет.

На базе вновь напомнил отцам-командирам о цели своей командировки. На сей раз пошли навстречу обкатанному в перестрелках корреспонденту. И через несколько часов я почувствовал себя богачом. Как говорится, не было ни гроша и вдруг алтын. Появилась возможность выбирать из принесенных трофеев наиболее интересные.

Обрез. Ржавый, но затвор работает. Годится.

Фальшивые купюры. Их изымали пудами. Качество исполнения крайне безобразное, но задурить голову народу, который три года сидел без денег, можно.

Визитная карточка личного банкира Джохара Дудаева.

— Получена во время "проверки финансовой деятельности", — пояснил офицер, принеший экспонат.

— А что стало с владельцем?

— Не пережил инспекции, — улыбнулся саркастически.

Деревянная статуэтка орла. Снята с кабины ГАЗ-66, захваченного у боевиков. Слишком гордо пернатый хищник на машине волков сидел.

А вот трофей посерьезнее. Пулеметные ленты под патрон калибра 5,45 мм. В России таких не производят. Прямое доказательство иностранной помощи боевикам.

Магнитофонные кассеты с агитационными речами. На них какой-то местный виршеплет угрожает России. Не убедительно, но с истерическим пафосом.

Привлек внимание еще один экспонат — оптический прицел от гранатомета с застрявшей пулей. Чуть на колени не падал, упрашивая подарить. Но командир был неумолим:

— У нас в бригаде — свой музей. А ты нас и без того подчистую ограбил.

Это точно. Трофеев столько, что одного вещмешка маловато будет. Нужна тара повместительнее. Нашел большой деревянный ящик с запорами. Но один я его не довежу. Ладно, подумал, отложу решение этой проблемы на потом.

Пора снимать панораму Грозного.

Выплаканные очи России

ЗИМОЙ вид разрушенного города был невыносим. Сейчас всюду буйствует весна, и зелень израненных пулями и осколками деревьев, словно в укор людям, маскирует страшные развалины.

На площади перед Домом правительства вспомнил поговорку: ломать — не строить. Сколько же сил и средств нужно, чтобы восстановить разрушенное! И как при нашей безалаберности и продажности чиновников будут израсходованы выделенные для этой цели триллионы?

Чем дальше от центра, тем больше жизни. Но и здесь...

На газоне лежит труп мужчины. Ноги в неглубокой воронке. Вместо лица у бедняги кровавое месиво. Оторваны кисти рук. Видимо, на мину напоролся.

Навстречу нашему бэтэру то и дело выходят люди, показывают найденные в развалинах нераззорвавшиеся боеприпасы: что с ними делать?

Старший офицер останавливаться запретил:

— Это работа саперов.

На базаре патрульные, извинившись, проверяют документы. Удивляются, почему военная пресса без оружия.

Окидываю взглядом прилавки. У чеченцев они намного богаче, чем у русских. И милостыню собирают исключительно славяне. Они больше всех страдают от этой проклятой войны.

Даю протянувшей руку старушке пять тысяч. Плача, она крестит меня:

— Дай Бог здоровья...

Все как один покупаем тюльпаны. Цена совершенно смешная: пятьсот рублей за огромный букет. Тем более что продают их опять же русские.

Цветы — в подарок медсестре Лидочке, единственной на базе представительнице прекрасного пола. Хотя, по-моему, она уже смотреть на тюльпаны не может. Столько мужиков вокруг, и каждый старается проявить себя галантным рыцарем.

На выходе столкнулся с уже знакомой женщиной. И, взглянув на ее изрытое морщинами лицо, почувствовал, как к горлу подкатил ком. Казалось, сама Россия смотрит мне в душу заплаканными очами.

Товарищ подал милостыню и почти силой утащил меня к бэтэру.

Долго не могу забыть эти глаза. Чувство опустошенности, бессилия что-либо изменить терзает душу...

Таможня дает добро

МОЙ ящик стал неподъемным. До самолета товарищи подбросят на броне — договорился. А дальше? Как провезти его через три таможни? Необходимо официальное разрешение с подписью и печатью начальника штаба группировки внутренних войск. Повебло: в Ханкалу по своим вопросам ехал замкомбрига, прыгнул в "коробочку".

На КПП разовые пропуска выписывает целый полковник. Мне на его месте виделся максимум прапорщик. "Контора!" — пришло на ум.

Со списком, составленным от руки, меня отфутболили. Озабоченный поисками машинки в незнакомом месте, приготовился заночевать. И вдруг попадаю в объятия бородатого полковника. Ба, да это ж мой старый знакомец! Радости нет предела, потому что Юрий Гаврилович может все.

Через двадцать минут список экспонатов готов. Скреплен подписью и печатью. Берегись, таможня!

Тут подбегает посыльный от замкомбрига. Оказывается, меня еще ждут. Ну спасибо, мужики!

На следующий вечер я уже был в Москве, благополучно пройдя со своим ящиком досмотр на трех таможнях — в "Северном", Моздоке и Чкаловске.

Старший лейтенант А.ЯГОДИН.
Фото автора.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

31 декабря 1995 года Указом Президента России генерал-лейтенант Анатолий Шкирко назначен заместителем министра внутренних дел — командующим внутренними войсками МВД России. Этим же указом генерал-полковник Анатолий Романов, по-прежнему находящийся в госпитале им. Бурденко после тяжелого ранения, освобожден от должности командующего ВВ, но оставлен заместителем министра внутренних дел.

Командование Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне возложено на генерал-лейтенанта Вячеслава Тихомирова.

В прошлом году не удалось остановить кровопролитие в Чеченской Республике. По-прежнему звучат выстрелы и взрывы, гибнут российские военнослужащие. Скорбный список безвозвратных потерь внутренних войск пополнился новыми именами. При выполнении служебного долга по разоружению незаконных вооруженных формирований погибли:

рядовой Владимир ВЛАДИМИРОВ, лейтенант Илья ЧИРКОВ, рядовой Александр ИВАНОВ, рядовой Владимир МИРОНОВ, рядовой Анатолий МИНЕЕВ.

1-3 января. За прошедшие праздничные дни особых изменений в обстановке не произошло. У дудаевцев сегодня еще хватает сил для ведения "минной войны" и на ночные диверсионные вылазки против федеральных сил. Ежедневно в ЧР, особенно в Грозном, звучали выстрелы, позиции частей и подразделений Объединенной группировки обстреливались от 20 до 35 раз в сутки. В первый день нового года убит **рядовой Захар КОДОГРИБОВ.**

В Гудермесе все еще продолжается операция по разминированию города и его окресток от боевиков. Обнаружено более 100 единиц оружия, большое количество боеприпасов.

Вечером 3 января военнослужащие комендантуры Ленинского района Грозного при досмотре грузового автомобиля обнаружили в его кузове 40 реактивных снарядов к установке "Град".

4 января. Утром на въезде в селение Ханкала, что в нескольких сотнях метров от КП Объединенной группировки федеральных сил, прогремел мощный взрыв. По одной из версий, по блоkpосту внутренних войск из проезжающей автомашины был произведен выстрел из гранатомета. Граната угодила в бронетранспортер, в результате взрыва сдетонировали находившиеся в боевой машине боеприпасы. Одновременно блоkpост был обстрелян с разных сторон из стрелкового оружия. Завязалась перестрелка с применением крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, боевых машин, которая длилась более получаса. В результате этой акции

погиб **рядовой Андрей ЖУКОВ**, шестеро военнослужащих получили ранения. Есть пострадавшие и среди мирного населения.

Совершено нападение на КПП дагестанской милиции недалеко от н.п. Хасавюрт. Двое милиционеров убиты, один тяжело ранен.

Напряженная обстановка сложилась у горного селения Ведено, где сейчас находится около 300 боевиков. Село блокировано войсками. Однако федеральные силы пока не предпринимают никаких решительных действий, доверив ведение переговоров с боевиками старейшинам.

7 января. Российские войска в Чечне встречают Рождество, к сожалению, без перемен к лучшему: за минувшие сутки в результате обстрелов ранены трое военнослужащих. Зарегистрировано 22 обстрела федеральных сил, из них 18 — в Грозном. В чеченской столице приняты усиленные меры безопасности: ужесточен пропускной режим, движение транспорта в ночное время ограничено. Военнослужащие внутренних войск совместно с органами правопорядка Чечни ведут круглосуточное патрулирование на улицах города.

9 января. Примерно в 5.30 дагестанский районный центр Кизляр атаковала чеченская банда (по разным данным, от 200 до 600 боевиков), возглавляемая зятем Дудаева Радуевым. Террористы проникли в город с северной стороны, через мост, где ими был уничтожен пост ОМОНа. Среди бандитов много наемников, которых специально готовили в Пакистане для терактов и уличных боев. Именно они совершили недавнюю бандитскую вылазку в Гудермесе.

Террористы захватили родильное отделение местной больницы, куда согнали около 3000 человек, в основном женщин и детей. Сопrotивлявшихся произволу жителей боевики расстреливали на месте.

К рассвету группы боевиков просочились в жилые кварталы города, блокировали железнодорожный вокзал и расквартированный в городе батальон внутренних войск, захватили мост через Терек. Одновременно боевики совершили нападение на аэродром и профилакторий, где отдыхали летчики. Террористы планировали захватить склад артехаоружия, загрузить в вертолеты оружие и приказать пилотам доставить в Чечню. Встретив упорное сопротивление на аэродроме и в войсковой части, террористы отошли. При отходе они сожгли два вертолета ВВ. В результате столкновения уничтожено шесть бандитов, один взят в плен. Есть жертвы и среди военнослужащих внутренних войск — погибли **полковник Олег СОБОКАРЬ** и **рядовой Руслан ФИЛЯЕВ**, еще 16 человек ранены.

Салман Радуев, давно вынашивавший планы переноса боевых действий на территорию Дагестана, заявил по местному радио, что в город "пришли волки и не уйдут, пока Россия не выведет федеральные войска из Чечни и всего Северного Кавказа".

В Кизляр срочно переброшены спецподразделения МВД, ФСБ и Министерства обороны, вылетела оперативная группа внутренних войск, возглавляемая заместителем командующего генерал-лейтенантом Виктором Гафаровым. Руководить операцией Президент поручил директору ФСБ Михаилу Барсукову.

К исходу дня спецподразделения выбили боевиков с захваченного ими моста. Внутренние войска и дагестанская милиция продолжают очищать жилые кварталы от террористов, дудаевцы блокированы в районе роддома и горбольницы. Они используют испытанную тактику живого щита, выставив заложников в проемах окон. Во второй половине дня бандиты расстреляли двух заложников.

Старейшины Кизляра, руководство Дагестана убедили бандитов продолжить переговоры, которые возобновились ближе к вечеру. Стрельба возле больницы прекратилась.

По словам министра внутренних дел Анатолия Куликова, в последние месяцы почти ежедневно поступала информация о попытках непримиримых совершить в том или ином районе Чечни и за ее пределами террористический акт, подобный кизлярскому. Но эта информация была неконкретной. Министр с сожалением отметил, что "взять под жесткий контроль прилегающие территории довольно сложно, не наберется столько сил, чтобы полностью закрыть республику". Генерал армии Куликов заявил, что никто из боевиков на этот раз не уйдет от ответственности.

10 января. В 6.45 бандиты погрузились в переданные им автобусы и, захватив с собой десятки заложников, в том числе семь добровольцев из числа руководящих лиц Дагестана, покинули Кизляр. Автоколонна из 11 автобусов и 2 КамАЗов направилась в сторону дагестанского села Бабаюрт (к юго-востоку от Кизляра), чтобы оттуда проследовать к Хасавюрту, где и пересечет административную границу с Чечней. Конечным пунктом назначения террористы назвали населенный пункт Новогрозненский, что примерно в 50 километрах от Грозного. Внутренними войсками организовано сопровождение автоколонны.

Около 10 часов колонна с боевиками и заложниками остановилась в 10 километрах от административной границы Дагестана и ЧР, на окраине села Первомайское. Террористы требовали встречи с кем-либо из руководства федеральных сил, чтобы получить гарантии беспрепятственного продвижения по Чечне. Появились и другие требования. При движении по республике они намерены увеличить свой эскорт за счет местной милиции и военнослужащих внутренних войск.

В Кизляре с раннего утра идут работы по ликвидации последствий бандитского нападения. В 7.30 группа саперов внутренних войск во главе с майором Виктором Шаховым приступила к разминированию здания больницы. Как

оказалось, на месте преступления боевики создали два рубежа взрывных заграждений. Первый состоял из 125-миллиметровых осколочно-фугасных снарядов для танковых орудий, которые были уложены вдоль фасада больницы. В случае штурма дудаевцы предполагали подорвать их с помощью электродетонаторов. Второй рубеж представлял собой мины и растяжки, установленные в подъездах, на лестницах, в кабинетах лечебного учреждения. Кроме того, в самом здании были установлены противотанковые мины, а также фугасы направленного действия. В общей сложности в этот день было снято и уничтожено 42 взрывоопасных предмета.

По информации МВД Дагестана, к вечеру 10 января часть террористов зашла в Первомайское, а остальные заняли круговую оборону возле автобусов с заложниками. В течение вечера и ночи к населенному пункту вертолетами были переброшены подразделения специального назначения МВД и ФСБ, отряды ОМОНа, блокировавшие колонну. Тем не менее с территории Чечни двум группам дудаевцев удалось прорваться с боем сквозь оцепление федеральных сил и прийти на помощь Радуеву. Увеличилось и число заложников — в плен попали 38 милиционеров новосибирского УВД. Главарь террористов недвусмысленно заявил, что "судьба милиционеров зависит от уступчивости властей".

В Грозном при обстреле здания правительства из снайперского оружия убит **сержант Анатолий МИНЧЕНКО**.

В Главном военном клиническом госпитале им. Н.Н.Бурденко сделана хирургическая операция по стимуляции головного мозга генерал-полковнику Анатолию Романову. Операцию вместе с российскими врачами провел известный японский нейрохирург профессор Такаши Цубокава.

11 января. Вторые сутки на окраине села Первомайское стоит колонна автобусов с дудаевцами и захваченными ими заложниками. Боевики требуют обеспечить им безопасный проезд через Хасавюрт, однако командование федеральных сил не соглашается с этим маршрутом, объясняя это тем, что в Хасавюрте проживает большая община аварцев, среди которых могут оказаться родственники заложников, что неизбежно приведет к вооруженному конфликту.

В 11.30 ситуация в районе Первомайского обострилась. Заметив колонну бронетехники федеральных войск, террористы выгнали заложников из автобусов, создав из них вокруг себя живой щит. Милиция и внутренние войска блокировали все подъезды к селу. Растет напряжение в соседних с Первомайским населенных пунктах. На митингах собравшиеся требуют немедленно отпустить заложников, в противном случае грозят расправиться с семьями и родственниками террористов. В Кизляре несколько чеченских семей покинули место жительства, опасаясь за свою жизнь. Переговоры с бандитами пока не дают каких-либо результатов.

К позднему вечеру завершено разминирование кизлярской больницы и прилегающей территории. В ходе работ на mine подорвался и

получил тяжелые ранения командир саперов майор Виктор Шахов.

Резко обострилась ситуация в Грозном. В 13 часов чеченские боевики начали массированный обстрел комендатуры Заводского района. Обстрел здания велся со всех сторон из стрелкового оружия и гранатометов. В результате нападения ранены 3 сотрудника милиции и представитель командования федеральных сил.

В военном госпитале от ран, полученных в ходе боя 22 ноября, умер рядовой Сергей БОЙКО.

12 января. Ситуация в Первомайском принципиально не изменилась. На переговорах главное требование федеральных властей остается неизменным — немедленное освобождение заложников. В требованиях же террористов уже нет политической окраски, они хотят единственного — обеспечения личной безопасности. В результате переговоров освобождено несколько женщин и детей. В то же время дудаевцы готовятся к возможному штурму села — заложники используются на рытье окопов. Ночью бандиты заминировали автобусы. По информации, полученной из радиоперехвата переговоров между штабом Дудаева и Радуевым, группа последнего получила указание постоянно открывать огонь в воздух, провоцируя федеральные войска на ответные действия, ужесточить обращение с заложниками. В частности, Дудаев высказал неудовольствие, что боевики оставили в живых захваченных ими сотрудников новосибирской милиции.

13 января. Сегодня ни один заложник не был освобожден. Боевики продолжают настаивать на своих требованиях. У блокпоста, расположенного недалеко от Первомайского, собралось большое число жителей окрестных сел, которые на импровизированном митинге требуют, чтобы федеральные силы не проводили операцию по освобождению заложников, а дали возможность террористам беспрепятственно уйти в Чечню. Митингующие прорвали кольцо оцепления и двинулись к Первомайскому. Властям Дагестана с трудом удалось убедить их не делать поспешных шагов.

Поздним вечером директор ФСБ Михаил Барсуков предъявил ультиматум чеченским террористам об освобождении всех заложников до 10 часов 14 января.

Обстановка в Грозном по-прежнему напряженная. В результате столкновения с боевиками погиб рядовой Александр ВАСИЛЬЕВ, несколько военнослужащих получили ранения.

14 января. Директор ФСБ М.Барсуков и министр внутренних дел А.Куликов вылетели в район Первомайского, чтобы на месте выяснить ситуацию с заложниками.

Во второй половине дня обстановка стала обостряться. К 15 часам переговоры с боевиками, так и не принешие успеха, были завершены. Дудаевцам было предложено безоговорочно освободить всех заложников, сдать оружие, после чего им гарантировался свободный выход в Чечню. Для размышлений над ультиматумом боевикам предоставили ночь с воскресенья на понедельник.

Чтобы ослабить напряженность, федеральные силы даже начали отход от блокированного ими села. В это время в спину отходящим дудаевцы открыли огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Четверо военнослужащих внутренних войск ранены.

Ночью боевики продолжали укреплять огневые позиции, рыть окопы. По данным Управления информации и общественных связей МВД России, среди боевиков в Первомайском — 9 особо опасных преступников, 6 наемников, 6 женщин-подрывников. В заложниках у Радуева, по предварительным данным, 116 человек.

15 января. Утром ЦОС ФСБ России распространил официальное заявление о положении в Первомайском, подчеркнув, что "все возможные меры по мирному разрешению ситуации исчерпаны". Войскам, блокирующим село, был отдан приказ сузить кольцо вокруг Первомайского. За 10 минут до начала штурма к боевикам обратился директор ФСБ М.Барсуков. Он в последний раз предложил дудаевцам сдать оружие, отпустить раненых. Ответа не последовало. В 9 часов артиллерия и вертолеты нанесли огневой удар по населенному пункту. Через полтора часа после того, как, по мнению специалистов, были подавлены основные опорные пункты дудаевцев, подготовленные ими за дни противостояния, в село вошли солдаты спецподразделений, перед которыми была поставлена задача освободить как можно больше заложников.

К 12 часам огневые удары с вертолетов по Первомайскому переместились с центральной части села на южные и западные окраины, через которые дудаевцы пытались вырваться из окружения.

К 16 часам стало ясно, что операцию по освобождению заложников не удастся завершить в течение светового дня. Боевики, несмотря на понесенные потери, смогли отойти в центр и на южную окраину села, где создали мощный узел обороны. Подразделения федеральных сил продолжают продвигаться в центр села, откуда дудаевцы ведут огонь из всех видов оружия, кроме тяжелого.

В течение всей ночи с понедельника на вторник подразделения спецназа ФСБ и МВД проводили "зачистку" освобожденных районов Первомайского.

16 января. К утру были освобождены 16 заложников.

С 11.10 до 11.20 по сосредоточению боевиков в Первомайском был нанесен мощный огневой удар с вертолетов. Следом подразделения федеральных сил атаковали блокпост, расположенный на южной окраине села. К 12 часам блокпост был взят.

Освобождено уже 30 заложников. Все эвакуированные из зоны боевых действий проверяются спецорганами. Два террориста, представившиеся потерпевшими кизлярцами, задержаны.

Обстановка в Грозном по-прежнему сложная. Накануне в городе введен особый режим — войска и милиция блокировали центральную часть Грозного, перекрыли возможные подходы к мостам и сами мосты через реку Сунжа, ужесточили пропускной режим. За сутки после при-

нятых мер пункты временной дислокации федеральных сил обстреливались 20 раз. В результате перестрелок убито 3 боевика, с нашей стороны — один военнослужащий убит, двое ранены. Наибольшая активность боевиков наблюдалась в районе н.п. Серноводск, Урус-Мартан, Орехово. Во владикавказском госпитале умер от ран рядовой Юрий БРЮХАНОВ.

По сообщению ЦОС ФСБ, сегодня в 6 часов утра в одном из окраинных районов Грозного — поселке Кирова — неизвестными лицами захвачены в качестве заложников 29 работников ночной смены грозненской ТЭЦ-2. Их судьба пока неизвестна.

Поздним вечером 16 января информационные агентства сообщили о захвате заложников, в основном жителей СНГ, на турецком судне "Аврасия", которое прибыло в турецкий город Трабзон из Сочи. Переговоры с террористами, выкрикивающими прочеченские лозунги, ведет руководство провинции и порта.

17 января. Местонахождение ставропольских энергетиков, захваченных накануне в Грозном, по-прежнему неизвестно.

Судьба теплохода "Аврасия" и его пассажиров остается неясной. Известно имя главы бандитов — Мухаммед Токчан. Главное его требование — прекратить штурм Первомайского, беспрепятственно выпустить окруженных в селе боевиков в Чечню. В противном случае террористы обещают взорвать судно.

В Первомайском продолжается операция по освобождению заложников. К утру 17 января в руках террористов остались мечеть и школа в центре села. В ходе операции освобожден уже 41 заложник.

Основная тяжесть боя легла на спецподразделения. И прежде всего, на "Витязь" и СОБРы МВД России. Основные потери федеральные силы несут от огня снайперов. Убиты 6 военнослужащих, ранено 40. От снайперской пули скончался в госпитале командир московского СОБРа, бывший офицер внутренних войск подполковник Андрей КРЕСТЬЯНИНОВ.

18 января. Ночью отряд Радуева предпринял попытку прорыва из Первомайского. В 2 часа 15 минут около 70 террористов атаковали федеральные силы. Одновременно на внешнее кольцо блокирования было осуществлено нападение группы дудаевцев со стороны села Советское. Бой продолжался до 6 часов утра. Группе боевиков под прикрытием заложников удалось вырваться из окружения. С рассветом федеральные силы предприняли решительный штурм Первомайского и к полудню овладели школой и мечетью. В 14 часов операция в Первомайском была завершена. К сожалению, главарь банды Салман Радуев среди убитых и плененных не обнаружен.

В этот же день и следующую ночь в Первомайском и соседнем селе Советском, блокированных войсками, продолжалась "зачистка" домов. Работа подразделений спецназа осложняется значительным количеством установленных дудаевцами мин, растяжек, неразорвавшихся боеприпасов.

19 января. Обстановка в районе Первомайского за прошедшие сутки не обострялась. Тер-

рористов, которые, как предполагалось, еще скрываются в селе, не обнаружено.

Четырехдневная драма с заложниками на теплоходе "Аврасия" закончена. Террористы сдались властям Турции, все пассажиры освобождены. Судьба российских энергетиков, захваченных 6 января в Грозном, по-прежнему неизвестна.

20 января. Глава ФСБ М.Барсуков и министр внутренних дел А.Куликов на пресс-конференции в Москве подвели итоги 10-дневной операции по ликвидации банды Радуева и освобождению захваченных в Кизляре и Первомайском заложников.

Действия банды Радуева в Кизляре и Первомайском не имеют аналогов в мировой практике, а потому, по словам М.Барсукова, никаких апробированных вариантов решения данной проблемы у оперативного штаба не было. Во время подготовки операции по освобождению заложников федеральными силами была выбрана тактика изматывания боевиков, дробления их на мелкие группы. И это во многом себя оправдало.

По словам министра внутренних дел А.Куликова, группе боевиков удалось скрыться, возможно, среди них был и Радуев, но пока говорить об этом рано, так как следственная работа продолжается.

И все же, по словам генералов, операцию в Первомайском можно назвать успешной. Войскам противостояло около 300 боевиков, из них уничтожено 153, однако эта цифра, видимо, возрастет после того, как будут закончены поисковые мероприятия. В плен захвачено более 30 дудаевцев. Из 120 заложников освобождено 82. С федеральной стороны в операции участвовало 2414 человек, погибло 26, ранено — 95. Пока неизвестна судьба 18 милиционеров новосибирского УВД, взятых дудаевцами в заложники на блокпосту у Первомайского.

Со стороны внутренних войск погибли:

**рядовой Дмитрий ПОПОВ,
рядовой Олег ДОЛГОВ,
старший лейтенант Дмитрий ШУТОВ,
рядовой Дмитрий ЕВДОКИМОВ.**

21 января. Сегодня ночью отряд боевиков пытался прорваться к Каргалинской плотине на реке Терек на чечено-дагестанской границе. Нападение было отбито военнослужащими внутренних войск, которые охраняли плотину.

В этот день трагически оборвалась жизнь капитана Бориса БОГОСЛОВСКОГО.

В последующие дни января скорбный список безвозвратных потерь пополнился новыми именами. Пока мы не можем опубликовать фамилии последних погибших, так как данные на них проверяются.

По состоянию на 29 января, в Чечне при выполнении воинского долга погибло 470 военнослужащих внутренних войск, более 2200 получили ранения.

**Подборку подготовил
старший лейтенант
С.КОЛЕСНИКОВ.**

Строки, рожденные в бою

Эти строки известны тем, кто прошел Чечню. Собственно, это не стихи, а песни, их поют солдаты во время затишья между боями, поют, зачастую не зная, кто автор, только чувствуя душой — это свой в доску мужик. А оно так и есть. За плечами полковника Александра Александровича ЧИКУНОВА — Фергана и Тбилиси, Карабах и Осетия, Ингушетия и Чечня. Желтая и четыре красные нашивки с правой стороны груди, орден Мужества и "За личное мужество" — с левой...

Александр ЧИКУНОВ

РОДИНА, НЕ ПРЕДАВАЙ МЕНЯ

...

Ах, не встречайте нас весело,
Мы не с победою прибыли.
Не говорите нам песнями:
Из нас бойцов сколько вышло.

Верба серьги развесила,
Все равно нам не весело.
Нынче рано проснулась земля.
Только не предавай меня,
Родина! Не предавай меня.

Наша жизнь как на лезвии.
В горле стоим кому-то мы.
Землю пахать полезнее,
Но надо стрелять — хоть и муторно.

Сколько там наворочено —
Не прикроешься строчками.
И опять нас во всем винят...
Только не предавай меня,
Родина! Не предавай меня.

Вот и званы плывут колокольные
Над полями, березами грустными.
Почему мы не птицы вольные?
Разве наша вина, что мы русские?

Ты нас досыта кормила сказками.
Не сыны тебе ближе, а пасынки.
Из огня идем в полымя.
Только не предавай меня,
Родина! Не предавай меня.

Вы все хотели быть молоды,
Вы все хотели быть вечными.
И вот, войной перемолоты,
Зажжены поминальными свечками...

Вот так и живем походами
Под небесными сводами,
Без тебя не прожить ни дня,
Только не предавай меня,
Родина! Не предавай меня.

...

Вот так получилось, что
враз постарели —
Мы были как все, нас война изменила.
И так же, как все,
мы войны не хотели —
Никто не забудет того,
что там было.

Не надо жалеть, боевые друзья,
Какую судьбу мы себе нагадали.
Давайте жалеть тех, кто не был в боях,
Но гордо надел ордена и медали.

На наших руках умирали солдаты,
Мы честно свое под огнем отпахали.
Кто там за спиной,

мы за тех виноваты —
Они нашу честь, наши души продали.
Кто раз поскупился,
тот платит вдвойне.

Сомкните бокалы за наше здоровье.
Есть новая формула в этой войне:
Чем дальше от фронта,
тем больше героев.

И каждую ночь снится только война,
В своих разговорах
про женщин забыли...
Кто пали потом — это наша вина,
За то, что при жизни их мало любили.
Кто нервы сберег,
тот доволен вполне.

А нас — кого пулей,
осколком снаряда...
Есть странного много на этой войне:
Чем дальше от фронта,
тем выше награда.

Борьба с диверсантами на сухопутных коммуникациях

Но узкой дороге, уходящей в глубь джунглей, медленно ползет автоколонна под прикрытием бэтээров. Кузова грузовиков оцетинились стволами. Напряжены, сосредоточены лица солдат в маскировочной раскраске. Внимательные взгляды ошупывают густые заросли вдоль обочин, скользят по кронам деревьев, которые сплетаются над головами в плотный шатер... Неожиданно монотонный гул двигателей, сопровождаемый гвалтом встреченных птиц, тонет в грохоте противотанковых гранатометов, сухой пулеметной скороговорке...

Колонна напоролась на засаду. Типичнейшая ситуация в "нетрадиционной", контрпартизанской войне.

Уступая, как правило, регулярным частям в вооружении, технической оснащенности, формирования мятежников стараются выиграть в другом. Умело используют рельеф, растительный покров и другие защитные свойства хорошо знакомой местности. Максимально реализуют фактор внезапности. И совершают нападения обычно там и тогда, где и когда действующие против них войска наиболее уязвимы. Излюбленный тактический прием партизан — диверсии на сухопутных коммуникациях. Здесь они чувствуют себя хозяевами положения. Грамотно выбрав участ-

ки для укрытия боевиков и огневых средств, устройства минных заграждений, искусно замаскировавшись, группы повстанцев способны наносить сокрушительные удары по автобронеколоннам, молниеносно атаковать товарные и пассажирские поезда. Таким образом, случилось (в Алжире, Индокитае), мятежники на длительное время парализовывали перевозку важных грузов и наносили ощутимые потери войскам, включая силы спецназначения.

С учетом этих обстоятельств в США на основе критической оценки опыта контрпартизанских операций были разработаны и внедрены в систему боевой подготовки специальные тактические приемы и методы борьбы с засадами противника на шоссейных и иных дорогах.

По мнению американских специалистов, господство на коммуникациях — одна из приоритетных установок полевых командиров. Поэтому, находясь в мятежном регионе, нужно ждать диверсий отовсюду: боевики проявляют активность не только на подвластных партизанам территориях, их отряды орудуют и в провинциях, контролируемых органами государственной власти. И в первую очередь они выбирают места с такими качественными особенностями, которые дают организаторам

засад весомые преимущества над войсковыми подразделениями. Наибольшую опасность для колонн и отдельных машин представляют труднопросматриваемые участки горной, лесистой или заболоченной местности, туннели и мосты (путепроводы), в городах и селениях — районы сплошной застройки, окруженные садами, стиснутые заборами (дувалами) узкие улочки. Да и на равнине, потеряв бдительность, можно угодить в капкан.

В оперативных масштабах американцы рассматривают засады как систему взаимосвязанных акций, которые следует рассматривать в качестве беспокоящих действий. При удаче они приводят к серьезным потерям в живой силе и боевой технике, утрате ценного имущества, документов. С другой стороны, успешно организованные антивоюсковые операции на дорогах являются эффективным инструментом в психологической войне, которую партизаны ведут против личного состава войск, гражданских властей и местного населения, оказывают деморализующее воздействие на военнослужащих, представителей администрации, граждан, враждебно настроенных к экстремистам, порождают у них чувство страха, неуверенности в своих силах. Ну а в среде мятежников способствуют распространению мифа о непобедимости партизанского движения, превосходстве боевиков над военными.

В узком смысле засада — специфический тактический способ внезапного нападения из укрытия с целью уничтожения или захвата объекта. Она разделяется на два этапа: огневой налет, нередко сочетающийся с установкой под дорожным полотном или на обочине (в туннеле также и на стенах) взрывных устройств; стремительная атака, завершаемая после выполнения задачи быстрым отходом с немедленным рассредоточением диверсионной группы.

Для того чтобы расстроить планы противника, беспокоящего войска из засад, необходима постоянная целенаправленная работа командиров частей и подразделений, включающая комплекс активных и пассивных мер по проведению разведки и контрразведки во всем мятежном регионе и на локальных участках активности партизан, организации взаимодействия с гражданскими властями, силами местной полиции и органов безопасности.

Имея в своем распоряжении всестороннюю и объективную информацию о планах повстанцев, командование на уровне оперативного сектора (батальонного района ответственности) или в масштабе всей области, где проводятся контрпартизанские операции, классифицирует коммуникации, по которым осуществляется передвижение войск и перевозка грузов, на три категории:

— "красные дороги" — находящиеся в сфере активных действий мятежников; здесь засады наиболее вероятны;

— "желтые дороги" — на которых риск встретиться с диверсантами ограничен;

— "зеленые дороги" — в районах, откуда партизаны вытеснены; тут серьезные засады практически исключены, вместе с тем сохраняется угроза террористических актов и диверсий.

В зависимости от класса дороги принимаются соответствующие защитные меры.

Так, на "красных дорогах" исключается передвижение одиночных автомашин, а ночью — и колонн, кроме случаев, когда решаются неотложные оперативные задачи. Автомобили с людьми и грузами, направляемые в зону особого внимания, образуют так называемые конвои — подвижные структуры, приспособленные к ведению боевых действий. В их состав в качестве огневого прикрытия включается бронетехника, предусматривается также сопровождение колонны боевыми вертолетами.

Походный порядок отличается от общепринятого в "традиционной" войне. В американских наставлениях, диктующих правила проведения операций по ликвидации мятежников, нет указаний о необходимости выставления головных, боковых, тыловых походных застав (дозоров). Это объясняется явной их неэффективностью в условиях партизанской войны. Диверсанты обычно пропускают охранение и наносят удар из засады по ядру колонны. Поэтому важно поддерживать оптимальные дистанции между машинами — с таким расчетом, чтобы обеспечить их огневое взаимодействие и не допустить скопления в поражаемом пространстве нескольких автомобилей и бронетранспортеров (танков).

При следовании по "желтым дорогам" прикрытые колонны бронетехникой считаются необязательными. Конвои в составе десяти и более машин рекомендуется раз-

делять на блоки по 5-6 единиц автотранспорта в каждом. В остальном требования относительно походного порядка те же, что и при выезде на опасные маршруты.

На "зеленых дорогах" можно не принимать особых мер предосторожности, хотя движение одиночных машин сопряжено с риском: засады не исключены.

Разумеется, хорошо продуманная и грамотно организованная система защиты колонн сама по себе не гарантирует беспрепятственного продвижения. Вооруженные противотанковыми средствами партизаны нападали даже на конвои, имевшие мощную броню. Вот почему командиры и бойцы должны находиться в постоянной готовности к отражению атаки из укрытия.

На эти случаи американцы разработали специальные тактические положения, определяющие приемы борьбы с диверсантами на коммуникациях. Прежде всего подчеркивается, что успех в бою, который вынуждены принять попавшие в засаду подразделения, зависит от решительности, стремительности, организованности их действий, умения навязывать противнику свою волю, совершая фланговые маневры, принуждать его к отступлению и обороне. Главная задача в таких ситуациях — разгром и уничтожение диверсионной группы (естественно, при наличии необходимых сил и средств). Но даже если это невозможно, после отражения налета не надо пассивно ждать, пока он повторится, а решительно контратаковать боевиков. С потерей инициативы их шансы завершить акцию на победной ноте сокращаются до минимума. Здесь, конечно, многое зависит и от правильной оценки обстановки, четких решений и боевых распоряжений командира конвоя, старших машин в ходе столкновения и от качества подготовки к маршу.

Что же, по мнению американцев, необходимо провести в пункте дислокации, дабы в пути следования встретить противника, что называется, во всеоружии?

В комплексе мероприятий по материально-техническому обеспечению движения важное значение отводится специальному оборудованию автомобилей для действий в чрезвычайных ситуациях. Снимаются задние борты и дверцы кабин. Если маршрут пролегает по узкой дороге, над капотом головной машины устанавливается металлический брус для защиты от

троса, который, как показывает опыт, партизаны часто натягивают поперек дороги. На окнах кунгов закрепляются металлические сетки, препятствующие попаданию ручных гранат внутрь корпуса. Для защиты людей от огня стрелкового оружия и разрывов мин вдоль бортов и на днища кузовов укладываются мешки с песком и, по возможности, броневеты.

Вкратце об организационных мероприятиях. На машине размещается экипаж, оптимальная численность — 13 человек, то есть одно стрелковое отделение, которое, согласно принятой в США типовой организации корпуса морской пехоты, разделяется на три огневые группы по 4 солдата. В составе каждой из них — пулеметчик и гранатометчик. Отделением командует сержант, группами — капралы.

Перед выездом назначаются командиры машин (обычно командиры отделений). Они размещают своих подчиненных в кузовах. По углам выставляются часовые, обязанные обеспечить круговое наблюдение за обстановкой в пути следования. Пулеметчики располагаются фронтом против линии движения. Командир и остальные бойцы садятся в центре за брествером (мешками с песком).

Рядом с водителем должен находиться его помощник, готовый в любой момент взять руль в свои руки. Кроме того, на него возлагается задача огневого прикрытия "шефа" и охрана автомобиля на запланированных остановках и при спешивании личного состава в чрезвычайных обстоятельствах.

Между машинами и подвижным командным пунктом конвоя (им может быть БТР, БМП, БРДМ, танк) поддерживается устойчивая связь.

Перед тем как отдать команду "По машинам", командир, отвечающий за безопасность конвоя, проводит подробный инструктаж ("брифинг"), в котором находят отражение вопросы о составе, построении колонны, маршруте, графике и скорости движения, наличии и распределении сил и средств поддержки. Напомнив порядок действий подразделения в опасном районе, поставив задачи на случай сопряжения с засадой партизан, старший офицер объявляет время убытия. В интересах соблюдения режима секретности оно должно быть известно строго ограниченному кругу должностных лиц.

Немалый интерес представляют рекомендуемые в нормативных материалах

(наставлениях) приемы активного противодействия мятежникам, используемые в различных вариантах развития оперативной обстановки.

Так, если часть колонны попала под огонь из засады, предпринимается попытка миновать поражаемое пространство. При этом часовые с каждой машины открывают интенсивный огонь по предполагаемым позициям диверсантов, вынуждая их отказаться от намерений перейти к ближнему бою. Как только отдельные автомобили выходят из зоны поражения, солдаты под прикрытием часовых немедленно спешиваются, развертываются фронтом в сторону, указанную командиром, и не мешкая контратакуют боевиков, одновременно прикрывая огнем высадку оставшихся в кузовах людей.

Остальные машины конвоя тормозят перед границей поражаемого пространства (впереди за его пределами, когда удар нанесен по ядру или тыловому замыканию конвоя), личный состав, взаимодействуя с контратакующими бойцами, организованно вступает в бой.

Другая ситуация. Если нет возможности вырваться из зоны поражения, солдаты, укрываясь за мешками с песком, подавляя партизан огнем и при ослаблении огневого воздействия со стороны противника спешиваются и переходят в контратаку. При наличии в колонне грузовиков с незащищенными бортами экипажи, услышав выстрелы, немедленно высаживаются, занимают выгодные позиции вблизи своих машин и действуют по описанной выше схеме.

Во всех случаях оборонительная стадия боя должна быть сведена к минимуму. Залог успеха — активное наступательное противодействие диверсантам.

В военных кругах США пришли к однозначному выводу: организуя диверсионные акции на коммуникациях, партизаны главное внимание уделяют автомобильным дорогам, железнодорожные пути имеют для них второстепенное значение. Поэтому в американских наставлениях тактические приемы борьбы с боевиками, ведущими "рельсовую войну", рассматриваются лишь в общих чертах. Тем не менее они тоже представляют определенный интерес.

Итак, основные правила, которыми руководствуется командование частей,

обеспечивающих прикрытие железнодорожных составов.

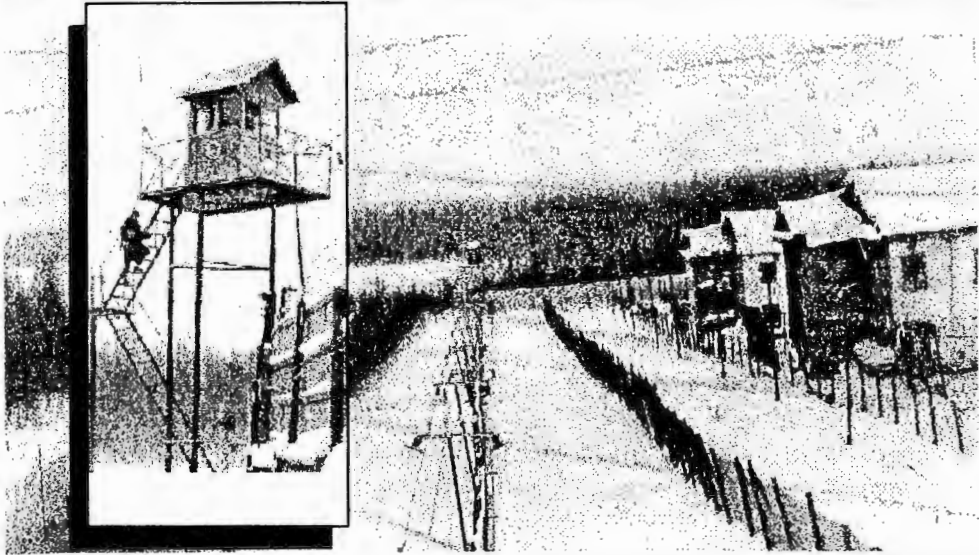
В зонах активности мятежников должны быть отменены составленные в мирный период графики движения поездов. Информация о времени их отправления, согласованном с органами разведки, не выходит за пределы узкого круга начальствующих лиц. Пассажиры, правда, обречены томиться в долгом ожидании, зато уменьшается риск попасть в заложники при нападении экстремистов или расстаться с деньгами и ценными вещами под дулами автоматов грабителей.

Составы сопровождаются подразделениями специального назначения, тесно взаимодействующими с руководством железнодорожных станций и поездными бригадами. Впереди локомотива прицепляются две-три платформы с песком или щебнем. Они принимают на себя ударную волну от заложенной под полотном взрывчатки и предупреждают крушения поездов на поврежденных диверсантами путях.

Эффективным средством защиты коммуникаций от происков партизан считают американцы, являющиеся бронепоезда, патрулирующие железные дороги при поддержке с воздуха сил авиации. Крепости на колесах могут также использоваться в процессе проведения крупномасштабных операций по ликвидации формирований повстанцев.

В заключение вот что хочу сказать. Анализируя заокеанский опыт борьбы с диверсантами, приходишь к оптимистическому выводу: не так страшен черт, как его малюют. Командир, овладевший тактикой боя в особых условиях, подготовивший людей и технику к отражению внезапных нападений боевиков, сумеет найти выход из любой критической ситуации. И в его докладах старшему начальнику об изменении оперативной обстановки на дорогах обязательно найдется место победному рапорту: "Напоролись на засаду... В ходе решительной контратаки противник уничтожен!".

В.ГИЛЕНСЕН,
полковник в отставке,
профессор.

“ПЕСНИКИ”

Прощальная ода

*Снова память свое взяла,
Как живешь теперь, Турунья?
Помнишь, ты меня приняла,
Словно темная полынья?*

*Слышишь, в чутких твоих ночах
Посреди вековой тайги
До сих пор в караулах звучат
Полуночные наши шаги...*

*Мы умели жить без вранья
И своих не подрубим корней.
Не кончается в нас Турунья,
Потому что начало в ней.*

Полковник А.КАРЕВ

Синдром лосиной тропы

— ЦЕНОЙ интересуетесь? — невесело улыбнулся летавший в спарке с комдивом его зам по работе с личным составом подполковник Александр Лебедев. И вопросом на вопрос: — Про синдром лосиной тропы слышали? Лежка — водопой — лежка. Такой образ жизни продиктован лосю природой. Нечто похожее диктуют лесные условия и нашему брату, офицеру и прапорщику, в медвежьих углах. Дом — рота, караул — дом. Но в отличие от сохатого, который у водоема долго не задер-

живается — попил, и назад, — “лесник” в погонах большую часть времени проводит в казарме да в караульном помещении. Распорядок при наших-то кадровых брешах известно какой — не продохнуть.

“Это точно!” — повторим вслед за красноармейцем Суховым. Утром проконтролировать подъем и физзарядку, днем занятия, подготовка караула и множество других плановых и внезапно возникающих задач, порожденных острейшими проблемами финансового и материально-технического обеспечения, вечером — подведение итогов, организация культурно-массовых мероприятий, индивидуально-воспитательная работа с сержантами и солдатами, проверка, ночью или ближе к рассвету — обязательно периметр зоны обойти по тропе наряда. Прибавим сюда еще несколько набегающих за месяц суток бодрствования — заступление ответственным по роте, батальону, начальником караула. И все это на троих-четверых. Так что отклониться от “лосиной тропы” — охотой себя побаловать, рыбалкой или семейным пикником на лоне природы — можно только по великим праздникам. Однако и в редкий час досуга сполна не расслабишься. Синдром трудяги-служаки: в подкорке плотно, как патроны в обойме, гнездятся неотвязные мысли —

Окончание. Начало в № 1.

как там в роте и карауле; какой подлянки в очередной раз надо ждать от уголовников; где достать, выбить, выцыганить запчасти, стекло, гвозди, краску (список материальных средств, в которых нуждаются обнищавшие военные, можно продолжать до бесконечности). Короче говоря, покой им только снится. Да и то с тревожными нотами.

Тут самое время сделать сноску на полях заметок. Дабы не умалить проклятыми обстоятельствами природную крепость военной косточки россиян.

Традиция эта — без остатка отдавать себя службе, пахать на ниве ратной до седьмого пота — традиция, определяющая облик офицерских коллективов частей и подразделений, в особенности отдаленных, лесных, обусловлена не только кадровым дефицитом и другими объективными трудностями. И зародилась не в смутную эпоху реформ и потрясений нынешних.

Позволю себе отступление от заданной темы, сделав краткий экскурс в историю. Вот как описывается служебный день военных царской армии в научном очерке "Российские офицеры", подготовленном сотрудниками Южно-Американского отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени профессора генерала Н.Н. Головина:

"В начале XX века... офицеры стали тяжелоработающими. Требовалось много труда, чтобы за три года солдатской службы превратить новобранца... в умственно и физически развитого и морально крепкого воина.

Служебный день офицера начинался в казармах в 8 ч. и длился в непрерывной работе: занятия с солдатами, офицерские занятия, дела хозяйственные, канцелярия, разные комиссии, производства дознаний и т.д. — до 16-17 ч. с малым перерывом на завтрак в офицерском собрании. Летом в лагерях занятия начинались в 6 ч., а завершались (как правило) часов в 17-18. Вечером были заседания всякого рода комиссий, тактические игры; в вечернее и ночное время офицеры приезжали для проверки порядка в казармах — ответственность за порядок лежала на дежурном офицере, но рачительные командиры не удовлетворялись этим и приезжали сами или посылали своих субалтерн-офицеров. Эти младшие офицеры часто назначались на дежурства в своей части или в караулы вне ее: в иных гвардейских полках, несших много караулов, каждый обер-офицер чуть ли не раз в неделю бывал в наря-

де. Наряд же длился 24 часа, а отбывши его, офицер не всегда мог уехать домой, чтобы и отдохнуть.

Служба была сопряжена с непрерывной ответственностью за вверенную офицеру часть или подразделение или за отдел обучения, хозяйство, канцелярию. Она требовала и большого физического напряжения.

Служба увлекала, захватывала... Появился тип офицера-энтузиаста... Энтузиазм не выветривался с годами... В офицерской среде ни годы, ни тяжесть службы не угасали любви к ней и жертвенного горения".

Так-то, товарищи, утешьтесь (если, конечно, историческая параллель может послужить утешением обделенным государственной заботой современникам). И раньше господа офицеры напрягались до последней возможности, не кичась, а гордясь этим: "Жизнь — Отечеству, честь — никому".

Но достаточно, наверное, высоких слов и согревающих сердце цитат. Вернемся на круги своя.

Традиция, вопреки всем катаклизмам позволившая сохранить золотой генерал фон офицерства, и сегодня служит нравственной опорой защитникам и стражам. Придает силы, помогает выстоять в крутых обстоятельствах, что имеет первоочередную важность для тех, кого судьба забросила в лесную глухомань. И, конечно же, благотворно влияет на микроклимат воинских коллективов. Где командир и его замы с "непрестанной ответственностью за вверенную часть или подразделение, или... хозяйство", жертвуя порой личной жизнью, пекутся о службе, о подчиненных, там образцовый порядок, люди бодры и подтянуты, готовы идти за офицерами в огонь и воду.

В батальоне у майора Кречетова как-то провели анонимное анкетирование солдат и сержантов. На предмет изучения настроений личного состава. В ряду предложенных вопросов были и такие: "Не тяготит ли вас служба в лесу? Есть ли желание перевестись в другие подразделения?". Все как один дружно ответили: "Нет". На эту же тему офицеры беседовали с родителями солдат, изредка приезжавшими на край ойкумены сыновей проведать. Спрашивали: на что жалуются бойцы в откровенных беседах с отцами-матерями, рассказывая о своем житье-бытье в медвежьем углу, какие претензии с их стороны к командиру. Все гости, будто сговорившись не огорчать командование негативными фактами, благодарили за проявленную о парнях заботу. Сыты,

в тепле. О тяготах службы вдали от цивилизации — ни слова. Живут дружной солдатской семьей. Никаких обид и претензий.

— Цены нет таким вот "среднестатистическим" командирам лесных частей, батальонов, рот, — сказал Лебедев, когда мы делились впечатлениями после возвращения из отдаленных "гарнизонов". — Благодаря им, да еще "замполитам", офицерам штабов, специалистам и куются маленькие успехи на фоне больших трудностей. Правда, при более конкретном разговоре можно заострить внимание на проколах, недоработках, но все вместе взятые минусы не исказят общей картины... Приказано выжить, и у людей открывается второе дыхание. Более того, когда решится вопрос с передачей функций охраны лесных колоний, многие офицеры, сохраняя верность родным войскам, будут готовы перейти в другие служебные окопы. Майору Кречетову, например, комдив предложил поступить в академию — за десять лет семь подразделений в "таежных тупиках", — а он просится на Северный Кавказ. Пройдя испытание лесными зонами, нацелил себя на бесконечные командировки в зону вооруженного конфликта.

Воистину, нет цены этим людям, скромным, непривыкшим к славе "лесникам". Рад, что наши мнения совпали. Ведь одно дело эмоции журналиста, накоротке познакомившегося с тридцатилетними ветеранами конвойной стражи, и совсем другое — отзыв о своих подчиненных замкомдива, прослужившего в лесах 17 лет (причем 11 из них в поселках, где не было даже телевизора) и съевшего со "среднестатистическими" ротными и комбатами не один пуд соли.

Разводящий еще не пришел

НЕ ЗНАЮ, закономерно или по воле случая, но в лесных поездках по частям и подразделениям Уральского и Северо-Западного округов внутренних войск автору этих строк везло на встречи с крепкими, надежными, уверенными в себе и подчиненных офицерами. Вот и в последней командировке судьба свела с такими "лесниками".

Начну по старшинству. Командир части подполковник Леонид Кривonos. Отличительные черты его стиля работы — строгая ровная требовательность, выдержка, умение сосредоточиться на главном. Не случайно полк уверенно идет в гору. За минувший год здесь достигнут заметный прогресс по основным показателям служебно-боевой деятельности. И это при том, что объем задач — на добрую брига-

ду: 12 охраняемых объектов. При том, что батальоны удалены от ядра на расстояние от 50 до 220 километров, и к трем из них можно добраться только по реке или зимнику. Плюс ко всему букетище колючих "реформенных" проблем. Как и повсюду в войсках — астрономические долги: 2 миллиарда целковых. Выплата денежного содержания офицерам и прапорщикам — с задержкой на 2-3 месяца. Целую эпопею горестную можно написать о мытарствах офицеров, ответственных за обеспечение продовольственными запасами на зиму. А тут еще одна беда свалилась как снег на голову. Хлебокомбинат поставил хроническим должникам жесткий ультиматум. И каждое утро командира теперь начинается с поездок по административным станциям, тревожных звонков наверх: "Выручайте!". До боли знакомый сюжет. Как в фильме "Коммунист", помните? "Хлеб! Людям нужен хлеб!".

О сердечной боли комполка солдаты, конечно, не ведают. И слава Богу. На столах хлебешек не переводится, как и все остальное, что по нормам котлового довольствия положено. В казарме и карауле тоже норму градусники показывают, вышки не продувает. Служить можно. Убедился в этом, выехав за пределы приполярного города, где дислоцируются подразделения ядра части.

Честно признаюсь, хотел где-нибудь на периферии полка сфотографировать для отражения лесного колорита неуклюжий деревянный "скворечник", возвышающийся над ограждением зоны, убогую караулку — избушку на курьих ножках, какие встречаются еще в отдельных таежных "гарнизонах". "Не повезло". Зам по работе с личным составом подполковник Виктор Зелененький поспешил меня "разочаровать":

— У нас таких реликтов не найдете.

Говорят, лучше один раз увидеть...

И вот поселочек, название которого в переводе с местного наречия — Дыра. Или что-то в этом роде. Однако в Дыре не хуже, чем в столичном ядре. Все охраняемые сооружения и помещения, без скидок на лесные трудности, если не вершина, то уж во всяком случае не самый низкий уровень конвойной инженерии и зодчества. Добротный городок. Баня с парилкой. Чувствуется, немало труда вложили в провинциальное хозяйство офицеры части и батальона.

— Есть в полку подразделения, где условия для службы еще лучше, — как бы невзначай скажет мне потом подполковник Зелененький. — Много было сделано за последние годы.

Что ж, честь и хвала тем, кто не сидел сложа руки, создавал уют и комфорт младшим "лесникам" — солдатам. Приложенные усилия теперь, когда трудные времена нагрели, окупаются сторицей.

В боевом листке, помещенном напротив плаката с описанием подвига рядового Валькова, прочитал, что лучшими по результатам ночной проверки службы названы пять солдат из состава караула. А "худших нет".

Маленький трогательный штришок к прощальным заметкам о "лесниках". Он напоминает мне фотографию в журнале, перепечатанную из дивизионной газеты тридцатилетней давности: рядовой С. Довлатов за выпуском очередного номера боевого листка. Отмечает в краткой, но выразительной заметке умелые действия войскового наряда, возглавляемого ефрейтором Аникиным.

Как и мы сегодня, будущий писатель с мировым именем служил в очень непростой период. В то время шел процесс становления новых внутренних войск, принявших под свое крыло старую разболтанную ВОХРу.

"Старой ВОХРа больше нет. Мы... принадлежим к регулярной армии..."

Сергей ДОВЛАТОВ. "Зона".

Ныне идет процесс становления новой ВОХРа под крылом органов уголовно-исправительной системы, которым ВВ, ставшие полнокровным военным формированием, передают функции охраны ИТК. Скоро перед подполковником Кривоносом и многими другими командирами разных степеней, немало сделавшими для того, чтобы внутренние войска выглядели не хуже регулярной армии, эта задача встанет во весь рост. Сроки поджимают. Согласно постановлению правительства Российской Федерации передача в установленном порядке должна завершиться к 1 января 1997 года.

Что думают по этому поводу войсковые офицеры, для которых разводящий еще не пришел? Какие планы строят на будущее? Согласны ли перейти к союзникам, в охранные структуры органов исполнения наказаний? С какими мыслями и чувствами покинут лесные городки, где столько построено, укреплено, усовершенствовано, облагоустроено с их участием. Где скромные достижения оплачивались — еще раз подчеркнем! — высокой ценой.

Листаю блокнот с записями ответов на эти вопросы. Они очень похожи, словно из одних уст звучат. Говорил же, везло на

встречи с энтузиастами службы, патриотами войск...

Подполковник Леонид Кривонос:

— Я кадровый военный. Этим все сказано. Привычка: в 7.30 уже в части, домой возвращаешься поздно вечером... Даже в отпуске не покидают мысли о службе, где бы ни отдыхал — регулярная связь с полком. Другой образ жизни для себя просто не могу представить...

Старший лейтенант Дмитрий Бочкарев, замкомбата по работе с личным составом:

— Вырос в военной семье "лесников". Отец начинал службу в поселке Подчерье. И у меня не было сомнений, кем стать. Окончив политическое училище, по отцовскому примеру начал службу в лесу. И ни разу не пожалел. Это достойное мужское дело. Замечательные люди вокруг. Здоровый коллектив... Когда отцу присвоили полковника, пообещал ему: с твоей дороги не сверну.

Капитан Андрей Смирнов, замкомбата по снабжению:

— Семь лет служу в лесном поселке. Начинать здесь лейтенантом. Прилетел — у меня есть куда податься, на родине благоустроенная квартира. Но все равно был и останусь военным, потому что люблю службу, погоню. Для меня это принципиальный вопрос. Одно волнует: неопределенность. Что будет с нами завтра? Надеюсь: не бросят на произвол судьбы. Потому и остаюсь на своем посту.

Майор Николай Федосеев, командир батальона:

— Лично я, как и другие офицеры, по поводу передачи войсками функций охраны особо не переживаю. Главное, чтобы все делалось по уму, с учетом особенностей лесных регионов, населенных пунктов, объектов ИТУ. С нашими людскими ресурсами, уровнем финансирования можем с грехом пополам укомплектовать подразделения контрактниками на 13 - 15 процентов. Маловато будет. И еще материальная база: не допустить, чтобы все созданное здесь пришло к новым хозяевам в упадок. Но это уже их трудности... А у нас, военных, скоро появится возможность перевестись из леса, пожить нормальной человеческой жизнью. Горячие точки? Ими никого не испугаешь... В лесу народ бывалый, закаленный, ко всему привык.

Капитан Николай Ганчук:

— Нет ничего хуже, чем застрять в глухомани, не имея ни кола ни двора. Никто не спорит, должностей для нас, войсковиков, в ИТК хватит, а вот квартир... У лесных колонистов и так огром-

ные проблемы с жильем, а если мы еще вольемся в их ряды... Дальше. Откуда брать контрактников? У нас режимный поселок, коренного населения нет. Живут представители администрации, военные и небольшое количество гражданских, которые работают в зоне. Заинтересовать человека из города или крупного поселка городского типа стоять на вышке в глуши — нужны очень большие деньги. Так что служба вахтовым методом не подходит. Выход — закрыть неперспективные колонии, перевести спецконтингент туда, где имеются возможности для контрактной охраны. Есть, наверное, и другие способы решить проблему. Главное, до мельчайших деталей продумать механизм реализации постановления правительства и приказа министра о передаче наших функций. Позаботиться об офицерах и прапорщиках, верных войскам. В лесу их не так уж много осталось. Я, например, если с академией не выгорит, готов перевестись в оперативную часть, нести службу по охране общественного порядка, ездить в Чечне...

Красноречивая деталь: большинство офицеров управления полка, где командиром подполковник Кривонос, уже побывали в чеченской командировке. "Лесники" примеряют лавры (бронежилеты то бишь) "кавказцев". И, не сомневаюсь, скоро станут вровень с испытанными войной боевыми офицерами.

Ратной выучки не хватает? Дело наживное! Зато суровой службой закалены, как вороненая автоматная сталь (естественный отбор: слабые в тайге не задерживались). Могут работать на износ сутками напролет: опыт организации охраны объектов гарнизонным способом при хроническом дефиците личного состава по три-четыре месяца кряду (караульное помещение как дом родной) — неплохая практическая академия.

Владеют искусством сплачивать воинские коллективы, на первый план в своей работе ставят заботу о подчиненных. Прекрасные хозяйственники (иначе в тмударакани не выжить).

В офицерской среде отдаленных подразделений, как и у "кавказских" ветеранов, царит дух товарищества, взаимопомощи, уважения. Вот сюжет, который лег мне на душу. В канцелярии лесного батальона увидел портрет немецкого мыслителя-классика. Вроде бы не к месту. Офицеры обьясняют: "Был у нас комбат, немец по национальности, недавно перевелся в оперативную часть, дважды успел побывать в Чечне. Отличный командир. В память о нем и висит настенный сувенир".

Как тот редактор боевого листка, отметивший, что в карауле "худших нет", пишу о лучшем, типичном. Избранный жанр позволяет. Тем более столько в жизни и отражающих ее опусах чернухи, что хоть изредка хочется оставить "худшее" за скобками. Право же, войскам нашим есть чем гордиться. Иначе не вспоминали бы их с теплотой и грустью офицеры, ушедшие в органы исполнения наказаний.

Из письма в редакцию подполковника внутренней службы А. Астаханова, заместителя начальника ИТУ по охране:

"Вот уже более года, как нас передали системе УИНа. Тяжело переживаем разрыв с войсками (а войсковиков у нас немало), пробрили себе подписку на журнал "На боевом посту". С нетерпением ждем свежих номеров, ищем фамилии сослуживцев, знакомых, следим за действиями ВВ в горячих точках, радуемся успехам, огорчаемся, узнав о неудачах.

Задачи у нас остались те же: боеготовность, надежность охраны, боевая подготовка. Используя свой опыт, стараемся военизировать подразделения контрактников, а то больно смотреть, как вчерашние классные специалисты превращаются в сторожей. И, как говорил главный архитектор перестройки, "процесс пошел".

Идет он и в войсках. Полным ходом. На сегодняшний день в соответствии с утвержденным графиком передано под охрану союзникам и находится в стадии передачи около 400 колоний. Осталось 153 объекта, периметр которых органы исполнения наказаний должны взять под свою ответственность в течение нынешнего года. Среди последних — 45 процентов лесных зон. Вот с ними, пожалуй, потерпимся. Некоторые "хозяева тайги" не спешат взвалить на свои плечи новую обузу. И без охранных хлопот финансовые, материальные, социальные проблемы спокойно жить не дают. Но приказ — он всем приказ!

Закроют ли нерентабельные ИТК, узаконят ли новый, отвечающий требованиям напряженного момента способ комплектования таежной ВОХРы — это заботы главковских верхов. "Лесники" из глубинки другим озабочены — как обойти кадровые бюрократические мели под занавес. Не остаться за бортом. А главное, достойно выполнить приказ — еще год продержаться на таежных рубежах. Их разводящий еще не пришел...

Полковник Ю. КИСЛЫЙ.
Фото автора.

Есть вопросы**КВАДРАТНЫЕ КОЛЕСА**

Публикации о подразделениях по сопровождению воинских грузов на страницах военных изданий встретишь нечасто. Трудно сказать, почему так получается. Может, тема эта кажется нашему брату журналисту маловыразительной — рутинная служба, день за днем на колесах. А может, просто руки до нее не доходят.

По этому поводу одно можно сказать с уверенностью — обижены вниманием эти подразделения незаслуженно. Сопровождение воинских грузов — один из самых напряженных видов служебно-боевой деятельности, один из самых проблематичных. Небольшое по численности подразделение, находясь в отрыве от части, решает сложнейшую боевую задачу. Все сопутствующие службе на колесах трудности караулу, как правило, приходится преодолевать самостоятельно.

В этой публикации затронуты лишь некоторые проблемы подразделений по сопровождению воинских грузов. Тема разговора остается открытой.

**О наших и не наших.
Военный комендант не враг,
но и не друг**

Караул, в составе которого числился рядовой Константин Степанец, возвращался из командировки к месту постоянной дислокации. По всем инструкциям солда-

там и их командирам надлежало ехать в одном купе. Но как ни старался начальник караула следовать букве руководящих документов, ничего у него не получилось. На все просьбы, уговоры в воинской кассе был один ответ: "Свободных купе нет!". Пришлось согласиться на то, что давали, — взять билеты в разные купе и, что вообще недопустимо, в разные вагоны.

Был, правда, у начальника караула шанс решить вопрос в свою пользу — обратиться за помощью к военному коменданту. И он даже попытался им воспользоваться, но, натолкнувшись на полное безразличие к своим нуждам со стороны офицера-железнодорожника, отступился.

А дальше вот что случилось. В купе, где ехал рядовой Степанец, ввалились трое крепких парней в камуфляже.

— Что возем? — деловито осведомился один из них и, не дожидаясь ответа, командовал своим дружкам:— Давай, братва, приступай!

На пол полетели вещи из дорожных сумок пассажиров. Дело дошло и до солдатского вещмешка.

— Да вы что, ребята! — взмолился солдат. — Там же одни портянки.

"Досматривать" его нехитрые пожитки не стали, поверили на слово. Красный как рак сидел потом Константин, прятал глаза от соседей по купе. Хотя никто из них ему даже слова осуждения не сказал: что мог сделать солдатик?

Может, эта история покажется кому-то отвлеченной, притянутой к вопросу о взаимоотношениях наших караулов с "линей-

ными органами военных сообщений". Но я так не думаю.

Косвенная вина военного коменданта в случившемся с рядовым Степанцом очевидна. Мог он отнестись к нуждам караула по-человечески. Мог с билетами помочь — уверен в этом на девяносто девять процентов. Военный комендант далеко не пешка на вокзале. А если даже билетов действительно не было, должен был хотя бы для приличия попробовать решить вопрос с бригадиром поезда, проводниками. Но он и пальцем не пошевелил.

Почему? Человек такой попался — нехороший? Или ведомственный подход воцарился: на кой мне эти взвзшники, у меня своих караулов хватает.

Если бы описанный выше случай был исключением из правил! Хотите еще примеры? Пожалуйста.

Дело было на подъезде к Туле. В составе караула внезапно заболел рядовой Мустафьев. Солдата надо было срочно госпитализировать. К кому обратиться за помощью? К военному коменданту. Начальник караула обратился и получил от ворот поворот: "Вы — внутренние войска. Вы не наши".

Пришлось искать наших. К счастью, в городе дислоцируется часть внутренних войск. Там без долгих разговоров решили все вопросы. Солдата поместили в санчасть. Быстро оформили необходимые документы. Все — счастливого пути!

Опять обошлось. А если бы не было в городе нашей части? Что тогда делать начальнику караула с большим солдатом? Бросить охраняемый объект на попечение сержанта и отправить на поиски больницы? Опять же, приняли бы там захворавшего? И чем его туда доставить? Масса вопросов. Убежден, в жизни каждого начальника караула случались подобные истории.

Какой же вывод? Он очевиден, скажет читатель, — вернуть военных комендантов к проблемам караулов внутренних войск лицом. Обязать их заниматься ими так же, как своими, армейскими. Если потребуется, поднять этот вопрос на межведомственном уровне и закрепить решения в соответствующих документах.

Самое интересное, что все это уже давно сделано. И документы подписаны. И вопросы взаимоотношений с военными комендантами оговорены в наставлениях, инструкциях, других документах.

Так, может, дело в другом? В узковедомственном мировоззрении армейских чи-

новников от путей сообщения? В их нежелании или неспособности понять, что чужое министерство служит тому же самому государству?

Караул на "подножном корму"

Караул по сопровождению воинских грузов чем-то сродни боевому кораблю, который уходит в автономное плавание. Только если в кильватерном строю с боевой единицей ВМФ следует нагруженный водой, продовольствием, топливом транспорт (или он будет поджидать корабль в условленное время и в условленном месте), то наш караул о подобного рода вспомогательном сервисе лишь мечтать может.

Финансисты, начпроды — народ конкретный. Деньги, продукты выдают на столько дней, сколько в командировочном удостоверении записано, — копейка в копейку, грамм в грамм.

Но не всегда караул, сопровождающий воинский груз, следует строго по расписанию. То попрдержат где диспетчеры, то неисправность какая-нибудь в подвижном составе возникнет, то по причине отсутствия билетов в кассах на обратном пути задержка возникнет — так и набегают лишние, непрофинансированные и неотоделанные, деньки.

И вот наступает день "Х", когда вскрыта последняя банка тушенки и съедены последние сухари, истрачены последние казенные деньги. Что дальше делать?

— Тут очень многое от времени года зависит, — считает младший сержант Валерий Гладков. В войсках он не новичок, службу понял. — Лето, осень — самая благодатная пора. Картошечки можно выпросить. Где-то огурчиками-помидорчиками разжиться. Повезет — и фруктов отведаешь.

А потом мы, пока едем до места назначения, "разведку" ведем — где в каком городе хлебозавод, где пищевой комбинат. Там тоже можно договориться. Везде есть люди, кто в армии служил, женщины сердобольные. Главное, во время "свободной охоты" от эшелона не отстать.

Зимой, конечно, хуже.

Да, зима не лето. Не надо иметь большого воображения, чтобы представить себе, какие мысли посещают часового в тридцатиградусный мороз на голодный желудок, о чем в данной ситуации у начальника караула голова болит.

— Но как такое возможно? — спросит читатель. — Ведь это же не табор цыган-

ский, караул воинский! Может, службисты чего недоумали, когда вопросами обеспечения боевой службы занимались?

— Службисты тут ни при чем, — считает командир подразделения капитан Р. Бокучава. — Предусмотрена выдача аванса убывающему в командировку начальнику караула. Но денег не дают — их нет.

Нет денег у части. Нет денег у государства. Вот и приходится офицерам и прапорщикам открывать портмоне. Когда подходят к концу припасы, они покупают продукты за свой счет. Газеты, батарейки для радиоприемника (разве у связистов разживешься впрок элементами питания?), постельные принадлежности тоже оплачиваются из кармана начкара.

Случаются и вовсе непредвиденные расходы. Как-то раз караул во главе со старшим прапорщиком Б. Егоровым, следовавший резервом к месту постоянной дислокации через территорию Украины, задержали на таможне — провоз оружия запрещен. Долго доказывал прапорщик, кто он и его люди, чем занимаются, чье это и для каких целей оружие — бесполезно. Исчерпав все аргументы, выложил таможенникам ... сто тысяч рублей. Инцидент был исчерпан.

Конечно, какие-то затраты начальнику караула по возвращении в часть возмещают. Но, устраивая "служебную записку", офицер или прапорщик обрекает на жалкое существование и без того бедствующую семью. Спрашивается: дети-то здесь при чем?

Сколько лет теплушке?

— А вы не знаете, сколько лет у нас на вооружении теплушка стоит? — Вопрос помощника начальника караула младшего сержанта Вадима Бородина застал меня врасплох. — Да это не суть важно. К чему спросил — уже двадцать первый век на пороге, а мы все в тех же теплушках разъезжаем, как отцы наши, деды и прадеды.

Впрочем, сам младший сержант Бородин против теплушки ничего не имеет. Только чтобы у нее колеса были нормальные — круглые, а не квадратные. А то, пока до конечного пункта дотелепашь, всю душу вытрясет. Первые сутки, пока привыкаешь, глаз не сомкнешь — вагон по путям, как по кочкам, скачет.

Еще хорошо, чтобы в ней нары были. Буржуйка. Совок и кочерга. За их наличие грузоотправитель ответ несет. Но его, грузоотправителя, тоже напрягать надо.

Тогда и теплушку утепляют, и угольку подбросят. (Уголек — тема для отдельного разговора. Особенно она актуальна в зимнее время. Пополнение его запасов — задача наипервейшая. Иначе замерзнешь.)

Под статью теплушке и средства связи. В лучшем случае — телефонные аппараты времен второй мировой войны. В худшем — ничего. Вести по ним переговоры, когда вокруг гремит и лязгает железо, — занятие бесперспективное.

Как-то американцам показали фильм о строителях БАМа. Его герои ценой неимоверных усилий, преодолевая трудности и невзгоды, шли к намеченной цели. Мы ожидали, что они по достоинству оценят трудовой энтузиазм героев картины, граничащий с фанатизмом, ожидали услышать одобрительное "гуд!". Но вместо этого — недоумение и непонимание: зачем такой большой ценой добиваться реализации пусть даже самых благих намерений?

Думаю, если бы мы показали американским военным наши первобытные теплушки, то тоже одобрительного "гуд!" не услышали: зачем обрекать солдат и офицеров на такие мучения, когда есть комфортабельные, со всеми удобствами, вагоны? Хорошие они ребята, американцы, но не понимают нас. Разные мы с ними люди. Разные...

Полковник В. ХАРЧЕНКО.

Московский округ
внутренних войск МВД России.

Слово ветерана

Наш доход — не в рублях и баксах...

Приказом министра внутренних дел Российской Федерации за активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи и в связи с 54-й годовщиной разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой ветеранская организация Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск награждена ценным подарком. Этой наградой по достоинству отмечен труд ветеранов на ниве духовного воспитания нынешнего поколения. Только за два последних года ими было проведено более двух десятков встреч и тематических вечеров, на которых побывали свыше 12 тысяч человек.

О том, как работает ветеранская организация ОДОНа, какие цели преследует в своей бескорыстной деятельности, рассказывает ее председатель заслуженный работник культуры Российской Федерации полковник в отставке Владимир ЖУРАВЛЕВ.

Вряд ли кто будет спорить со мной: ветеранская доля вообще незавидная. А сегодня, в эпоху реформ, тем более — страна лишь изредка вспоминает о тех, кто всю свою сознательную жизнь трудился и служил ради ее блага. На плечи ветеранов стараются переложить всю ответственность за наше неудавшееся прошлое, за несуразное настоящее. Не скрою, такое отношение больно задевает самолюбие старшего поколения. Но тратить силы и время на выяснение отношений с подобного рода "обвинителями" — большая роскошь для моих сверстников. Прошло то время, когда можно было жить на одну пенсию. Сегодня пенсионеры, те, кому еще позволяет здоровье, работают. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, не уронить своего достоинства в глазах окружающих.

На фоне предприимчивых старичков и старушек мои товарищи из ветеранской

организации ОДОНа выглядят несколько старомодно. Дело, которому они посвятили себя, уйдя на покой, неприбыльное. Пожалуй, единственный наш доход — моральное удовлетворение, которое получаем от общения с воинами. И потом, если все бросятся делать деньги, то кто будет знакомить молодежь с историей Отечества, а там немало замечательных примеров, достойных искреннего восхищения и подражания, кто передаст нынешним солдатам бесценный фронтовой опыт?

Те, кто говорят, что прервалась связь поколений, просто лгут. Вы бы видели, как встречают в частях и подразделениях наших ветеранов, — словно родных. Они рассказывают правду о войне, о том, что видели своими глазами, о том, что пережили. Сегодня с чувством глубокого удовлетворения говорю — сделано нашей ветеранской организацией немало. Вместе с офицерами из отделения по работе с личным составом соединения, с работниками гарнизонного Дома офицеров мы провели немало интереснейших встреч и тематических вечеров.

Первый такой вечер состоялся в декабре 1991 года, в дни, когда вся страна отмечала 50-летие разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой. В гости к воинам пришли убежденные седины ветераны. Почти все — участники обороны столицы.

Они поведали собравшимся о том, какой она была, Москва 41-го. Разбитые танками и армейскими грузовиками улицы. Баррикады на каждом шагу, даже вблизи Красной площади. Надолбы, противотанковые ежи, рогатки. Заложённые мешками с песком окна домов. Каждый из них — крепость, защитники которой готовы до последнего солдата сражаться с ненавистным врагом.

На трибуну поднялся полковник в отставке Николай Лобачев. Восемнадцатилетним парнишкой принял он боевое кре-

щение у деревни Ищеино Калужской области. В составе усиленного батальона воинов дивизии отражал яростные атаки рвавшихся к Москве фашистов. Ему повезло — он сражался под Курском, участвовал в освобождении Варшавы, в битве за Берлин и закончил войну на Эльбе.

Участникам встречи зачитали письмо Петра Семенюка, командовавшего в том батальоне 5-й ротой — в ней и числился красноармеец Лобачев: "Мы получили задачу найти и уничтожить фашистский десант. Совершили 120-километровый марш. Ночью, без света, шли по Варшавскому шоссе. Дорога была забита отступавшими войсками. Десант мы обнаружили на рассвете и с ходу вступили с ним в бой. Подбили четыре танка, уничтожили более сотни фашистов, устроившихся на ночлег в скирдах соломы. Когда враг пришел в себя от нашего дерзкого налета, он обрушил на нас шквал огня, прижал батальон к земле. В атаку пошли танки, около двадцати, автоматчики.

Вся эта мощь прошла через наши боевые порядки, и мы оказались в тылу противника. Ночью в районе Малоярославца вышли из окружения, оттуда и вернулись на базу".

Обстановка в Москве к тому времени усложнилась. На подступах к столице была слышна артиллерийская канонада. Полным ходом шла эвакуация москвичей из города — по улицам тянулись нескончаемые вереницы беженцев.

По команде сверху дивизионные саперы приступили к минированию важнейших предприятий, объектов и коммуникаций города. Ничто не должно было достаться врагу. В городе ввели осадное положение.

В это критическое для столицы, для всей страны время 7 ноября 1941 года на Красной площади состоялся военный парад. В нем участвовала почти вся дивизия им. Ф. Дзержинского. Командовал парадом генерал-лейтенант П. Артемьев — бывший командир соединения, принимал парад Маршал Советского Союза С. Буденный — почетный красноармеец дивизии. Дирижировал сводным оркестром военный дирижер дивизии В. Агапкин.

Много интересных подробностей об этом и о других событиях, о мужестве и храбрости воинов-дзержинцев узнали в тот вечер собравшиеся в актовом зале. Чтобы придать нашей встрече особый колорит, мы попросили артистов ансамбля

песни и пляски соединения исполнить песни фронтовых лет.

Тот первый тематический вечер удался на славу. Иначе бы спустя год к совету ветеранов не обратилось командование соединения с просьбой провести аналогичное мероприятие к следующей годовщине битвы под Москвой.

Посоветовавшись, решили, не дублировать прошлогодний сценарий, а побольше рассказывать о конкретных подвигах воинов.

Вспомнили Сергея Белоуса, который вызвался ночью пойти в разведку и узнать, чьи танки — наши или фашистские — идут на батарею. Выяснив, что перед ним враг, воин вызвал огонь артиллерии на себя. Бесстрашный боец был награжден орденом Ленина. А "Красная звезда" посвятила ему передовую статью, в которой призывала так же бесстрашно биться за Москву всех участников обороны столицы.

Вспомнили мы и о красноармейце Илье Николенко. Он вступил в поединок с фашистским танком и ценой своей жизни остановил его, о санинструкторе Лидии Долгалевой, вынесшей десятки раненых бойцов с поля боя вместе с их личным оружием. О красноармейце Артемии Трифонове, не покинувшем своего поста во время налета авиации врага. О красноармейце Григории Прокопенко, который, будучи раненым, восстановил связь, зажав перебитые осколком провода зубами.

А разве можно было забыть служившего в дивизии военинженера Кирилла Салдадзе, изобретателя знаменитого "коктейля Молотова" — зажигательной смеси, которая успешно использовалась советскими бойцами для борьбы с танками противника.

Почему так подробно рассказываю о содержании проводимых нами мероприятий? Хочу использовать предоставившуюся мне возможность и еще раз поведать о подвигах воинов-дзержинцев читателям журнала. Ведь среди них немало тех, кто только недавно начал свою службу во внутренних войсках. Так пусть же знают они о подвигах их воспитанников.

Оборона Москвы — близкая нашим ветеранам тема (кстати, в декабре прошлого года мы еще раз собирали в гарнизонном Доме офицеров участников обороны Москвы и военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года), но не единственная в нашем "репертуаре". Совет ветера-

нов ОДОНа проводил тематические вечера, посвященные 50-летию Сталинградской битвы, прорыву блокады Ленинграда, освобождению Новгорода, крупнейшим наступательным операциям на территории Украины и Белоруссии, взятию Будапешта, Кенигсберга, Вены, штурму Берлина, разгрому милитаристской Японии. И что примечательно, среди ветеранов соединения нашлись живые участники почти всех упомянутых событий. Естественно, все они были приглашены на наши встречи.

Дивизия не принимала непосредственного участия в обороне Сталинграда. Но среди защитников города находился Евгений Попков — воспитанник дивизии. А разве могли оставить воинов равнодушными воспоминания Героя Советского Союза Алексея Волошина, под командованием которого артиллерийская батарея без промаха разила врага у стен города-героя. Было что рассказать и другим участникам Сталинградской битвы — Владимиру Дмитриеву, Ивану Липчанскому.

Автору этих строк не довелось воевать под Сталинградом, но мне удалось побывать там сразу же, как только стихли бои. Картина — незабываемая. От прекрасного города остались одни руины. Сохранились только остовы двух зданий — знаменитого дома Павлова и мельницы. Какой же смерч бушевал здесь! Непостижимо, как в таком аду выстояли мои сверстники.

Курской битве мы посвятили два тематических вечера. Пригласили ее участников — Дмитрия Дажина, Николая Лобачева, Алексея Бадьина, Петра Рыбальченко, Андрея Васильева, Николая Фадина, Виктора Монахова. Они рассказали о Курской битве, о том, что видели из солдатского окопа.

Накануне великого сражения под Курском была сформирована Отдельная армия войск НКВД. Ее костяк составили посланцы внутренних и пограничных войск. Только из дивизии им. Ф.Дзержинского туда было направлено 1200 самых лучших бойцов и командиров.

О 70-й армии — так переименовали Отдельную армию войск НКВД — с восхищением отзывался командующий Центральным фронтом Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский. Не ударили в грязь лицом и посланцы дивизии, среди которых был Роман Кудряшов. Будучи заместителем командира полка по политической части, он всегда появлялся там, где

труднее, личным примером увлекал бойцов на подвиги.

В тематическом вечере, посвященном обороне Ленинграда, приняли участие полковник в отставке Борис Григорьев, Виктор Монахов, ныне покойный подполковник в отставке Василий Старцев, майор в отставке Иван Копылов.

Борис Григорьев сражался в легендарном батальоне майора Н.Шорина. Шоринцы творили чудеса храбрости и отваги.

Отличились наши однополчане и при освобождении Новгорода. Пушки артиллеристов-дзержинцев били точно в цель. Не случайно артдивизион соединения носит сегодня почетное наименование "Новгородский".

Ветераны полковник в отставке Владимир Огрызко и подполковник в отставке Дмитрий Одинец недавно поделились с воинами воспоминаниями о том, как участвовали в операциях по ликвидации немецких диверсионных групп и чеченских бандформирований на Северном Кавказе в 44-м. Воинам ОДОНа тоже есть что рассказать ветеранам. Подполковники Игорь Ковалев, Виталий Кондрашев и Олег Кублин в свою очередь рассказали ветеранам о том, как воюют воины-одоновцы с незаконными вооруженными формированиями в Чечне сегодня.

Частенько задумываюсь: а понимают ли нас, ветеранов, молодые солдаты? Доходят ли до их сердец наши слова? Или они в душе посмеиваются над чудаковатыми стариками?

Однажды после нашей очередной встречи с воинами ОДОНа ко мне подошел один солдат — рослый такой парень, настоящий гренадер:

— Мы завидуем вам. На вашу долю выпало тяжелое, но понятное время. А нам...

Поблагодарил солдата. Но сказал, что с его взглядами на настоящее время не согласен. Сегодня мы являемся очевидцами возрождения России. Она обязательно станет великой державой, обязательно наверстает упущенное. Не сомневаюсь, придет день, когда о нашей стране будут говорить с уважением во всем мире. А когда он наступит, зависит от нынешнего поколения.

Имя в истории войск**ГЕНЕРАЛ КИСЕЛЕВ**

О два года назад я беседовал с ветераном дивизии им. Ф. Дзержинского, участником операции по депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию, и от него узнал одну любопытную историю. Самой операции, которая началась 23 февраля 1944 года и длилась несколько дней, предшествовали недели кропотливой подготовки: оборудовались посадочные площадки и обустроивались подъездные пути к ним, строились мосты. Солдаты внутренних войск маскировались, переодевались в форму железнодорожников, гражданскую одежду. Но по военной организации, которую трудно было скрыть в бригадах рабочих-путейцев, местные жители заподозрили, что здесь что-то не чисто. А во всех скрытных и тайных делах без НКВД не обходится. И аксакалы стали настойчиво выяснять у "железнодорожников", знают ли они генерала Киселева, пытаются таким образом непонятные им приготовления связать с бериевским ведомством. К счастью, никто из солдат да и младших офицеров его не знал и, естественно, проболтаться не мог. Однако соблюдая чекистскую бдительность — доложили по команде о нездоровом интересе местных жителей. Информация быстро стала достоянием начальника одного из оперативных секторов — опытного чекиста, и тот незамедлительно собрал совещание офицеров, на котором объявил инструкцию о поведении в подобных случаях. "Если кого-либо будут спра-

шивать, знает ли он генерала Киселева, отвечать отрицательно. Мы такого генерала не знаем".

Кто же такой генерал Киселев, о котором знали от мала до велика в горных аулах и о котором не имели даже представления многие офицеры дивизии им. Ф. Дзержинского? Со страхом или уважением произносили эту фамилию коренные жители Северного Кавказа?

Тезка легендарного Чапаева — Василий Иванович Киселев оказался на Северном Кавказе не в бархатный сезон. И жарко там в то время было не от августовского раскаленного солнца. Фашисты рвались к бакинской нефти. По плану "Эдельвейс" гитлеровское командование намеревалось захватить Северный Кавказ, а затем путем обхода Главного Кавказского хребта с запада и востока и проникновения с севера через перевалы овладеть Закавказьем. Захватив столицу Северной Осетии, гитлеровцы открывали себе путь на Баку и Военно-Грузинскую дорогу. Войска Северной группы Закавказского фронта в сентябре 1942 года остановили врага на рубеже: реки Терек, Баксан, Главный Кавказский хребет. Но та оперативная зона, которую занимали войска генерала И. Масленникова, была очень невыгодной, стесняла их маневр, тылы были оторваны от передовых позиций.

"Прибыл я с поручением наркома в г.

Орджоникидзе поздно вечером 12 августа 1942 года, — вспоминал Василий Иванович. — Явился в штаб-квартиру командующего Северной группой генерал-лейтенанта И. И. Масленникова... Нужно формировать дивизию. Штаба нет, людей нет, но есть погранучилище (войск НКВД. — И.М.), в котором мне пришлось обосноваться и на его базе развернуть работы по формированию дивизии".

Киселев к тому времени был уже опытным, боевым генералом. Великая Отечественная стала четвертой его войной, чем он по праву гордился и часто в своих воспоминаниях это подчеркивал...

Однако, следуя чисто исторической хронологии, давайте на время оставим боевые действия на Кавказе и обратимся к биографической справке о жизни генерала.

Родился Василий Иванович в конце прошлого века в башкирском селе Воздвиженка в семье крестьянина-бедняка. Ему с малых лет довелось в полной мере познать тяжесть крестьянского труда. По достижении девятнадцатилетнего возраста юноша поступил на военную службу рядовым солдатом. В 1916 году закончил учебную команду, и его произвели в унтер-офицеры.

Детские и юношеские годы будущего генерала прошли во времена великих революционных потрясений, его становление как зрелого человека и гражданина происходило на рубеже двух эпох. Судя по тому, что молодой человек двадцати двух лет от роду в феврале 1918 года добровольно поступил на службу в РККА, Октябрьскую революцию он воспринял всем сердцем и стал ярым защитником и страстным проповедником ее идей.

В Невельский партизанский отряд Василия зачислили рядовым, но уже через три месяца красногвардейцы избирают его комиссаром отряда. Такое доверие товарищей по оружию оправдывалось не

только военной наукой, которую он постиг еще в царской армии, но и "жгучей ненавистью к врагам революции, беззаветной храбростью в боях". Два ранения красноречиво свидетельствуют об этом. В отряде он и прослужил на различных должностях до поступления в апреле 1920 года в Высшую стрелковую школу. Однако происходящие в стране события, обострение классовой борьбы, как говорили в те времена, не позволяют ему закончить учебу, и уже через два месяца Киселева с чекистским отрядом командируют на подавление восстания. Потом почти в течение года воевал он с Врангелем: был командиром батальона восточно-сибирского полка, временно командиром 201-го стрелкового полка. И только после ликвидации врангелевского фронта Киселев снова возвратился в Высшую стрелковую школу, которая к тому времени именовалась Высшей военной школой Сибири, и на этот раз успешно закончил ее. После четырехмесячного пребывания в резерве начдива 29-й дивизии РККА молодого, но уже опытного и преданного делу революции краскома направляют в войска ОГПУ, на борьбу с контрреволюцией и саботажем. Время партизанщины прошло, началось становление регулярной Красной Армии, и бывшего командира полка назначают с понижением на должность командира стрелкового взвода окружной школы младшего начальствующего состава. Но не удивительно, что очень скоро напористый и требовательный командир уже возглавлял отдельный башкирский дивизион войск ОГПУ. В это же время он получил свою первую боевую награду — орден Красного Знамени.

С должности начальника фельдотдела Полномочного представительства ОГПУ Нижне-Волжского края в 1930 году поступил в Военную академию им. М.В.Фрунзе, после окончания которой его назначили командиром 6-го полка войск ОГПУ по охране железных дорог.

Генерал-майор В.И.Киселев

В 1936 году, прослужив год в очередной должности — начальника оперативно-го отдела Управления внутренней охраны НКВД Уральского округа, Киселев уехал в Испанию. В это же время его в связи с переходом в органы НКВД исключили из списков РККА. Весь период нахождения в специальной командировке по заданию правительства Киселев состоял в резерве начальствующего состава Главного управления госбезопасности НКВД.

Спустя два года, возвратившись со своей третьей войны, Василий Иванович возглавил 4-ю бригаду войск НКВД по охране железных дорог, которая в марте 39-го была преобразована в 3-ю дивизию войск НКВД по охране железных дорог. В должности командира этой дивизии комбриг Киселев и встретил Великую Отечественную войну.

Части и гарнизоны дивизии, находившиеся вблизи государственной границы, с момента вероломного нападения фашистов вступили в бой. Некоторые гарнизоны были окружены и уничтожены гитлеровцами, другие — отступали вместе с частями РККА, ведя бои и охраняя важные объекты на шоссейных и железных дорогах.

Только сейчас, анализируя документы и прослеживая ход боевых действий на начальном этапе войны, можно представить целостную картину на западном теат-

ре боевых действий и предположить, с какими трудностями довелось столкнуться комдиву, а позже — начальнику войск НКВД по охране тыла 20-й армии. С учетом сложностей управления внутренними войсками, находившимися в прифронтной полосе, только в августе 1941 года приказом НКВД войска по охране объектов на железных дорогах были подчинены в оперативном отношении начальникам войск по охране тыла фронтов. А еще в июле Киселеву, начальнику войск охраны тыла, для ликвидации диверсионно-разведывательных групп фашистов приходилось волевым усилием привлекать военнослужащих бывшей своей железнодорожной дивизии, самому возглавлять поиск и уничтожение диверсантов.

В один из дней, когда Красная Армия вела боевые действия под Смоленском, Киселев получил информацию, что в районе Ярцева немцами выброшен большой десант. Комбриг собрал истребительный батальон (около 500 бойцов, вооруженных только стрелковым оружием) и лично возглавил его. Прибыв на место предполагаемой высадки десанта и оценив обстановку, обнаружил, что фашисты силами до двух дивизий с танками и другим тяжелым вооружением прорвали фронт в районе Духовщины и остановились только перед небольшой речушкой с болотистыми, не проходимыми для танков берегами. Батальон принимает бой и в течение семи дней сдерживает превосходящие силы противника. Командир 84-го полка майор И. Пияшев в сентябре докладывал начальнику войск НКВД о боевой деятельности полка в начале войны: "Рота (старшего лейтенанта Сенцова. — И.М.) попала в окружение с трех сторон, т. Козулов (делопроизводитель строевой части полка. — И.М.) находился на левом фланге роты, уничтожая противника огнем. В это время комбриг Киселев был тяжело ранен. Группа противника пыталась захватить комбрига Киселева. Козулов уничтожил двух фашистов, остальные повернули обратно. Под сильным пулеметным огнем Козулов вынес комбрига Киселева в безопасное место, чем спас жизнь командира".

"Отсидевшись" почти полгода в должности начальника отдела боевой подготовки в Управлении внутренних войск и провоевав месяц начальником войск НКВД по охране тыла Брянского фронта, Киселев, к тому времени уже генерал-майор, с поручением наркома внутренних дел убыл на Северный Кавказ.

А спустя два дня после его прибытия

на срочном совещании начальник училища войск НКВД полковник Янукович зачитал приказ ГУВВ, в котором предписывалось: "Сего числа весь личный состав училища переходит в распоряжение генерал-майора В.И.Киселева для формирования Орджоникидзевской дивизии войск НКВД". Дивизии, которая существовала еще только в планах, военным советом Закавказского фронта и командованием Северной группы войск была поставлена задача: Военно-Грузинскую дорогу закрыть на замок.

Времени в обрез. Василий Иванович Киселев, опираясь на опыт, приобретенный им на Дальнем Востоке в 1934 году и, главным образом, в горной войне в Испании в 1936-1937 годах, разработал стратегический план ведения боевых действий на подступах к Орджоникидзе, отличавшийся своей оригинальностью.

Сегодня, наверное, можно утверждать безошибочно: то, что удалось сделать В.И.Киселеву в дни войны на Кавказе, — главный итог его почти 30-летнего служения Отечеству. Он не стал крупным полководцем, но он был начальником Орджоникидзевского особого оборонительного района. И от его умения организовать работы по инженерному оборудованию позиций, от его упорства в отстаивании своей точки зрения перед военным советом Закавказского фронта, от его четкого руководства частями в ходе боев действительно зависело многое.

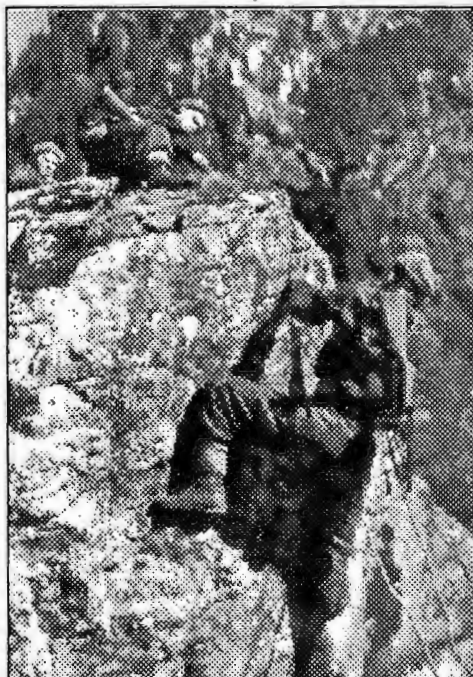
"По плану генерала Киселева" — так назвал целую главу в книге воспоминаний тогдашний начальник артиллерии дивизии Н.И.Кононов. Согласно этому плану оборона строилась с учетом особенностей обстановки и горных условий. "Она не имела оборонительных полос, предполья, флангов как таковых, — пишет полковник в отставке Кононов. — Полковые участки обороны состояли из секторов. Опорные пункты и узлы сопротивления строились на всю оперативную глубину, были сильно укреплены и могли взаимодействовать между собой. Условия, местность, полоса заграждений, укреплений, противотанковой и противовоздушной обороны позволяли создать труднопроходимую систему огня и удара из центра к периферии, обеспечивая выигрыш во времени, дистанции и сохранении сил". Это была, по сути дела, круговая оборона не только дивизии на подступах к городу, но и круговая оборона каждого опорного пункта и узла сопротивления.

"В шутку мы называли нашу оборону огненной кометой с хвостом", — вспоми-

нал позже Киселев. Ядро ее было на подступах к Орджоникидзе, хвост простирался вдоль Военно-Грузинской дороги.

План такой круговой обороны долго не принимало руководство фронта. Командующий Закавказским фронтом генерал И.В.Тюленев до последнего момента планировал разместить свой командный пункт в Эльхотово, вне зоны обороны по плану Киселева. В середине октября на особом совещании с участием представителей Ставки Верховного Главнокомандующего даже ставился вопрос о выводе туда же Орджоникидзевской дивизии. Только упорство генерала Киселева и его последовательность в отстаивании своих позиций не поставили город в еще более невыгодное положение. А когда немецкое командование переориентировало атаки своих войск с Грозного на Орджоникидзе и нашу 37-ю армию фашисты прижали к Мамисону (один из кавказских хребтов), с доводами Киселева согласился и генерал И. Масленников. Иван Владимирович Тюленев в спешном порядке обустроил свой командный пункт не в Эльхотово, а на Лысой горе, южнее Орджоникидзе.

Но доказать свою правоту — это лишь полдела. Необходимо было в кратчайшие сроки организовать инженерное оборудование опорных пунктов и узлов. Вот тут-то

Воины горно-стрелкового отряда взбираются на скалы. Северный Кавказ, 1942 г.

и проявился талант Киселева-организатора. На строительство были мобилизованы все предприятия города, не покладая рук работали и воины дивизии. За высокие трудовые достижения особо отличившимся курсантам офицерских курсов Закавказского фронта досрочно присвоили звание "младший лейтенант" и назначили командирами взводов.

В октябре 1942 года части Орджоникидзевской дивизии войск НКВД посетила делегация военных специалистов США во главе с довоенным министром обороны Патриком Херли. Гости изъявили желание посетить несколько частей на оборонительных позициях. Генерал В. Киселев решил показать им 169-й стрелковый и 34-й мотострелковый полки.

В селении Ларе визитеров изумил величественный Ермоловский камень, превращенный в неприступную крепость, бастион артиллеристов 34-го полка. Американских гостей поразило не столько само сооружение, сколько идея использования этого огромного камня для обороны Военно-Грузинской дороги. "Известный генерал Ермолов только отдыхал на "камне Ермолова", а мы из этого камня сделали опорный пункт против танков противника", — с удовольствием отмечал позже генерал Киселев. По признанию многих специалистов, "такую оборону может разрушить только землетрясение".

Василий Иванович Киселев очень хорошо знал историю войн и военного искусства. У него не было ни малейшего сомнения в том, что отстоять город удастся. "Эта уверенность, — писал сам Киселев, — основывалась на простом выводе из анализа боевых действий в горных условиях, начиная с карфагенца Ганнибала и до грузинской царицы Тамары: в родной стране и горы помогают". Но комдив прекрасно осознал, что "они сами не воюют и в атаки не идут". Все в конечном итоге зависело от людей.

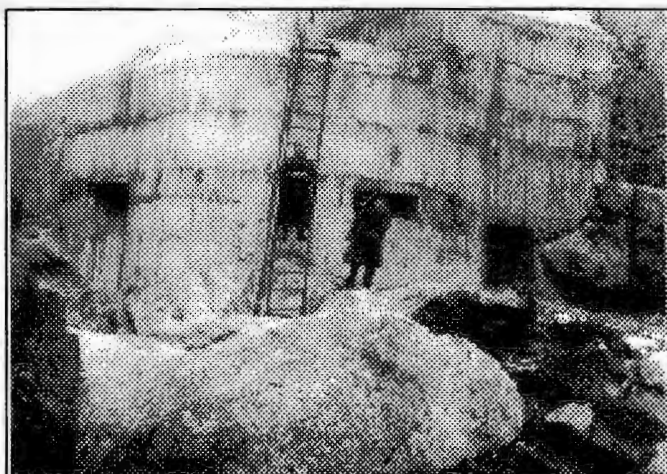
Характеризуя боевые действия особого полка, Киселев в январе 1943 года писал: "В период, когда немецкие банды находились на ближних подступах к Орджоникидзю, жители города заявляли: их защищают пограничники (имелись в виду солда-

ты войск НКВД. — И.М.) и они из города никуда не пойдут". А секретарь Северо-Осетинского обкома партии Н.П. Мазин в докладе на собрании партийного актива города Орджоникидзе отмечал: "Защитники города, славные чекисты под руководством товарищей Киселева и Кириллова, как львы дрались за наш славный город". Скорее всего в этом и кроется секрет известности генерала среди народов Кавказа, секрет его авторитета.

В декабре 1942 года Киселев получил очередную правительственную награду — орден Красного Знамени, а партийное и советское руководство награждает командира дивизии именными золотыми часами с гравировкой "XXV октябрь, генерал-майору т. В.И. Киселеву от трудящихся Грузии".

Спустя двадцать два года шестидесятивосьмилетний отставной генерал, переполненный воспоминаниями о прошлом, связывает воедино два одинаково важных события в своей жизни. Он пишет письмо председателю ЦК компартии Испании Долорес Ибаррури и вместе с ним отправляет ей подарок ко Дню 8 Марта — именными золотые часы. "Знаменательно то, — писал он, — что при организации обороны г. Орджоникидзе и Военно-Грузинской дороги мною был использован опыт, приобретенный в дни испанской революции в 1937 году".

Организация обороны республиканцами испанского города Альмерина и послужила прообразом для создания сильно укрепленного узла обороны северо-осетинского города и Военно-Грузинской дороги,

Артиллерийско-пулеметный дот на Военно-Грузинской дороге в оборонительной полосе орджоникидзевской дивизии внутренних войск НКВД СССР. 1942 г.

с честью послужившей позднее и для нанесения мощного наступательного удара советских войск по фашистским оккупантам.

Во главе войск НКВД Северо-Кавказского округа генерал-майор Киселев пробыл недолго. Уже в августе 43-го его назначили начальником оперативного отдела Главного управления ВВ НКВД СССР, а еще в мае он был зачислен в резерв назначения начсостава войск. Естественно, боевому, деятельному генералу такое назначение было не по душе. Он тяготился кабинетной работой, ему нужен был оперативный простор, где было место для инициативы, импровизации. И вскоре такой простор появился. В апреле 44-го Киселев получает предписание возглавить внутренние войска НКВД Белорусского округа. После освобождения западных областей Белоруссии части округа развернули борьбу против националистических банд в районах Барановичской и Виленской областей.

Отзывы офицеров о Киселеве той поры как человеке были очень противоречивы. Он не скупился на поощрения, но мог даже огреть палкой провинившегося, в том числе и офицера. Рассказывали, что прикрепляя на грудь солдата орден, он от всей души поздравлял, обнимал, целовал, но тут же в этой торжественной обстановке бесцеремонно предупреждал: "Если ты, не дай Бог, что-нибудь натворишь, я с тебя, подлеца, сниму этот орден собственными руками". По характеру был горяч, невыдержан. С подчиненных требовал жестко и провинившихся наказывал строго — за что не любили и боялись Киселева. Но за его смелость и боевое прошлое — уважали.

В те времена дорога от Гомеля до Пинска, где располагались дивизии округа, проходила по пинским болотам. Она была узкой, вымощенной булыжником — две встречные машины еле разъезжались. Леса вокруг кишели от банд. Киселев в поездках по гарнизонам никогда своей генеральской формы не надевал, ездил в простой крестьянской телогрейке. По этому поводу тогда гулял анекдот, красноречиво характеризующий отношение к генералу солдат. По булыжной дороге едет боец на повозке. Видит, в трясине торчит задок "виллиса" и человек в телогрейке барахтается. Солдат помог ему выбраться, посадил на повозку, едут. Пассажир немного пришел в себя и говорит солдату: "Дай-ка я твою фамилию запишу. Верти дырку на орден. Ты знаешь, кого спас? Ты спас генерала Киселева". Солдат остано-

вил лошадку, спрыгнул на дорогу, стал на колени и говорит: "Товарищ генерал! Никому не говорите, что я вас спас. Иначе мне самому жизни не дадут".

Как знать, может, эта его жесткость и высокая требовательность и позволяли успешно выполнять те задачи, которые ему ставились в сложное время и в тяжелых условиях руководства войсками НКВД.

Отправили на пенсию генерал-майора Киселева как-то неожиданно. Еще в июле 1945 года он был зачислен в резерв на выдвижение в МВД СССР, а спустя год — приказом министра уволен в отставку по болезни. Может быть, действительно ранения давали о себе знать, но не исключено, что после расформирования в июне 1946 года Управления внутренних войск НКВД Белорусского округа тогдашнее министерское руководство не пожелало видеть в своих рядах такого волевого, с крутым нравом генерала. Глядя на небольшую фотографию, наклеенную в удостоверение личности: уверенный, открытый взгляд, плотно сжатые тонкие губы, выступающий волевой подбородок, — трудно сказать, что здоровье этого, еще не старого, опытного вояки настолько было подорвано, что ему не нашлось бы места в Министерстве внутренних дел. Увы, истинные мотивы отставки пока закрыты завесой секретности.

Теперь-то нам доподлинно известно, почему "путьцам из рабочих отрядов" предписывалось ни в коем случае не обмолвиться, что они знают генерала Киселева. В противном случае тайные планы Кремля в отношении чеченцев и ингушей стали бы явными. Однако связывать какие-либо неблагоприятные деяния правительства на Северном Кавказе с именем этого грамотного, решительного, смелого генерала нельзя. Да, чеченцы и ингуши были выселены. Но волею судьбы Василий Иванович Киселев остался в памяти народов Кавказа защитником, а не палачом. Нарком внутренних дел Л. Берия в своем совершенно секретном приказе руководителем войсками во всей этой секретной кампании назначил иного московского генерала. Но это уже тема другого разговора.

Майор И.МУЧАК.

**Фото из фондов
Центрального музея
внутренних войск МВД России.**

Обретение веры

**Священник
Дмитрий ДУДКО:**

“Защита Родины – дело богоугодное”

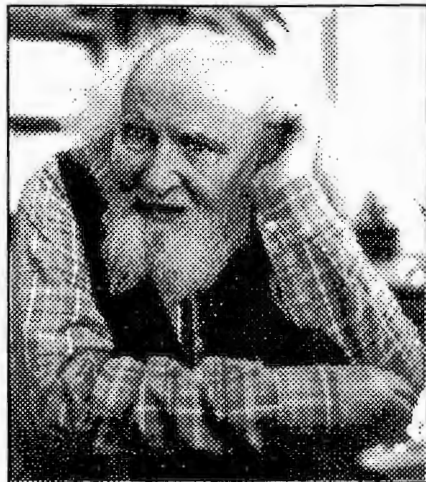
Дмитрий Сергеевич Дудко — священник русской православной церкви, видный церковный и общественный деятель и горячо любимый народом пастырь — известен у нас в стране и за рубежом также как самобытный, талантливый писатель и поэт, автор многочисленных книг стихов, публицистики и художественно-документальной прозы.

Все труды, вышедшие из-под пера этого одаренного человека: “В терние и при дороге”, “На скрещении дорог”, “Выявление искусных”, “Лефортовские стихи” — пользуются заслуженно доброй славой как у прихожан храма, где отец Дмитрий, несмотря на свой почтенный возраст, до сих пор служит, так и в литературной среде, у взыскательных столичных критиков и литературоведов.

“В эпиграф к своей новой вещи о современных днях, — писал, к примеру, секретарь Московской писательской организации Владимир Богатырев, — поставил я четверостишие из стихов свящ. Дмитрия Дудко, написанных 45 лет назад:

Слышишь, танцует она,
Слышишь, рыданья родные?..
Это — моя страна,
Это — моя Россия! —

потому что оно вечно юно, как и вся поэзия целиком (и проза, похожая на поэзию, ее-то и прозой назвать несправедливо и скучно) нашего вселенски прославленного батюшки, отца духовного многих москвичей и россиян, в том числе и из писательской нашей братии...

Наконец-то книги прозы и стихотворений батюшки Дмитрия Дудко стали широким достоянием всех граждан православных страны и мира, а не “сам” и “тамиздата”, не узких кружков его почитателей и сидельцев лагерных и тюремных камер. И это все потому, что с нами Бог Живо и Крепкий. И с нами, и с ним!..”

Хорошо, верно сказано.

А как иначе можно объяснить тот факт, что Дмитрий Сергеевич Дудко не только выдержал все испытания, отпущенные ему судьбой в переломное для страны, лихое для большинства людей время, но и остался при этом удивительно добрым, отзывчивым и незабываемым человеком, христианином в изначальном и единственно верном смысле этого слова?!

...И в Китеже, быть может, скрыто
То, что сильней огней земных.

Колокола звонят забыто,

А сила вся, наверно, в них, —

написал, будучи в заточении в Коми АССР, отец Дмитрий, собственные “колокола” которого, конечно же, сегодня должны услышать как можно больше людей (какой бы веры они ни придерживались).

Со священником русской православной церкви, членом Союза писателей России Дмитрием Сергеевичем Дудко беседует наш постоянный автор журналист и историк культуры Дмитрий КОРОЛЕВ.

— Отец Дмитрий, книги, опубликованные вами — и это можно утверждать смело, — уже сегодня принадлежат как истории православной церкви, так и истории отечественной литературы. Скажите, пожалуйста, как вам удалось ступить на тропу, по которой до вас шли Ломоносов и Тредиаковский, Лесков и — пусть и отлученный от церкви — Лев Толстой? Происходите вы, видимо, из семьи священнослужителей?

— Нет, родители мои были простыми крестьянами. Как я полюбил книжные премудрости, и сам не знаю. Помню только, что, когда и грамоты еще никакой не ведал, лет пять мне было, я уже любил возиться с бумагами, книгами. Когда же я научился писать, почти сразу же и сочинять что-то начал. Никто меня этому не учил. Более того, поскольку я жил в деревне, а грамотность там оставляла желать лучшего, моя страсть к литературе вызывала по меньшей мере удивление. В этих условиях я писал стихи, заметки, даже "романы" пробовал. В пятом классе, когда я переехал жить и учиться в другую деревню, несколько школьников как-то на досуге стали сочинять друг на друга эпиграммы. Я писал, оттачивая свое перо на протяжении всей жизни. Первая моя книга в России вышла в 1992 году, и вскоре меня рекомендовали в Союз писателей.

— **Наивный вопрос: а почему вас не печатали прежде? Конечно же, по идеологическим соображениям?**

— Не только. Стихи мои и проза были еще далеки от совершенства. Потом же, когда я уже более твердо стоял на ногах, именно по идеологическим соображениям. Мой самостоятельный взгляд на жизнь — и это я всегда понимал очень хорошо — не оставлял мне ни малейшего шанса увидеть свои труды напечатанными. Поэтому я писал или в стол, или для зарубежных изданий. Я никогда не был антисоветчиком, но мои произведения, написанные верующим человеком, контрастировали, понятно, с тогдашней официальной идеологией. И когда я приобрел некоторую известность, их стали охотно публиковать на Западе...

Всю жизнь я был человеком верующим. Вот однажды ко мне неожиданно пришла четкая мысль, почти приказ: возьми Евангелие и прочти! Никто конкретно меня к этому не побуждал, а если б сказали — наверное, это бы было не столь убедительно!

Я взял Евангелие и стал читать. С первых же страниц я почувствовал, что общаюсь с Истиной. "Как же я мог лишиться себя этого?!" — недоуменно подумал тогда. С тех пор постоянно перечитываю Евангелие на протяжении всей жизни. Это поистине удивительная книга! Она может

дать ответ на любой вопрос, поставленный перед нами жизнью. Она учит только добру — учит мужеству, терпению.

В годы моей молодости верующим у нас в стране жилось очень тяжело — над ними глумились, зачастую преследовали, всячески притесняли... Все это с лихвой выпало и на мою долю.

Среднюю школу я не закончил. Пошел в армию. После войны поступил в духовную семинарию. Потом — учеба в академии. На первом курсе меня и арестовали.

— ?!

— Арестовали — за убеждения, за то, что я был активен в своей вере. Если бы я был просто верующим, меня бы, наверное, не тронули. Но мне поставили в вину "антисоветскую пропаганду", и очень скоро оказался я — прямо название известного романа той поры! — далеко от Москвы. Отсидеть мне пришлось восемь с половиной лет.

— **А что было потом, когда вы возвратились домой?**

— Восстановился в академии, закончил ее. В 60-м году положился, принял сан. Стал служить в храме.

— **Но на этом, если не ошибаюсь, ваши злключения не закончились?**

— Да. Мне не простили моей активности. После того как я заканчивал службу (служил я тогда в церкви на Преображенском кладбище), я вел с прихожанами долгие разговоры, преимущественно по проблемам веры. На мои "лекции" приезжали чуть ли не со всей России, о них стало известно и за границей.

— **И "оргвыводы", понятно, не заставили себя долго ждать?**

— За вольнодумство меня отправили в ссылку, в 80-м году посадили снова. Не простили мне, видимо, в первую очередь, моих книг, публикуемых на Западе и ставших известными среди московской интеллигенции. Любое инакомыслие расценивалось тогда как антисоветская пропаганда. И даже в том случае, когда речь шла о вполне безобидных вопросах веры!

Но я никогда не боролся ни с советской властью, ни с государством, ни с КГБ. Я считал и считаю, что институт государства не только нужен, но и крайне необходим, во всяком случае в том мире, в котором мы живем. Также нужна армия, чекисты нужны (хотя они много делали и плохого)! Мы сейчас убеждаемся, какие беды обрушиваются на народ, когда государство ослаблено, разрушается все или почти все, в том числе армия и правоохранительные органы. Подрубаются сам жизненный стержень народа!

— **Отец Дмитрий, вы сейчас упомянули армию, и мне вспомнилась давняя моя беседа с видной деятельницей**

русского зарубежья, православной писательницей-теологом Валерией Дау-вальдер. Валерия Флориановна, в частности, высказала тогда такую мысль: отношения церкви и армии всегда определялись известным выражением "Не убий!" — и только. Что вы по этому поводу думаете?

— Мысль эта, по моему глубокому убеждению, в корне неверная. Если ей следовать, получается, что церковь наша православная смотрит на людей в военной форме как на убийц! Но это же абсолютно не соответствует истине! Воин — это не убийца, воин — это защитник! Он кладет жизнь за други своя! Он не знает: он убьет или его убьют. Воин — жертва, которую приносит погрязшее в грехах общество. Если есть грех, обязательно будут и войны. Бороться надо не против армии, а против греха, тогда и люди погибать не будут и все мы получим возможность жить в мире! Но пока об этом, увы, можно только мечтать. Вы посмотрите, что происходит в Сербии! А Чечня?!

Пока есть угроза войны, угроза для мирной жизни, сильная боеспособная армия, полный набор правоохранительных структур представляются мне крайне необходимыми. В противовес мнению уважаемой писательницы скажу, что православная церковь всегда с большой любовью, с огромным уважением относилась к военным людям. Церковь благословляла защитников Отечества на ратные подвиги. Вспомните борьбу с татаро-монгольским нашествием, воинолюбивую (от слова "воин", а не от слова "война") деятельность святого нашего Сергея Радонежского, позицию русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны — и домослы все отпадут сами собой. Добрые отношения между русской армией и церковью обуславливались еще и тем обстоятельством, что захватнических, несправедливых войн страна наша практически никогда не вела — все войны были освободительными, исход каждой из них ставил перед русскими людьми один и тот же вопрос: "Быть или не быть их Родине, быть или не быть России?" Не исключение в этом плане, думается, и последние события в Чечне.

Я не политик, в отличие от известного Глеба Якунина политикой не занимаюсь, но и мне яснее ясного: разыгрывание "чеченской карты" — это очередной "крестовый поход" против России, рассчитанный на ее устранение с арены мировой политики, а может быть, и на полное ее уничтожение. Опасность эта, безусловно, должна была быть устранена. Другое дело — как. Но если войны российской армии, внутренних войск МВД, других силовых структур получили приказ прави-

тельства о начале боевых действий, они, конечно же, должны были выполнить его не задумываясь. Таков их воинский и христианский долг!

Я человек сугубо мирный, солдат из меня плохой. Но когда началась война и лютой враг стал кованым сапогом топтать землю моей Родины, я без тени сомнения надел военную форму и больше года участвовал в оборонительных сражениях, был ранен. И я, прошедший через все это, с величайшим уважением и любовью отношусь к тем, кто стоит в ратном строю, и смотрю на их деятельность как на подвиг во имя Родины — подвиг величайшего самопожертвования. И меня удивляют... нет, возмущают те политики, которые склонны винить в тех или иных бедах армию!.. На войне, во время боевых действий, когда льется кровь, гибнут и мирные жители. Но все равно я склонен думать, что в Чечне эти негативные явления носят характер исключения, а не правила. Русский человек, православный воин всегда отличался справедливостью и никогда не поднимал руку на женщин и детей, на старики, не зарился на чужое.

— Отец Дмитрий, вот вы сказали: "православные воины". Не приобретает ли, на ваш взгляд, вооруженный конфликт в Чечне характера религиозной войны? В средствах массовой информации писали, что сторонники Дудаева уже газават объявили, пробуют играть на чувствах людей верующих.

— Недругам России не впервой угрожать нам "крестовыми походами", и религия здесь ни при чем: ею лишь пытаются замаскировать свои корыстные, несправедливые интересы. Но у дудаевцев ничего не получится. По сведениям, которыми я располагаю, большинство иерархов-мусульман Дудаева не поддерживают. Россияне, придерживающиеся мусульманской религии, также не хотят войны и крови — так же не хотят быть заложниками амбициозных политиков, как и россияне православные. К тому же, замечу, российские мусульмане заметно отличаются от приверженцев ислама, скажем, в Иране или Таджикистане. У нас, так скажем, миролюбивые мусульмане, с которыми нам, людям православным, найти общий язык совсем не трудно. У нас много общего, и Бог у нас, по сути, один. Это не значит, что мы навязываем им православие. Подходы к чисто религиозным вопросам у нас, конечно, разные были и остаются, но это не мешает нам понимать, любить друг друга. Я часто вспоминаю то время, когда сидел в лагере. Там у меня был друг — узбек, мусульманин, а он был, пожалуй, самым близким мне человеком. Никаких противоречий у нас не возникало и на почве религии. Наоборот, мы как бы дополняли друг

друга. Помню, как-то я стал читать ему одну православную книгу, и он слушал меня с таким вниманием, с таким интересом, которые не проявляли даже многие русские. Кстати, наши религии ведь во многом схожи. Мусульмане, к примеру, признают, чтят Иисуса Христа. А те нравственные заповеди, что содержатся в их священной книге — Коране? Разве есть у правоверных мусульман что-либо общее с Дудаевым, который принес в наш общий дом уже столько горя?!

Так что все эти газаваты, "войны с неверными" — это все спекуляции чистой воды, заранее обреченные на провал. Кстати, обращаю ваше внимание на тот факт, что в Российской армии, внутренних войсках, в том числе и в частях, дислоцированных в Чечне, плечом к плечу служат воины разных национальностей и вероубеждений. Много среди них и мусульман.

— Раз уж мы коснулись этой темы, как вы относитесь к предложениям ввести в армии должности полковых священников, воспитывать личный состав и на основе религиозных чувств?

— Очень положительно отношусь. В экстремальных условиях, во время войны большинство людей, даже если они до этого были неверующими, атеистами, обязательно обращаются к Богу. Воин нуждается в вере, нуждается в утешении. Я был на фронте в то время, когда в нашей стране, как известно, царило безбожие, религии всячески подавлялись. Но, несмотря на это, в военное время все быстро "реставрировалось". Перед боем Богу тайно молились даже коммунисты! А как станут сыпаться с неба бомбы, я постоянно слышал рядом с собой: "Господи, спаси! Господи, защити!". На фронте нет неверующих, все верующие. Поэтому рядом с ними должен быть тот, кто смог бы укрепить их в вере, утешить, ответить на вопросы, которые будут возникать, — то есть полковой священник, и это, думаю, службе будет только на пользу!

— Отец Дмитрий, когда благодаря безбожникам вы оказались в заключении, вы попали под "опеку" воинов внутренних войск, осуществляющих охрану колонии. Осталось ли у вас к ним чувство неприязни?

— Нет, никакого чувства обиды у меня нет. Помню, последний мой следователь, их у меня было несколько, спросил как-то: "Обижаетесь, наверное, батюшка?" (был он крещеным) — на что я вполне искренне ответил: "За что?" Меня в лагере не притесняли, охранники относились уважительно, лагерная администрация выдавала мне все необходимое для жизни. Да, в конце концов, не они меня посадили! Военнослужащие, осуществлявшие охрану колонии, выполняли свой долг, выпол-

няли воинские приказы. А иначе они поступать были не должны! Более того, сердцем я давно простил и тех, кто отправил меня в заключение. Обижаться на них — это все равно, что обижаться на плохую погоду: на снег, на дождь, на грозу... Свои злоключения я расцениваю как данность Судьбы. Родиться мне довелось в тот период истории, который у нас еще совсем недавно называли "временем классовых битв". По-другому, наверное, со мной и поступить-то не могли. Время было такое, лихое, безбожное время.

Впрочем, сегодня время еще более безбожное! Если тогда преследовали за убеждения, за веру, отстаивая убеждения свои, то сегодня вообще никаких убеждений не осталось. Все разрушено, дозволено практически все. Мы перестали различать Добро и Зло. Всюду только и слышишь: деньги, деньги! В Евангелии есть такие слова: "Но горе миру от соблазнов!" Лучше бы человеку, который соблазняется, не родиться вообще! Самое страшное — это соблазны...

Вот меня спрашивают: чем объяснить поведение Глеба Якунина, дополитиканствовавшего, как известно, аж до того, что Патриарх был вынужден лишить его сана? "Обольстился", — отвечаю я. Глеба Якунина я хорошо знаю, мы были когда-то даже друзьями. Учились вместе в семинарии, я звал его мать. В личном плане он был мне симпатичен: добрый, отзывчивый человек. Во всем виновато окружение, в которое он попал. Бесовское окружение! Сегодня Якунин обижается, что Патриарх лишил его сана. Но это он сам себя лишил сана! Озлобился, потерялся. Мне за него страшно!

А оказался в критическом положении он, думаю, потому, что никогда не занимал патриотической позиции. Христианин же не может не быть патриотом. "Кто не печется о своих, — говорится в Евангелии, — тот хуже неверного". Якунин запутался, сменил Бога на невесть что. Мне его жалко, очень жалко.

— Вопрос, вытекающий из предыдущего. На днях я беседовал с классиком нашей литературы, замечательным русским человеком Василием Ивановичем Беловым. И повальное увлечение некоторых наших руководителей "православием" он охарактеризовал кратко, но достаточно емко: "Бесы в храме". Согласны ли вы с ним?

— Почему Белов так сказал, мне непонятно. Но все же я бы не утверждал столь категорично. Спору нет, многие сегодня ходят в храм не потому, что уверовали, а преследуя какие-то свои, зачастую эгоистические цели (например, заручиться поддержкой на выборах людей верующих). Все это так... Но не забывайте: Храм — это

святыня! Коснешься святыни — и просветишься сам. Святыня не слабее бесов. "Искренне, не искренне молитесь, — сказал апостол Павел, — а все равно я этому радуюсь!". Раз пришел в храм — это на пользу, нельзя быть в воде и остаться при этом сухим. Святыни переделывают человека, он избавляется от бесов, становится спокойнее.

Мы должны быть терпимее, должны прислушиваться к чужому мнению, должны вести себя по-христиански.

— Прислушиваться к чужому мнению... Но ведь вы, отец Дмитрий, наверное, резко отрицательно относитесь к проповедникам-сектантам, которые девятым валом хлынули к нам из-за океана?

— Это совсем другое дело. Они приезжают в Россию не для того, чтобы помочь нам, не для того, чтобы поддержать людей верующих, помочь духовно, материально, а для того, чтобы переделать нас! Это все то же оболванивание, навязывание нам абсолютно чужого образа жизни — только теперь не с помощью бесовского телевидения, растлевающего души пропагандой насилия и секса, а, так выразимся, благопристойными средствами. Но это — только на первый взгляд! Зарубежные проповедники, большинство из которых к христианству, к истинному христианству отношения практически не имеют, навеваясь к нам, по сути, мешают людям обрести веру или укрепиться в ней. Да и в любом случае, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не иду. Не они нас, а мы их должны учить вере в Бога! На долю русского народа выпало столько страданий и горя, что именно он стал богоугодным, и ни к чему нам "учителя" из-за океана! Это, кстати, настолько очевидно, что миссионеры, буквально вцепившиеся в наш народ с падением "железного занавеса", смогли "завербовать" не так уж и много людей и держатся на плаву лишь потому, что обладают немалыми (в отличие от нас, православных священников) денежными средствами: могут, скажем, организовать пышное религиозно-эстрадное зрелище, бесплатно раздать отпечатанную за границей Библию и т. д. Но все это, убежден, абсолютно бесперспективно. Будущее в России может быть только за православием, реально помочь выйти из духовного и всеобщего кризиса может только православная церковь, роль которой в жизни нашего общества все более возрастает.

Отметим, что русская православная церковь поддержала процесс реформ, который в начальной своей стадии именовался у нас перестройкой. Однако большинство православных людей понимало, что истинная перестройка — это настрой:

на верный лад надо настроиться. Нужно сохранить все позитивное, что было прежде, не разрушать, не выкорчевывать, а только исправить разлад, и снова тогда начнется нормальная жизнь.

В смысле перспективы улучшения в мире ждать нечего: ухудшения будут там, где мы поддаемся обольщению. Обольстителей всегда было много, и, увы, их становится все больше и больше. Вы думаете, Дудаеву удалось бы поставить под ружье такое количество боевиков, если бы у него не было нефтедолларов? Антихрист и на этот раз применил такое испытанное оружие, как обольщение!

— А есть ли, отец Дмитрий, сегодня перспективы у "коммунистической веры"?

— Ответу вам так: коммунизм — это путь к Богу с черного хода, и не все в нем было плохо! Вы посмотрите, какая прекрасная литература была создана за послереволюционное время! Я сейчас вот перечитываю "Поднятую целину" Шолохова и поражаюсь: как талантливо, с какой любовью к простому человеку это написано! Шолохов — величайший художник, хотя он и был, как известно, убежденным коммунистом.

Другой пример. Был я на днях в гостях у Семена Бабаевского... Знаете такого писателя?

— Конечно, это автор "Кавалера Золотой Звезды" — знаменитого романа сталинского времени.

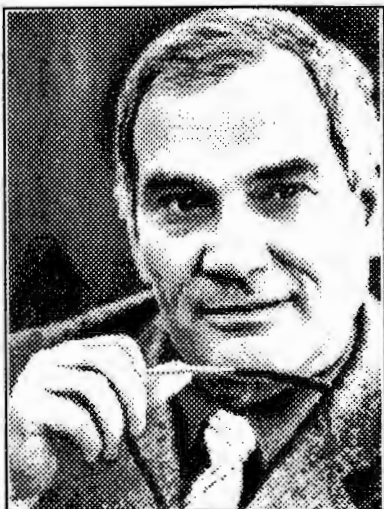
— Да. Он уже очень пожилой, 86 лет. Подарил мне на память свой роман "Белый свет" — отлично, скажу вам, написанный. В книге действуют партийные люди, начальники, но все это художественно убедительно, показаны людские судьбы, характеры, на каждой странице — призыв к Добру, а не наоборот! Сам Бабаевский сказал мне, что человек он неверующий, но я склонен думать, что это не совсем так: он находится в поисках веры!

То же самое можно сказать и о многих других честных, патриотично настроенных людях, которые состояли или состоят в коммунистической партии, но не перестали (и не могли перестать!) быть из-за этого русскими людьми. И многие из них, думаю, придут к Богу — и уже не только с черного хода!

В заключение нашей беседы я хочу пожелать воинам внутренних войск — солдатам и офицерам, служба которых проходит на территории Чечни, мужества и веры, чтобы они вернулись домой невредимыми и как можно скорее.

Защищать Родину — это богоугодное дело, и мы будем за них молиться!

Виктор КОЧЕТКОВ

Виктор Ибанович КОЧЕТКОВ попал на фронт летом сорок второго. В боях за Харьков был контужен, оказался в плену. Бежал, вернулся в строй, войну закончил в Румынии командиром стрелковой роты. После демобилизации учился в Кишиневском государственном университете и на Высших литературных курсах. Член Союза писателей. Автор многих поэтических книг, среди которых — «Весть», «Крик ночной птицы», «Материнское окно», «Осколок».

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

СЕДЬМАЯ ПЕЧАЛЬ

Мне во многом отказано было,
но не в праве по совести жить.
Семь печалей судьба не забыла
мне в дорогу мою положить.

Усмехаясь, она говорила:
— Я к тебе справедливой была.
Я терпением тебя одарила,
я удачи тебе не дала.

На удачливых мало надежды,
нет у них ни души, ни лица.
Лишь одни пустословы-невежды
об удаче твердят без конца.

Как сказал древнегреческий стоик:
нам терпенье в награду дано.
Все, что в мире чего-нибудь стоит,
терпеливыми возведено.

Муки славы тебя не коснутся.
Муки слова пребудут с тобой.
Знаменитым однажды проснуться
не дано тебе будет судьбой.

Ты не будешь ходить в популярных,
заноситься в бессонных мечтах,
но зато побываешь в полярных —
под казенной охраной — местах.

Ой, придется тебе, бедолаге,
похлебать моих постыньских щей,
и в плену побывать,
и в спецлагере
покормить абакумовских вшей.

Не единожды дам тебе пасть я.
Не единожды будешь взлетать.
Я дарю тебе высшее счастье —
все, как есть, на земле испытать.

И сбилось, что она говорила.
Жизнь нелегкую я не корю.
И за все, чем меня одарила,
я спасибо судьбе говорю.

И хулой, и хвалой встречали
на скрещении трудных дорог.
Шесть печалей мои откричали,
а седьмой не настал еще срок.

Жизнь моя, перетерпим с тобой мы
и успех, и ущерб, и урон.
У судьбы в опустевшей обойме
остается последний патрон.

***

Дальний свет первоначальной жизни.

А. Платонов.

Пестрели дни, как гуси на лугу.
Но где они, куда успели деться?
На том, на довоенном берегу
холщовой сумкой машет
наше детство.

У памяти глаза еще остры,
она глядит в былое без опаски:
в степной ночи багряные костры,
вкруг них сидят притихшие подпаски.

С тех луговин темнеющих повеи,
от тех костров
    неразличимых брызги,
студеный ветер юности моей,
далекий свет первоначальной жизни.
Не переплыть, не перебраться мне
на милый берег, в отчие хоромы.
Паромщики погибли на войне,
на дне войны покоятся паромы.

...

Мосластые кони великой войны,
сегодня иду я по вашему следу.
Четырежды кожа сошла со спины,
пока довезли вы до Эльбы Победу.
Под залпы орудий, укрытых в логу,
одним лошадиным
    терпением ведомы,
тянули беду вы — по брюхо в снегу —
все дальше и дальше от отчего дома.

— Живее, лядащие, гром вас сразу! —
кричал, распаяясь, солдат-непоседа.
До самых ступиц утопала в грязи
на долгих шляхах колесница Победы.
События былого по дням перебрав,
я слышу скрипящие ночью обозы,
сердитые крики из мглы переправ,
и клеток зениток, и гул бомбовозов.
Качается реваный понтон на волне.

Ракета погасла
    в последнем дрожанье.
И, словно проклятье,
    звучит в тишине
армейских коней безотзывное ржанье.
И только средь гиблой и злой тишины
доносятся снова колесные скрипы
да ваши тревожные, тяжкие хрипы,
мосластые кони великой войны.

СТЕПНАЯ КОЛЕЯ

Снеговая, степная, бескрайняя ширь.
Только нить колеи.
Только дуб на пригорке...
Вот глядит с покачнувшейся
    ветки снегирь.
А глаза у него терпеливы и зорки.
Только синяя стынь.
Только небо над ней.
Только мертвый репейник
    поземка полощет.
Только стонут полозья
    калмыцких саней,
да раскатисто фыркает
    старая лошадь.
Только жалит мороз
    сквозь сукно епанчи.

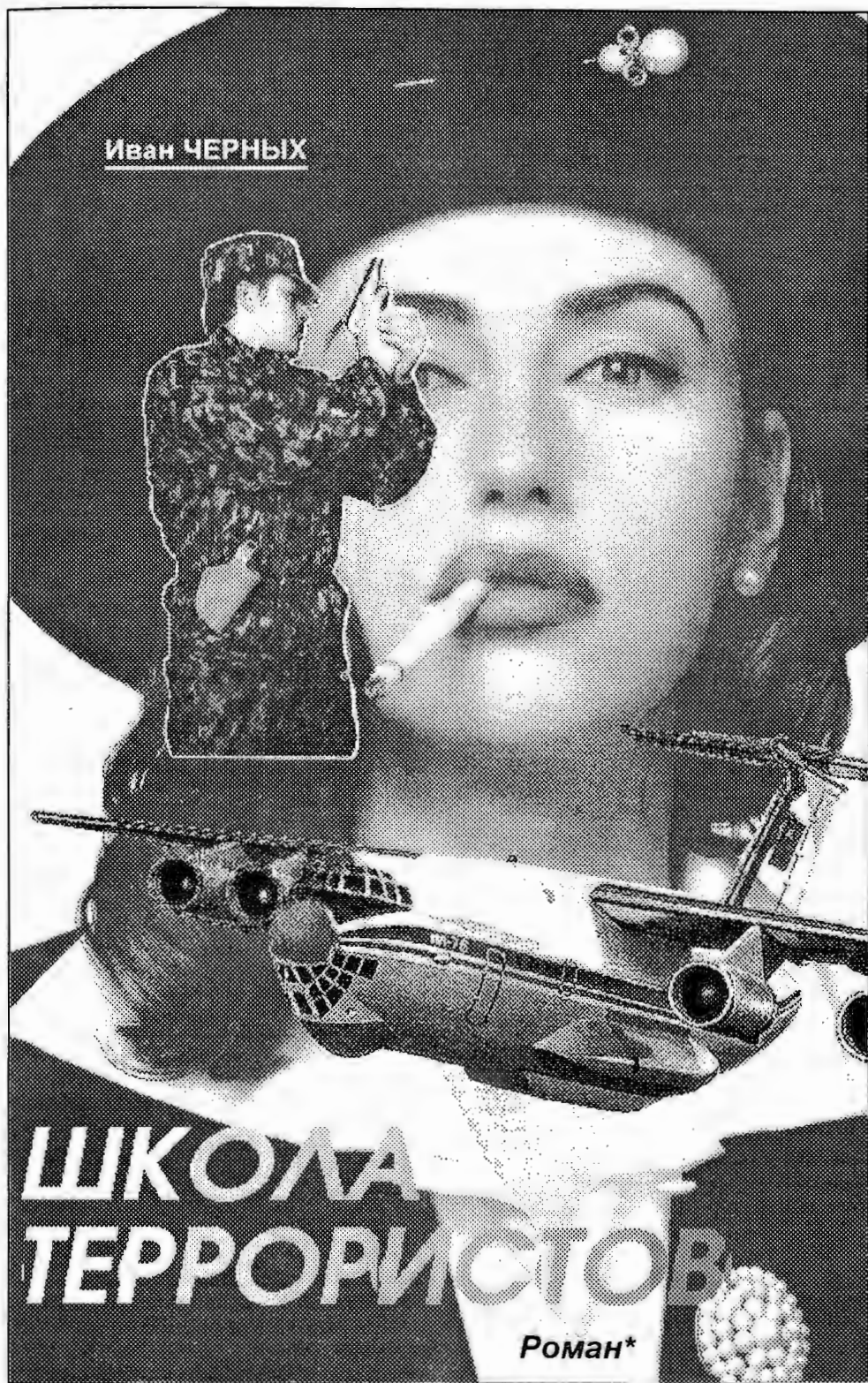
Только ноги и руки тепла запросили.
Накричался в столицу,
    теперь помолчи.
Постигай вековечную думу России.
Постигай этот мудрый
    язык немоты,
где развилку отметила
    скифская вежа,
где загадочный идол
    глядит с высоты
насыпного кургана четвертого века.
Нашу русскую боль
    не излечит Восток,
и на Запад не стоит
    бежать за советом.
Здесь, на этой земле,
    наш исход и исток.
Надо помнить об этом.
    Надо помнить об этом...

Здесь, где снегом присыпало
    скудный подзол,
где окутаны дали тревожною тайной,
разрешение всех наших
    бедствий и зол,
исполнение всех наших
    русских мечтаний.

РУССКИЙ ДИАЛОГ

— И что ты открыл
    в размышленьях всечасных,
что понял
    в мелькающих днях торопливых?
— В счастливой стране
    не бывает несчастных,
в несчастной стране
    не бывает счастливых.
— И в чем бы признался
    себе самому ты,
прочтя хитроумный
    прогноз "русоведа"?
— Живем на Руси мы
    от смуты до смуты,
стареть не спешат
    наши русские беды.
— Чего ж не хватает,
    чтоб выбраться вместе
нам, всем россиянам,
    из этой трясины?
— Верхам не хватает
    достоинства чести.
Низам не хватает
    достоинства силы.

Иван ЧЕРНЫХ

ШКОЛА ТЕРРОРИСТОВ

Роман*

* Журнальный вариант

1

Мне было десять лет, когда в одной книге я прочитал: "Воля, как и мускулы, требует постоянной тренировки. Чтобы выковать железный характер, нужно научиться управлять собой, подчинять желания разуму..."

В детские годы все воспринимается особенно остро, и память, как губка, впитывает все показавшееся необычным. Прочитанное запомнилось мне, наверное, на всю жизнь. Я стал вырабатывать железный характер: ежедневно занимался гимнастикой, записался в секции борьбы и бокса, налег на учебу.

Не скажу, что я был баловнем судьбы, хотя детство мое протекало безмятежно, в полном достатке. Единственный сын у обеспеченных родителей, я не знал ни в чем отказа, но мое настойчивое желание стать таким суперменом заводило меня временами в такие дебри, где запросто можно было сломать себе шею. И все-таки судьба щадила меня, она будто играла со мной, бросая из огня да в полымя.

Школу я закончил с золотой медалью, но, когда ехал поступать в летное училище — мечта моего детства, в стычке с поездными ворами, пытавшимися ограбить соседа по купе, попал под нож и чуть не распрощался со своей мечтой. Позже, когда стал летчиком и посчитал, что схватил Бога за бороду, началось сокращение нашей доблестной армии, я оказался за бортом, и лишь волею случая — написал критическую статью о пагубных последствиях скоротечного разоружения — был замечен в редакции и переквалифицировался в военные журналисты.

Вот так играла со мной судьба, заставляя все время быть начеку, готовым к любым ударам, не восторгаться успехами и не опускать рук при неудачах...

В апреле 91-го умерла моя мать, и я

остался один как перст в двухкомнатной квартире на Чистых прудах. Мои отношения с невестой окончательно разладились. Пока болела мама и Дина помогала ухаживать за ней, некогда было анализировать то, что произошло между нами. А потом как-то все оборвалось само собой.

Думая о ней, я неторопливо шел в то утро в редакцию. Мне вдруг захотелось увидеть Дину. Наверное, действовала весна. Утро было поистине майское: светило солнце, синь неба и оливковая зелень распускающихся тополиных почек радовали глаз. А на газонах уже горели золотом одуванчики, над которыми жужжали шустрые пчелки и лохматые неторопливые шмели. В такой день только бы бродить по улицам или сидеть в скверике с любимой, читать стихи и мечтать, а не протирать штаны в редакторском кресле над правой авторских статей и четкой газетных гранок. Но жизнь, к сожалению, диктует нам свои законы.

В редакции меня уже ждали. Начальник отдела сообщил, что звонил главный и просил, как только появлюсь, зайти к нему.

Генерал просматривал утреннюю почту, взглядом указал на стул и, отметив что-то на последней странице "Известий" карандашом, отложил газету.

— Здравствуй. Я вот зачем тебя позвал: интересное, на мой взгляд, письмецо нам прислали. — Он улыбнулся и протянул мне лист, исписанный мелким неровным почерком.

"Уважаемая редакция! Наш полк выполняет правительственное задание, доставляет из капстран гуманитарную помощь: продовольствие, медикаменты, промтовары. Перепадает кое-что и членам экипажей — в порядке поощрения, купли-продажи: туда везем часы, водку, кофе, золотишко, а оттуда дешевое барахлишко, которое перепродаем здесь втридорога. Наше доблестное офицерство вместе со

Иван Васильевич ЧЕРНЫХ родился в 1927 году в Воронежской области. После школы поступил в Балашовское военно-авиационное училище летчиков дальней авиации. Одиннадцать лет летал. Полковник в отставке. Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей. Автор целого ряда романов и повестей, среди которых "Правый пеленг", "На острове нелетная погода", "Мгновенья вечный след", "Злой ветер афганец". По его повести "Тревожные высоты" снят художественный фильм "Гарантирую жизнь". Ныне Иван Васильевич редактор библиотечки современного детектива, выходящей в приложении к журналу "Милиция".

своими боевыми подругами погрязло в спекуляции. Все свободное время тратится не на повышение знаний, мастерства, а на вояжи по толкучкам. Люди потеряли всякий стыд и совесть. Но это еще полбеды. Главная же беда в том, что наш командир подполковник Вайкулевич при подборе "международных" экипажей руководствуется не программой их обучения, а личной выгодой: в загранку посылает тех, кто дает взятки. Берет, не стесняясь, и валютой, и шмотками. Идет разращение личного состава, дисциплина падает. Кое-кто из коммунистов пытался поднять этот вопрос на партийном собрании, обращался к командованию округа, но те заодно с Вайкулевичем — им тоже перепадает. С недовольными и негодными наш Держиморда безжалостно расправляется.

Дорогая редакция! Приезжайте, разберитесь, помогите! Неужто и вправду советская власть кончается, а вместо нее приходит так называемая демократия, где все дозволено, все моральные принципы считаются отжившими? Свиридов."

Достоверность письма не вызвала у меня сомнения — такое не придумаешь, и каждый уважающий себя журналист взялся бы за раскрутку этого дела. Правда, нельзя было не обратить внимания на две вещи: уж больно корявым почерком написано письмо — одна буква завалена влево, другая вправо — явно, чтобы сбить со следа. И ни инициалов, ни звания автора.

— Серьезное письмо, — сказал я генералу. — Хотя, скорее всего, анонимное.

— Иного и ожидать не следовало: попробуй повоюй с таким Держимордой. Да еще во время сокращения армии. Правда, не исключен и такой вариант: кто-то, обиженный командиром, хочет таким макаром свести с ним счеты. Но, думается, это маловероятно: уж очень трогательно написано. В общем, поезжай и разберись.

— Когда прикажете уехать?

— Если в отделе срочных дел нет, хоть завтра. — Генерал взглянул на конверт, прочитал адрес: Молдавия, Варкулешты.

— Я бывал там.

— Вот и хорошо.

2

На другой день я вылетел в Молдавию. В гарнизон Варкулешты, небольшой, из трех десятков домов поселок, на краю которого у самого аэродрома возвышались четыре трехэтажки авиаторов, я добрался лишь вечером, но еще застал в штабе и

командира, и замполита, очень разных по внешности и по характеру людей: подполковник Вайкулевич — высокий, подтянутый и энергичный, в каждом его движении чувствовалась властность, уверенность в себе; замполит майор Епишкин — приземистый крепыш, неторопливый, с мягкими чертами лица и добрыми глазами. И встретили они меня по-разному.

— Корреспондент? — удивленно вскинул рыжие брови подполковник. — Только журналистов нам и не хватало. — Недобро усмехнувшись, повернулся к замполиту: — Это по твоей части. Размести, проинформируй, обеспечь, — и пошел к выходу.

Бестактность командира только подтверждала справедливость письма. Во всяком случае, ту его часть, которая касалась характера подполковника. У меня чуть не сорвалось с языка: "У вас, видимо, есть основания избегать нашего брата?" Но я сдержался.

— Спешит командир, — стал оправдывать Вайкулевича замполит. — В горсовет еще хочет заглянуть, сессия там идет, а он у нас — депутат, — и, уже переменив тон, заинтересовался: — Надолго к нам и, если не секрет, по какому вопросу?

Открыть свои карты — значит заранее проиграть: кому охота попасть на страницы центральной газеты в неприглядном свете, потому я ответил уклончиво:

— Редакцию и наших читателей интересует работа ваших экипажей по доставке гуманитарной помощи. Говорят, вы чуть ли не все нуждающиеся регионы продовольствием завалили.

— Слухи явно преувеличены, — улыбнулся майор. — Как это у Шекспира: "Много шума из ничего"? Будет вам! Разве это сейчас волнует нашу страну и армию?

— А что? — обрадованно ухватился я за оброненный конец ниточки, который, как мне казалось, мог повести в нужном направлении.

— Что? — переспросил майор, и улыбка в его глазах сменилась грустной усмешкой. — Вот выйдете за забор в своей капитанской форме и все увидите своими глазами.

— Националисты и вас донимают?

— Еще как! В открытую требуют, чтобы мы убирались отсюда. И солдат, которые у нас служат, против нас же настраивают. Неделю назад рядовой Донич дезертировал. С оружием. Пять дней его искали. Нашли. У мамы чуть ли не под юбкой прятался. Вернуть хотели, да не тут-то было. Прокурор санкцию не дает. Говорит,

плохо занимались воспитательной работой, и не стоит-де национальные отношения обострять.

— А оружие зачем прихватил?

— Вот в том-то и заковыка. Наверное, скоро и самолеты будут прихватывать.

— Нерадостная перспектива. Что ж, постараюсь и эту проблему осветить...

3

Поселили меня в кэчевской гостинице, в небольшой обшарпанной комнате с двумя кроватями и солдатскими тумбочками, забитыми детскими игрушками: в номере проживал офицер с семьей, прибывший более года назад и еще не получивший квартиру. Теперь он укатил в отпуск, и его "хоромы" предоставили в мое распоряжение.

— А если что пропадет? — шутя спросил я у сопровождавшей меня дежурной, полногрудой украинки лет сорока, строившей глазки.

— Чому тут пропадать? — не поняла женщина шутки. — Оцим цяцкам? — кивнула она на тумбочки. — Хиба ж вы в Москву их повезете? Постель? — Она ловко, в мгновение ока схватила с одной кровати матрас и положила на вторую. — Я принесу вам новый — все як в гостиницах высшего разряду. — Она проплыла рядом, чуть не задев меня гордо выставленным бюстом. Принесла новый матрас и белоснежное хрустящее белье. Пояснила: — Такэ тилько высокому начальству сподобляем.

— И часто оно вас навещает?

— И не кажить! То собранья, то совещанья. И усе у нас, наче их тучоки медом кормлять. Та оно и понятно: краще наших Варкулешт нема гарнизона. Лиман який рядом! Там и рыбку удять, и ущицу варять. Чего ж не приезжать?! — Она взбила подушки, застелила кровать. — Бачите, як гарно получилось. Спочивайте, мабуть, втомились с дороги.

Я поблагодарил ее и стал переодеваться. Чувствовал себя действительно уставшим — отвык рано вставать, и голова была тяжелой. Умылся холодной водой и юркнул под простыню. Однако сон еще долго не шел, мысли кружились вокруг неприятного впечатления от встречи с командиром полка. Чует кошка, чье мясо съела!

Я стал обдумывать план действий. Прежде всего надо попытаться найти Свиридова, автора письма. Возможно, он сам, узнав о приезде в гарнизон корреспондента,

сообразит что к чему и придет ко мне. А с Вайкулевичем, судя по всему, надо уху держать остро.

Утром ко мне в номер зашел замполит.

— Как отдохнули? — поинтересовался он весело.

— Как в раю, — поддержал я его бодренький тон. — У вас тут воздух на ароматных травах настоян. Так что спал сном праведника.

— Воздух у нас действительно чудесный. И климат тоже — двести девяносто дней в году солнечные... Одевайтесь, идемте завтракать.

— Да вы не беспокойтесь, подскажите только, где военторговская столовая. Надеюсь, она пока существует?

— Вот именно — пока, — вздохнул майор. — Но харч там — на любовь не потянет: мамалыга, кефир, бутерброды... Командир распорядился поставить вас на летное довольствие. Расплатитесь потом.

— Спасибо. Правда, я не из гурманов и на мамалыге не пропал бы, — поскромничал я, удивленный такой заботливостью Вайкулевича, для которого, как мне казалось, главное — побыстрее выдворить меня из гарнизона.

— Не стоит благодарности, — заметил Епишкин. — Журналисты из центра не балуют нас вниманием, хотя полк третий год держит первенство в округе. У вас на сегодня есть план: с кем-то встретиться, побеседовать?

Ага, вот она, разведка боем! Что ж, подброшу ему с командиром задачу с тремя неизвестными, пусть решают. Летным пайком меня не купишь.

— Да, и план есть, и встречаться с людьми придется. Для начала подскажите мне лучший экипаж, о котором стоило бы рассказать в газете.

Епишкин подумал.

— У нас почти все командиры и штурманы имеют первый класс. Вот Золотухина, Касаткина, Селиверстова к празднику Победы орденами наградили. Но надо с Вайкулевичем обговорить...

Я еще раз убедился, что без согласования с командиром замполит не решится сделать и полшага. И не потому что безынициативен — просто такие волевые, самоуверенные натуры, как Вайкулевич, этого не потерпят.

В столовой был идеальный порядок: белоснежные скатерти, салфетки, бланки заказа питания на последующие дни, какие существуют только в санаториях. Правда, ассортимент и качество блюд далеко не соответствовали рекламе: тонкие

ломтики селедки с луком и картошкой на закуску, овощной суп с редкими блестками то ли жира, то ли постного масла, перловая каша с котлетой, которая мясом и не пахла... Да, это вам не харч времен застоя, который я еще застал, будучи летчиком.

— Плохо стало со снабжением, — пояснил Епишкин, видя, как я ковыряюсь вилок в тарелке. — Местные власти почти во всем нам отказывают, вот и приходится начпроду крутиться как белке в колесе.

— Вы же продовольствие из-за кордона возите, — повернул я разговор в нужное мне русло. — Неужели ничего нельзя себе оставить?

— Да вы что?! — Епишкин посмотрел на меня, как на ребенка. — Это же гуманитарная помощь населению. Узнают, нас самих съедят с теми же консервами.

— Да-а, — посочувствовал я. — Но за свои-то деньги вы можете купить что-нибудь у капиталистов?

— За какие? — усмехнулся замполит. — За наши деревянные?... А на командировочные марки только детишкам конфеты и купишь. Правда, кое-кто все же ухитряется скопить на барахлишко. Да разве в этом дело? — Он помолчал, раздумывая, видимо, стоит ли со мной откровенничать. — Дружба с Западом, конечно, дело хорошее. И помощь, когда она идет от чистого сердца. Но знаете, как стыдно бывает, когда видишь насмешливые взгляды, в которых нетрудно прочитать: "Ну что, победители, построили коммунизм? С сумой по миру пошли?"

Скажите, куда все свое-то, отечественное подевалось? Помню, пацаном был, иностранцы к нам в Ленинград приезжали. "У вас все дешево! У вас все вкусно! Все качественно и надежно", — только и твердили. В столовых хлеб бесплатно давали. А теперь?

Острая, волнующая не только майора тема... Сколько об этом мы говорили и спорили в редакции?! Но даже экономисты с мировыми именами не могут вразумительно объяснить, почему наша экономика так стремительно покатила вниз.

— Даже если мы с вами разберемся, что и почему, мяса в этих котлетах не прибавится, — шуточной отозвался я.

4

Два дня я вживался в коллектив, неуклонно соблюдая режим летчиков: ходил с ними на занятия, на тренажер, на аэродром, пристально присматриваясь к каж-

дому, стараясь вычислить автора письма, — сам-то он пока так и не объявился. Из двух Свиридовых в полку ни один в беседе со мной и не намекнул на свою причастность к написанному. Кое-что удалось уточнить: за границу действительно летают одни и те же экипажи. А вот за подачки или какие другие заслуги? Это предстояло выяснить.

Я познакомился и близко сошелся со вторым пилотом экипажа майора Золотухина старшим лейтенантом Андреем Болтуновым, симпатичным голубоглазым и русочубым парнем, добрым и доверчивым. На другой день я уже знал, что он встречается с молдаванкой Альбиной из Кишинева, влюблен в нее, как Ромео в Джульетту, и собирается жениться.

Вечером мы сидели в моем номере, потягивая холодное пиво, и болтали, кружа вокруг тех вопросов, на которые я искал ответы. Андрей рассказывал о полетах за кордон, сетовал, что никак не может купить Альбине свадебный подарок: в Кишиневе ничего достойного нет, а в Вюнсдорфе — марок не хватает.

— А на обмен туда ничего нельзя прихватить? — строя из себя простачка, спросил я.

— Можно, — скривился Андрей как от зубной боли. — Бортовой техник, или нашему бортач, чуть ли не весь "палех" скупил в окрестных магазинах, перетащил туда в обмен на шмотки. Но это не по мне — искать, торговать... Да и командир у нас — мужик крутой, не жалует таких бизнесменов. Хотел тут один хмырь болотный разбогатеть, так он быстро спустил его с предпринимательских высот на землю. Теперь около самолетов ходит — дежурным то по аэродрому, то по части.

Ценная информация. Не тот ли предприниматель настроил письмо, чтобы отплатить командиру за причиненный ущерб? Но спросить фамилию "хмыря болотного" я воздержался: не слишком ли откровенен со мной Болтунов? А вдруг и его втянули в игру, чтобы выяснить цель моего приезда? Нет уж, извините, узнать фамилию отстраненного от полетов летчика мне и без Болтунова особого труда не составит...

Наш разговор прервал приход дежурной: она сообщила, что Андрея просят к телефону. Мы пожали друг другу руки и пожелали спокойной ночи.

Полковой солдатский клуб — узкий и длинный зал с низким потолком и потрескавшимися стенами, увешанными плакатами, стендами, с земляным полом, исты-

канным ножками скамеек и стульев — больше походил на овощехранилище: из-за маленьких окошек помещение плохо проветривалось, и воздух здесь стоял затхлый, перемешанный с табачным дымом и еще какими-то неприятными запахами. Летчики привыкли к "душегубке", как шуточно прозвали клуб, неторопливо рассаживались поэкипно в ожидании начальства.

— По нашему командиру можно часы проверять, — шепнул мне Болтунов, глянув на свои командирские со светящимся циферблатом. Было без трех минут девять.

На сцену, где висела карта с проложенным густой черной линией маршрутом полета, поднялся начальник штаба полка подполковник лет сорока — энергичным взглядом окинул зал, спросил непонятно у кого:

— Все собрались?

— Все! — нестройным хором ответили летчики.

— Товарищи офицеры! — рявкнул начальник штаба, когда в дверях появился Вайкулевич, и четко отрапортовал о том, что летный состав полка собран на постановку задачи.

— Что я говорил, — толкнул меня в бок Алексей, показывая на часы, когда мы сели.

Вайкулевич, придирчиво осмотрев карту, повернулся к летчикам. Его взгляд задержался на Болтунове, и лицо нахмурилось.

— Товарищ старший лейтенант, — произнес он, качнулся с носков на пятки, словно чего-то выжидая. И вдруг загремел: — Может, соизволите поднять свой тяжелый зад, когда командир к вам обращается?

Болтунов подскочил как ужаленный.

— Виноват, товарищ подполковник.

— Может, и прощения попросишь — смотрите, какой я паинька?! Или достоинство не позволяет? А считать нас, командиров, дураками достоинство позволяет? — Подполковник вдохнул воздуха и продолжил: — Во сколько в гарнизон вернулся?

— В... в семь двадцать, — запинаясь, ответил Болтунов.

— А во сколько уехал?

— Около десяти вечера.

— Кто отпускал?

— Видите ли...

— Вам ясен вопрос? — перешел на "вы" подполковник.

Болтунов опустил голову.

— Было поздно...

— Начальник штаба, — повернулся подполковник к сидевшему рядом. — С завтрашнего дня с летного довольствия снять и через день на ремень, — ткнул он пальцем в сторону старшего лейтенанта. — В караул, дежурным по аэродрому... А вам, товарищ Золотухин, на первый раз выговор, чтоб лучше воспитывали своих подчиненных, проявляли требовательность. Подумайте, кем заменить этого Дон-Жуана.

Вайкулевич сделал паузу и уже спокойно завершил:

— На Вюнсдорф, как и в прошлый раз, пойдут семь экипажей. Три работают в районе аэродрома, остальные, — по плану командиров эскадрилий. Розыгрыш полета — в пятнадцать ноль-ноль. Свободны.

— Доложил, сволочь, — непонятно кого ругнул Болтунов, когда мы вышли на улицу.

— А что случилось? — спросил я, впрочем, уже догадываясь, где был Андрей.

— Знаешь, кто вчера вызывал меня к телефону?

— Альбина?

Андрей кивнул.

— Она у проходной меня ждала. На своей машине из Кишинева прикатила. Соскучилась. Посидели, поговорили. А потом ей плохо стало, рвота открылась. Я хотел за врачом сбегать, она не отпустила. Говорит, все нормально. Ребенок у нас будет... Вот такие пироги. Спросила, что делать будем, а я от радости чуть не во все горло: "Свадьбу гулять!" Смеюсь, а ей не до смеха. Попросила домой ее отвезти. Я к дежурному, чтоб командиру позвонить. А тот: "Зачем беспокоить? К двенадцати вернешься, и конец делу". Я и махнул в город. Пока чайку попили, полубезначали, глядь — двенадцатый час. Автобусы уже не ходят, у таксистов пересменка, да и не очень-то охотно они нынче за город по ночам ездят. Пришлось оставаться до первого автобуса.

За нами шел майор Золотухин и весь разговор он, конечно, слышал. Но молчал, как и в клубе, когда Вайкулевич отчитывал его второго пилота. И мне такая позиция очень не понравилась: в порядочных экипажах так не поступают, там — один за всех и все за одного. И я посочувствовал Андрею:

— За тебя никто даже не пикнул. У нас в полку было не так...

Золотухин и на этот раз промолчал, но когда мы остановились около штаба эс-

кадрильи, подошел и сказал Болтунову не без ехидцы:

— Вот что, сынок, в другой раз о своих подвигах хоть предупреждай.

— Да не успел я. Пока помылся, побрился... И в столовой вас не застал. Да и не думал я...

— А думать надо, — дополнил майор. — Всегда. Теперь ты вот из нарядов не будешь вылезать, а нам какого-нибудь эквилибриста подсунут.

— Разве поздно все поправить, объяснить ситуацию? — вмешался я.

— Объяснить? — усмехнулся майор. — Вы слышали, как он разговаривает с нами?

— Но вы же терпите, — возразил я. — А мы вот одного такого в своем полку вразумили. Ситуация была похожая, — и я рассказал занятный случай из своей летной жизни.

Однажды я опоздал на летно-тактические учения и столкнулся на аэродроме с командиром полка. Он у нас наподобие вашего Вайкулевича, общался с людьми на двух языках — командирском и матерном. Вот и на этот раз, только увидел и как заревел:

"Ты почему, мать твою... болтаешься здесь, когда должен быть..." А я возьми да и скажи, мол, роды пришлось принимать. Парень родился. Значит, летчиком будет. А поскольку я вас первого встретил, разрешите вашим именем и назвать?

Ребята наши аж дыхание затаили: ну, как дознается командир, что у меня и жены-то никакой нет. Однако молчат, а у этого всю суровость как ветром сдуло. "Роды, — говорит, — дело серьезное. Поздравляю! — Пожал руку, обнял. — Ну а коль примета такая есть... Что ж, называя моим именем, я не возражаю!"

В кабине командир экипажа меня, понятно, за грудки: "Ты когда это успел жениться и сына родить?" — А кто сказал, что моя жена родила? — отвечаю ему. — Я говорил, что роды принимал. Хозяйка квартиры родила..."

В общем, полк с неделю гоготал. Гнев моих начальников прошел быстро: я покался, меня простили. Но отношения стали другими — человеческими.

Золотухин ничего не сказал, но на розыгрыш полета привел и Болтунова.

— А ты почему здесь? — гневно и одновременно удивленно вскинул рыжие брови Вайкулевич.

— Это я приказал ему прибыть. — Золотухин выступил вперед, заслоняя собою старшего лейтенанта. — Мы, товарищ

подполковник, не разобрались в чем дело. А человек, можно сказать, подвиг совершил.

— Это какой еще подвиг?

— Он девушку спас, дочку президента.

— Кого? — Глаза Вайкулевича, казалось, стали квадратными.

— Разрешите? — пришел Андрей на помощь командиру экипажа. — Моя невеста действительно дочь президента... — Он сделал затяжную паузу, окончательно повергая в смятение командира полка, — правда, спортивной ассоциации.

Зал хохотнул, улыбнулся и Вайкулевич.

— Ничего смешного, — сделал обиженное лицо Болтунов. — У нас ребенок будет.

Все снова прыснули, а Андрей, выждав, когда немного стихнет, громко заключил:

— На День авиации назначена свадьба. Приглашаю всех!

— Ура! — загудели летчики. — Молодец, Андрюха! Все придем!

— Тихо, тихо! — примирительно поднял руку Вайкулевич. — Коль такое дело, и в невестах дочь президента... — Он тоже сделал паузу, — отменяю свой приказ! Но это в первый и последний раз, так и запомните.

Когда выходили из клуба, Болтунов поймал мою руку:

— Спасибо! Помогла твоя байка.

5

Рано утром экипажи улетали в Вюндорф, а я продолжил журналистское расследование. В полку, наверное, не осталось ни одного человека, который не знал бы, что приехал корреспондент из Москвы. Но никто меня не разыскивал, никто и намека не подавал о том, что командир — взяточник, а экипажи, летающие за границу, занимаются спекуляцией. Все, с кем я беседовал, говорили одно и то же: да, командир грубоват, жестковат, но справедлив. Почему за границу летают одни и те же экипажи, тоже понятно: туда кого попало не пошлешь, нужны люди, чтобы и в летном деле не осрамились, и моральное достоинство не уронили.

Все верно, любой умный командир поступил бы так. Вот и выходило, что письмо послал кто-то из обиженных. Но кто?

Дежурным по аэродрому в тот день был как раз старший лейтенант Скородумов, тот самый отстраненный от полетов "хмырь болотный", решивший руки погреть на спекуляции. Я разыскал его на командно-диспетчерском пункте, и мы по-

знакомились. Поговорили вначале о Молдавии, здешней природе, о квартирных проблемах, но когда коснулись балашовского училища, которое, как выяснилось, окончили оба, почувствовали себя давними знакомыми. Повспоминали инструкторов, командиров, балашовских девчат, или ставших женами летчиков, или оставленных в вечных невестах. Но лишь стоило мне заговорить о полетах в загранку, лицо Скородумова заметно погрузнело.

— Как же так случилось, что тебя отстранили?

— Жадность фраера сгубила, — с ухмылкой ответил он.

— И чистосердечное признание не смягчило душу командира?

— Армия — не детсад. Тут я с командиром согласен и зла на него не держу. Что заслужил, то и получил.

На лице Скородумова я не заметил ни тени обиды или фальши. Но все-таки предпринял последнюю попытку расколоть его:

— А я бы не смирился. Все, кто за кордон летает, не на шоколадки тратят марки. Так почему же наказывают одного? Может быть, для кого-то более угодливого потребовалось местечко? — Я сделал паузу, ожидая возражения, но Скородумов молчал, понуро глядя себе под ноги. Я усилил нажим: — Мне вообще непонятно поведение ваших летчиков: им хамят, а они посапывают в две дырочки... Запугали вас, что ли?

Скородумов поднял голову.

— А мы привыкли, — и с виноватой улыбкой добавил: — Нормальный командирский язык...

Нет, написал в редакцию не он. Я еще пару часов послонялся по аэродрому, поговорил с солдатами, офицерами и, толком так ничего и не прояснив, побрел в гостиницу.

Настроение мое резко шло на убыль: вместо интересного материала, похоже, в редакцию привезу пустышку. Писать о том, как экипажи возят гуманитарную помощь, "спасающую" наш народ от голода и возможных эпидемий, душа не лежала. Приняв решение завтра же возвращаться в Москву, если не удастся раздобыть ничего нового, я отправился после обеда встречать экипажи. Поглядим, что привезли они для "народа", а что для себя лично.

Первым произвел посадку самолет Золотухина. Я направился к нему вместе с таможенниками — капитаном и тремя солдатами-пограничниками. Едва заглохли двигатели и открылся грузовой люк, как

сюда же подъехала автомашина: авиаспециалисты во главе с бортовым техником начали выгружать из чрева корабля картонные коробки с красивыми этикетками. Двое солдат-пограничников полезли в самолет, третий вместе с капитаном следил за разгрузкой и экипажем.

Вот по трапу спустился Болтунов с небольшим чемоданчиком, какие принято брать с собой по тревоге. Заметив меня, помахал рукой. Я подошел к нему:

— С возвращением! Чем порадуете народ на этот раз?

— Все то же самое: макароны, печенье, медикаменты и... — Он многозначительно поднял указательный палец, — конечно же, жевательные резинки, без которых советские люди давно бы отдали Богу душу. Вот так и живем: туда — драгметаллы, алюминий, молибден, а отсюда — презервативы, чтоб русские не особенно размножались. Хочешь подарку? С усиками...

— Спасибо, не пользуюсь.

— Тогда возьми вот это. — Андрей достал из внутреннего кармана паркерскую авторучку. — Чтоб хорошую статью о нас написал.

— А не боишься, что таможня это не одобрит? — кивнул я на капитана-пограничника, не спускавшего с нас глаз.

— Боюсь! Боюсь, вместе с гуманитарной помощью мы везем из Германии их скопидомство и скоро, как они, будем в гости ходить со своей закуской.

Я взял авторучку и стал рассматривать ее. Ярко-зеленая, будто из малахитового камня, с золотистым наконечником и колпачком, она так и лучилась в руках. Прямо музейный экспонат.

— Такой ручкой только фельетоны писать, — пошутил я.

— Пиши фельетоны, — согласился Андрей. — А лучше — напиши роман о нас с Альбиной, о любви. Кстати, я завтра еду к ее родителям делать официальное предложение. Приглашаю тебя своим сватом.

Ответить я не успел: к самолету на черной "Волге" подъехал Вайкулевич. Золотухин, выскочив из кабины, подал экипажу команду строиться:

6

Воскресное утро выдалось как по заказу. От роли свата я отказываться не стал, даже рад был такому повороту событий: вместо несостоявшейся статьи о мздоимцах напишу очерк об экипаже Золотухина...

Ехали с ветерком. Андрей сиял. Он счас-

тлив, и мне знакомо это чувство. Вдали показалась столица Молдавии — красивый, чистый город с еще неотцветшей акацией, спокойный, малолюдный, не то что Москва.

Я впервые попал на молдавский рынок — прямо-таки цыганский табор: смуглолицые женщины в цветастых платках и юбках, черноусые мужчины в сапогах и косоворотках... Чем только там не торговали: японскими транзисторами, итальянской кожей, финскими костюмами, всевозможной обувью от модных туфель до самодельных — из сыромятной кожи — постолов. А от цветочных рядов просто рябило в глазах. Андрей выбрал букет роз, я — тюльпанов, и мы пошагали улицей Котовского к Ленинскому проспекту, где за черепичными крышами виднелись величественные многоэтажки. Но чем ближе подходили мы к заветному дому, тем, заметил я, убавлялось веселости на лице Андрея, он приумолк, стал озабоченным.

— Не передумал ли? — спросил я в шутку. — Женитьба, как утверждал один чеховский герой, дело серьезное.

— Не передумал! — самым решительным тоном оборвал он меня и после небольшой паузы пояснил: — Отец у нее какой-то непонятный. Не знаю, даст ли добро.

— Встретаться-то он не запрещал?

— Вроде бы нет. Но мы больше проводили время у ее подруги. А теперь, ты же понимаешь, тянуть со свадьбой дальше нельзя. Мачеха узнает — живьем съест, не очень-то они ладят.

— Тогда можешь быть спокоен: чтобы побыстрее сбавить падчерицу, она уговорит кого угодно!

Так незаметно мы подошли к подъезду дома из красного кирпича. Массивная стеклянная дверь была заперта. Андрей знал код, и мы вошли в холл, где за столом с телефоном сидел молодой мужчина спортивного телосложения. Он окинул нас пристальным взглядом и спросил на сносном русском языке:

— К кому пожаловали, пане офицеры?

— К Ионе Георгиевичу, — ответил Андрей.

— Он вас ждет? — Вахтер было уже поднял трубку, но Болтунов его остановил.

— Можете не докладывать.

— Ничего себе порядочек, — заметил я, когда за нами захлопнулись двери лифта, — похлеще, чем в армии.

— А ты как думал? Городские шишки проживают...

Мы поднялись на третий этаж. На звонок вышла сама Альбина. По описанию Андрея я такой и представлял ее: смуглолицая, с густыми черными как смоль волосами, падающими на загорелые плечи и оттеняющими красивую длинную шею; стройная, как южный тополек, с тонкой, прямо-таки в обхват пальцами талией. Честно говоря, ее лицо не вызвало у меня такого восторга, как фигура, оно, несомненно, было симпатичным, но и только: брови тонкие, почти сросшиеся у переносицы, прямой нос, сочные, чувственные губы, а вот подбородок был явно тяжеловат. В нем виделось, что-то мужское, выдававшее сильную, волевою натуру. Это подтверждали и большие темно-карие глаза с огненными, будто лазерными, крапинками, которыми она обожгла меня, прежде чем улыбнуться жениху.

— Проходите ко мне в комнату, у папы гости.

Мы очутились в комнате, роскошно обставленной дорогой мебелью. Ноги тут же утонули в ковре, по такому пушистому я, пожалуй, еще не ходил.

— Это мой друг, Игорь, — представил меня Андрей.

— Альбина, — протянула она мне холерную ручку.

— Мне кажется, мы уже знакомы. Андрей так разрисовал мне вас, что наверняка я и на улице узнал бы.

Альбина с наигранной строгостью погрозила ему пальцем:

— Никогда не хвались, что изумруд твой самый-самый, — гласит восточная мудрость, — украдут!

Мы вручили ей цветы. Андрей извлек из дипломата привезенные из Германии туфельки и поставил к ее ногам:

— Примерь! Сам канцлер для любовницы заказывал, да я перехватил.

Альбина повертела в руках подарок, надела на загорелую точеную ножку, а поблагодарила так буднично, словно он каждый день делал ей такие подношения.

— Не очень... понравились? — Андрей виновато захлопал глазами.

— Да нет, они прехорошенькие. Только ты ставишь меня в неловкое положение перед своим другом.

— Почему?! — горячо запротестовал Андрей. — И это не просто друг. Я говорил тебе, что нагрюну со сватами, вот мы и приехали. Так что предупреди отца: как освободится, разговор с ним будем говорить.

Альбина кокетливо повела плечиками:

— Вообще-то, он очень занят... Но сей-

час я узнаю, надолго ли. — И ушла, чуть покачивая обтянутыми легким платьицем бедрами, — стройная, грациозная, как прима-балерина.

— Какова? — спросил Андрей, едва закрылась за ней дверь.

— Никогда не хвались изумрудами, друг мой! — перефразировал я услышанную поговорку, и мы оба засмеялись.

Я чуточку лукавил: что-то в этой школьной учительнице было такое, что настораживало меня. Может, уж очень равнодушно она приняла подарок? А, возможно, я и вообще с предубеждением отношусь к цыганам, а девица выглядела типичной цыганкой.

Альбина вернулась и безнадежно махнула рукой:

— Там надолго. Но я предупредила, что предстоит разговор и часам к пяти мы вернемся. А сейчас махнем на пляж. Вы на машине?

— Нет. Мы же свататься ехали, а сватовства без выпивки не бывает.

— Тогда поедем на моей.

Не прошло и получаса, как мы мчались в новеньких рубиновых "Жигулях" за город. Альбина вела машину уверенно, не сбавляя скорости обгоняла автобусы и троллейбусы, не реагируя на желтый свет светофоров. Я глянул на спидометр и чуть не присвистнул: 90, и это по городу-то!

— У нас за каждый километр превышения на червонец штрафуют, — пошутил я.

— Это в ваших-то Варкулештах? — только усмехнулась она. — Да там днем с огнем гаишника не сыщешь.

Я не стал объяснять, что имел в виду Москву: пусть считает, что мы с Андреем однополчане.

— У нас ВАИ, а не ГАИ, — пришел мне на помощь Андрей. — От нее штрафом не отделаешься. И ты зря так гонишь.

Альбина пропустила замечание жениха мимо ушей, и едва выехали за город, прибавила газу. Я не ошибся, определив по ее лицу сильную волевою натуре. Туго придется Андрею: такие жены под каблучком держат мужей, помывают ими...

Вода была обжигающе-холодная, и я, окунувшись с головой, выскочил на берег. А влюбленные словно и не замечали этого, плескались, хохотали... Мне вдруг стало грустно. Нет уж, завтра же побеседую с Золотухиным (о Болтунове у меня материала хоть отбавляй), соберу кой-какие сведения об остальных членах экипажа — и домой! Я и предположить не мог, что командировка моя только начинается.

— Где будем обедать? — спросил Андрей.

— Как всегда, в нашем "Лотосе", — ответила Альбина.

"Лотос" оказался небольшим, уютным кафе — чистеньким и почти пустым. На удивление быстро к нам подошла немолодая, раздобревшая на казенных харчах официантка, протянула меню и предупредила, что шашлыки и фирменные блюда только после семнадцати.

— Вам какое ассорти, мальчики, мясное или рыбное? — спросила Альбина, мельком заглянув в отпечатанный листок.

— Мясное, — сказал Андрей.

— И мне, — отозвался я.

— А мне рыбное, — повернулась Альбина к официантке. — Три кофе и бутылочку "Аиста". Или вы что-нибудь другое желаете? — На этот раз вопрос относился ко мне.

— Да нет, я как все.

Андрей перехватил мой недоуменный взгляд, пояснил с улыбкой:

— Мы с тобой тут гости, а Альбина — хозяйка. Без нее нас бы тут никто и обслуживать не стал, хоть зал пустой.

— Ну это вы обижайтесь на своих политиков, — возразила Альбина. — Это они все народы перессорили. И вообще, давайте не будем о политике, иначе я напьюсь.

Когда официантка принесла коньяк и закуску, я понял, что она и тут не шутила.

— Утверждает, что коньяк обостряет реакцию, — только и пожал плечами Андрей.

— Разве ты не убедился в этом? — Альбина с лукавой улыбкой посмотрела на него. — Мы попадали с тобой в аварии?

— Но рано или поздно это может кончиться печально.

— А еще летчик! Поэтому тебя, наверно, и в истребители не взяли. — Она повернулась ко мне: — И вы тоже меня осуждаете?

— Нет, — решил я подыграть Альбине, а заодно и попытаться еще раз "колонуть" Болтунова. — Риск — благородное дело. А если в основе его лежит любовь, то люди не задумываясь идут на подвиг или преступление. Первое Андрею еще предстоит, а второе он уже совершил.

Черные дуги девичьих бровей круто изогнулись:

— Это правда, Андрюша? Что же ты такое натворил?

Болтунов недоумевающе смотрел на меня, а я невозмутимо пояснял:

— Да вот из-за вас связался с контра-

бандой. Туфельки привезены без таможенного досмотра. А это грозит сроком от двух до пяти лет.

— Серьезно? — округлила глазки Альбина. — Милый, ты так рисковал, а я даже не поцеловала тебя. — И она прильнула к его губам. — Страшно было? Да? Расскажи...

— Ну ты же знаешь, парень я не из трусливых. Пока разгружали то, что мы привезли, да загружали гуманитарную помощь, смотался, как тебе уже говорил, прямо к канцлеру... А об остальном пусть он рассказывает, — кивнул Андрей в мою сторону.

— А чего тут добавить? Андрей рисковал, а его командир и борттехник без риска обошлись: преспокойненько купили такие же, может, правда, чуть попроще, прямо на аэродроме у своих коллег.

— Послушай, — на этот раз удивленно уставился на меня Андрей, — откуда ты все это знаешь?

— И не только это, — продолжал я свой розыгрыш. — Золотухин еще кое-что купил и для Вайкулевича. И поди подороже твоих туфелек.

— Ну уж и подороже, — отмахнулся Болтунов. — Да такую же ручку взял, что я тебе подарил... Слушай, и когда ты только успел это усечь? А, может, ты вовсе и не журналист?

Ответить я не успел: за соседним столиком с шумом разместилась четверка шаполаев, наряженная в адидасовские спортивные костюмы. Троицким было лет по семнадцать-восемнадцать, четвертому — около тридцати.

— Эй, господа оккупанты, допивайте и доедывайте и быстро убирайтесь из нашего кафе! — прогундосил парень с длинными давно невымытыми и нечесаными волосами.

У Альбины негодующе сверкнули глаза, и она что-то резко ответила по-молдавски. Парень огрызнулся, буркнул старшему, и все четверо громко захохотали.

— Подонки! — Альбина налила себе коньяку и выпила.

— Не обращайтесь внимания, — посоветовал я. — А вообще, надо рассчитаться и уходить. Сидеть рядом с этой шпаной — приятного мало.

— Ну нет! — Андрей стукнул по столу ладонью. — Пусть не думают, что мы испугались.

Официантка принесла кофе, а перед Альбиной поставила еще и бутылку шампанского.

— Мы не заказывали, — возразила она.

— Это вам от соседней, — холодно заметила официантка.

— В знак примирения, — подал голос все тот же волосатый юнец. — Иди к нам, зачем красивой молдавской девушке эти паршивый русский офицер? Ми скоро будем их мало-мало пинком под зад гнать.

Альбина встала, взяла бутылку с таким видом, что, казалось, вот сейчас разможжит ему голову. Тот вскочил, испуганно тараща глаза, но девушка спокойно поставила шампанское на стол, а обратилась на этот раз к старшему из парней. Что уж она там сказала, не знаю, но вся четверка отвалила первой. Впрочем, как я и предполагал, недалеко.

Они поджидали нас на улице, встав у стеклянной двери полукольцом, сосредоточенные, с налитыми злостью глазами.

— Послушайте, — теперь уже я обратился к старшему из них, — неужто никто из вас никогда не бывал в России?

— Зачем нам твоя сраная Россия? — выскочил снова волосатый.

— Помолчи, — остановил его старший. — Ну бывал я у вас, что из того?

— А то, что у нас так к гостям не относятся.

Однако он уже не слушал меня, его внимание переключилось на Альбину.

— Отойдем на минутку, — позвал он.

Андрей взял было за руку невесту, но та отстранилась:

— Не беспокойся.

Едва они отошли, как длинногривый, издав воинственный вопль, рванулся ко мне. Видимо, он где-то обучался каратэ: клич, стойка, выпад у него получились неплохо, но салажонок не знал, что со мной такие штучки не проходят. Я мгновенно среагировал: ногой отбил его ногу и, когда тот, не удержав равновесия, стал падать, рубанул ребром ладони по его шее.

Или я вложил слишком много в удар, или противник оказался хлипковат, но он плюхнулся, как мешок, и даже не пытался подняться.

Краем глаза увидел я, как покатила фуражка Андрея. Двое каратистов музугили его у стены, и я поспешил на выручку. Но едва выйдя из атаки, получил ощутимый удар в голову от того детины, который секунду назад отходил с Альбиной. Мы очутились лицом к лицу, и я заметил на его руке кастет. Трудно сказать, что было бы дальше. Однако Альбина неожиданно оказалась между нами и что-то гортанно выкрикнула. Из всей ее фразы я разобрал только слово "барон", но оно подействовало как заклинание. Этот, ворча, убрал кас-

тет, прекратили драку и его дружки. Альбина взяла нас с Андреем под руки и повела к машине.

7

Часа два мы "зализывали раны" у подруги Альбины, наконец поехали свататься. Дверь открыл сам хозяин — крупный, плечистый мужчина с приятным лицом, несколько отягощенным массивным подбородком, с могучими руками и короткой боксерской шеей. Он окинул нас пытливым взглядом, мне приветливо улыбнулся, а Андрея по-родственному потрепал по плечу. Альбина представила меня:

— Друг Андрея, корреспондент из Москвы и, между прочим, тоже в недавнем прошлом летчик.

— Присаживайтесь, — указал на кожаный диван Иона Георгиевич и задал, видимо, традиционный в таких случаях вопрос: — Как служба?

Андрей коротко рассказал о последнем полете в Вюнсдорф и хотел было сразу перейти к тому, ради чего мы приехали, но Иона Георгиевич повернулся ко мне:

— А какие новости в Москве?

Я ответил, что уже неделя, как оттуда, и все новости черпаю из газет и радио. В это время из соседней комнаты вышла жена Ионы Георгиевича и избавила меня от банальных ответов.

— Здравствуй, Андрюша, — прозвенел ее голосок.

Андрей по-гусарски выпрямился, поцеловал протянутую руку и кивнул на меня:

— Игорь — мой товарищ и сват. — И со смущенной улыбкой добавил, повернувшись к хозяйке дома: — Вы извините нас, если что не так, мы ваших обычаев не знаем, поэтому скажу без церемоний: я приехал, чтобы просить руки вашей дочери.

Иона Георгиевич не без удивления вскинул густые широкие брови, как и у Альбины, сросшиеся у переносицы, помолчал, а потом вдруг оживился:

— Тогда, милые женщины, накрывайте стол, а мы пока поговорим у меня в кабинете.

Мы вошли в просторную со вкусом обставленную комнату, расположились рядом с массивным двухтумбовым столом.

— Серьезные вопросы будем решать в гостиной, — улыбнулся Иона Георгиевич, — в присутствии всех заинтересованных лиц, а пока... — Он достал из бара бутылку коньяка и рюмки, налил, пригласил нас к

столу и вместо тоста спросил меня: — Вы в нашей Молдове бывали прежде?

— Да, — ответил я, — лет в пятнадцать, с родителями. Тогда Кишинев показался мне еще красивее и романтичнее.

— В детстве все кажется именно таким.

Мы чокнулись, и в этот момент зазвонил телефон.

— Петрунеску, — по-военному представился хозяин и тут же перешел на молдавский. Одно слово, вернее фамилию — Дониц — он повторил несколько раз, и мне подумалось: уж не тот ли это дезертир, о котором говорил замполит? Я толкнул в бок Андрея, но он меня успокоил: Доницей в Кишиневе как Степановых в Москве.

По ходу разговора лицо Ионы Георгиевича мрачнело, а голос крепчал. Наконец он положил трубку, но тут же снял и набрал номер.

— Привет, Алексей Иванович. Петрунеску, — заговорил он уже на русском. — Ты в курсе, что твои законники возбуждали уголовное дело против солдата Доница? Да нет, какой он дезертир?! Не захотел дальше служить в русской армии... Но надо же учитывать и национальные чувства. По сегодняшним понятиям он наемник и даже не добровольный... Ну что автомат? Какой же солдат без оружия... Автомат, думаю, не проблема, вернем... Считайте, он уже у меня в спортивной ассоциации. Труху вытрясем, и через годик не узнаете Доница... Вот и передай своему прокурору, чтоб не пыжился понапрасну, капитала он с этого дела не наживет. — Иона Георгиевич положил трубку, глянул на нас: — Что-то женщины долго возятся, — встал и вышел из кабинета.

"Вот так фрукт! — мелькнуло в моем сознании. — Да кто он такой, чтобы лезть не в свои дела? Хотя, судя по тону, шишка немалая, коль может взять под свою опеку дезертира, а прокурора еще и предупредить, чтоб не пыжился".

Нас пригласили в небольшой светлый зал рядом с кухней, где был накрыт прямотаки королевский стол. Но ни пить, ни есть не хотелось: я с нетерпением ждал ответа Петрунеску на предложение Андрея, а Болтунов и вовсе сидел как на углях.

— Хорошо, — прервал затянувшуюся паузу Иона Георгиевич, — ответь мне вот на какой вопрос: где вы собираетесь жить?

— У меня, разумеется. — Андрей попытался поймать взгляд Альбины, но она упорно смотрела в свою тарелку. — Жилье мне дадут, с работой у нее тоже проблем не будет: и в гарнизоне есть школа, и рядом в селе.

— А разговоров о вашем переводе на новое место не ходит?

— Да мало ли что говорят. Пока, насколько мне известно, никто нас никуда переводить в Россию, ты согласен остаться в Молдове?

— Пока... — грустно усмехнулся будущий тесть. — А ты слышал, что недавно заявило наше правительство? Мы будем создавать свою и армию, и полицию. Молдова, как и страны Прибалтики, скоро станет самостоятельным государством, это вам известно?

— Известно. — Лицо Андрея покрылось красными пятнами.

— А раз так, скажи: если вас будут переводить в Россию, ты согласен остаться в Молдове?

— Мне нравится Молдова. Но я летчик, и оставаясь здесь в непонятно какой роли и на правах человека второго сорта... Сами понимаете...

— Понимаю, — кивнул Иона Георгиевич, — но пойми и ты меня: Альбина у меня одна, и она тоже не захочет чувствовать себя второсортным человеком.

— В России нет такого национализма, и Альбину, можете мне поверить, там никто словом не обидит.

Петрунеску посмотрел на дочь:

— Ну а что ты скажешь? Согласна ехать с ним в Россию, куда-нибудь в Сибирь или на Чукотку?

Андрей собрался было возразить, что ни к чему так усложнять ситуацию: при чем тут Чукотка, Сибирь? — но я удержал его: пусть ответит невеста, готова ли разделить с ним трудности, в конце концов будет ясно, насколько она любит своего старшего лейтенанта.

— Мы как-то не говорили на эту тему и не думали, — уклончиво начала она.

— А надо думать, — нравоучительно заметил отец. — Вы уже в том возрасте, когда следует смотреть намного вперед... Я думаю, не будем пороть горячку. Сколько времени дается в загсе на обдумывание?

— Кажется, месяц, — неуверенно ответил Андрей.

— Вот и хорошо. За месяц, мне кажется, многое прояснится, и вы сами разберетесь что к чему. А пока давайте выпьем за вашу молодость, за вашу любовь.

8

От Петрунеску мы вышли уже в одиннадцатом часу, с трудом поймали такси и еле уговорили шофера отвезти нас в Варкулешты. Андрей всю дорогу молчал. То

ли думал о неопределенной перспективе, если действительно придется покидать Молдову, то ли его чем-то озадачил разговор с будущим тестем, который они после застолья провели с глазу на глаз на балконе. Лишь когда вылезали из такси, он вдруг спохватился:

— Вот, черт подери, совсем забыл, что надо было еще к одному другу заскочить! Теперь придется завтра обратно ехать в Кишинев.

У проходной нас встретил офицер с красной повязкой дежурного на рукаве:

— Дуйте, ребята, в штаб. Там вас из военной прокуратуры ожидают. Весь гарнизон подняли на ноги.

Вот так новость! Из военной прокуратуры... Неужели из-за драки в кафе? Холодок пробежал у меня по спине: а вдруг того волосатика я не вырубил, а замочил? Ноги сразу обмякли, и во всем теле появилась такая тяжесть, хоть садись на землю. Но голова мгновенно протрезвела, мысли беспорядочно заметались, не находя оправдания. Завтра же все молдавские газеты поднимут страшный шум: вот, любуйтесь — советские оккупанты пьянствуют и убивают местных жителей! То, что эта шпана сама затеяла драку, никто в расчет принимать не будет. А что скажут обо мне в Москве?!

В кабинете командира полка сидело трое: подполковник с эмблемами юриста в петлицах, капитан милиции и средних лет мужчина в штатском — черноволосый, смуглолицый, типичный молдаванин. Мы представились, представились и они: военный прокурор подполковник юстиции Токарев Герман Филиппович, капитан милиции Кашутин Виктор Петрович и следователь уголовного розыска Вирджил Цынаву.

— Вы летчик, — глянул на Андрея Токарев. — А вы? — обратился он ко мне.

О своей профессии я, разумеется, не распространялся — не было такой необходимости, а подполковника, похоже, интересовало именно это.

— Корреспондент "Красной звезды", — удовлетворил я его любопытство. — Нахожусь здесь по заданию редакции.

— Болтунов ваш приятель?

— Мы недавно познакомились. Он помог мне в сборе материала. А сегодня я попросил его показать мне достопримечательности Кишинева, и мы ездили...

— Хорошо, с вами мы еще поговорим, — остановил меня Токарев. — Подождите пока в коридоре.

Мне ничего не оставалось делать, как

подчиниться. Само собой — подозреваемых допрашивают поодиночке. Вот так влипли! И дернул же нас черт заезжать в это кафе.

Я ходил по коридору взад-вперед, подыскивая аргументы в свое оправдание, но кроме того, что те четверо парней оскорбили нас и первыми затеяли драку, ничего вразумительного не находил. Голова шла кругом. Я потерял счет времени, и сколько допрашивали Болтунова, не представлял — казалось только, что очень долго. Когда капитан милиции пригласил меня в кабинет, мы столкнулись в дверях с Андреем, не успев перекинуться ни единым словом. А мне так хотелось знать, о чем они говорили и что он отвечал.

— Товарищ капитан, вы были на аэродроме, когда возвращались экипажи из Германии? — задал вопрос прокурор, едва я опустил на стул.

— Да я был там, — ответил я, чувствуя, будто гора свалилась с плеч: значит, дело не в драке.

— Ничего необычного вам не бросилось в глаза? — подполковник пристально посмотрел на меня.

"Интересно, что же натворили экипажи? Не иначе — контрабанда. Может, тот же аноним настучал?" — мелькнуло у меня в голове, а вслух я сказал, что подготовка к полету и загрузка шли нормально. Обидно, конечно, гнать туда драгметаллы, а оттуда — макароны, словно мы сами не в состоянии выращивать пшеницу.

— А вы уверены, что в коробках были макароны?

— Это вопрос к таможене. Они проверяли.

— Ну каждую коробку не проверишь... А не показалось ли вам, что некоторые коробки, может быть, тяжеловаты для макарон?

— Да нет, солдаты легко справлялись с ними.

Подполковник показал мне этикетку:

— Это стояло на коробках?

— Да.

— А кроме солдат, кто еще занимался погрузкой-выгрузкой?

— Еще техники помогали, механики, авиаспециалисты из полка. А, собственно, в чем дело? Я в полк прибыл, кроме всего прочего, чтобы проверить одну анонимку. Может, и с вами кто-то затеял подобную игру?

— Что вы говорите? — приятно удивился военный прокурор. — И можно взглянуть на вашу анонимку?

— Пожалуйста.

— Интересно, — заключил Токарев, возвращая мне письмо. — Вам что-то удалось выяснить?

— Факты, как пишем мы в таких случаях, не подтвердились. Скорее всего, кто-то хотел свести счеты с командиром, потрепать ему нервы различными проверками. Вайкулевич действительно мужик суровый.

— Н-да, — почесал подбородок подполковник. — Если бы только это... Нам почуднее загадку подбросили. Для вас, журналистов, настоящая находка. — Он замолчал, видно, обдумывая, раскрывать мне ее или нет.

— Так поделитесь, — попросил я. — Может, я в чем-то вам помогу.

— Ну что ж, кое-что я вам действительно открою. Но вы как человек военный, надеюсь, сами понимаете, следствие только началось и до поры до времени никакая информация не должна просочиться за порог этой комнаты. Дело в том, что сегодня утром в районе Чадыр Лунга попала в аварию грузовая машина кишиневского автохозяйства. В кузове ее оказались коробки вот с такими же наклейками. А в них — автоматы, пистолеты, гранаты. Откуда этот груз? Кто его хозяин? Кому он предназначался? Со всем этим предстоит разобраться.

— Надо проверить склад, куда транспортировали гуманитарную помощь. Коробки могли ведь и просто использовать... — поспешил я высказать свою версию.

— Это вернее всего, — согласился Токарев. — А анонимку со счетов не сбрасывайте, тут все может быть взаимосвязано...

На улице меня поджидал Андрей, удрученный и озабоченный.

— Вот сволочи, — сплюнул он, даже не расспросив меня о разговоре со следственной бригадой.

— Ты это о ком?

— Да о тех, кто подставил нас.

— Ну не с неба же свалились коробки с автоматами? — возразил я. — Может, пока вы обедать ходили или за туфельками бегали, вам их и подсунули?

— Ты это серьезно? — остановился Андрей, нервно закуривая. — Да мы шагу от самолета не сделали! Или, может, ты, как они, — кивнул он на кабинет, в котором мы только что побывали. — считаешь, что я немцам за пару задрипанных туфель продался?!

— Почему задрипанных? Ты их даже очень хвалил.

— Может, ты так и прокурору сказал?

— Конечно.

Андрей со злостью бросил сигарету и направился было к гостинице, но я поймал его за локоть:

— Перестань психовать. Никто вас не собирается обвинять в контрабанде.

— А что ж они: "Сколько раз летал в Кельн-Бонн? Что оттуда привез? С кем из немцев знаком?" Это так понимать?!

— А как бы ты хотел? Оружие — штука серьезная. Разберутся. Идем лучше спать.

9

Утром экипажи, летавшие в Германию, снова вызвали в штаб, и Андрей освобожден только во втором часу. Меня пока не беспокоили, да оно и понятно: что я мог добавить к тому, о чем уже рассказал?

Мы зашли с Андреем в летнюю столовую, пообедали и разошлись по своим номерам. Откровенно говоря, где-то я был рад, что подворачивается сногшибательный материал. Это вам не какие-то мелкие взятки, тут — контрабанда оружия, связанная не иначе как с мафиозными структурами, а то и с бандформированиями. Кто они? Где брали коробки из-под гуманитарной помощи: на нашем военном складе или в других местах? Андрей говорил, что эти коробки привозили они и три дня назад, и неделей раньше. Он еще возмущался, что немцы подсовывают нам залежалые продукты. У сушеного картофеля, рассчитанного на восьмилетний срок хранения, он истекал как раз в этом, 1991 году. Но дареному коню, как говорят, в зубы не смотрят. Хотя на поверку какой же он дареный?

Я записал в блокнот всю мало-мальски стоящую информацию, полученную за последние два дня. Вопросы выделил особо, а их заметно прибавилось. Конечно, кое-что могли прояснить летчики, ну и, конечно же, прокурор и следователь.

Спрятав блокнот, я отправился к Андрею, но его в номере не оказалось. Не было его и на улице, на спортплощадке. Я побродил до семи, на ужин пришлось идти одному.

В столовой штурман золотухинского экипажа сказал, что Андрей укатил в город. Я вспомнил, как сокрушался вчера вечером Болтунов, что не заехали к его другу: выходит, сегодня он исправлял оплошность.

Я сходил в кино. Вернувшись в гостини-

цу, обратил внимание, что ключ от номера Андрея так и лежит на столе дежурной.

— Гуляет еще, — сказала она, перехватив мой любопытный взгляд. — Дело молодое.

Я прошел к себе, разделся и моментально заснул, но вскоре проснулся от стука в дверь. На пороге вместе с дежурной стояли Токарев, Кашутин и Цынаву.

Прокурор внимательным, хотя и быстрым взглядом окинул стол, тумбочку, чуть задержался на графине и стакане и лишь после этого повернулся ко мне.

— Вы вчера ездили с Болтуновым в город? — спросил с непонятной мне подозрительностью.

— Да.

— И возвращались вместе?

— Да.

Меня удивляла сама постановка вопросов — словно эти люди не беседовали с нами.

— И в котором часу вы вернулись?

— Около двенадцати. Мы же сразу к вам зашли.

— Это было позавчера, — уточнил подполковник, взглянув на свои часы. — Уже скоро четыре утра... Нас интересует не позавчерашний, а вчерашний день.

— Вчера Андрей один уехал в город, после обеда.

— Вы не знаете, к кому он собирался?

Я пожал плечами:

— Накануне, когда мы возвращались из Кишинева, он вспомнил, что забыл заскочить к какому-то другу. Но к кому — понятия не имею.

— А у кого вы были накануне?

— У его невесты. Он собирается жениться.

— Выпивали?

— Не без этого.

— А вчера не опохмелялись?

— Если бы опохмелялись, Андрей не сел бы за руль.

— Вы в этом уверены?

— Вполне, хотя... Не так уж хорошо я его знаю.

— То-то и оно, — грустно заметил Токарев. — Вчера ваш друг попал в автокатастрофу: врезался в каменную опору моста и сгорел. Есть предположение, что он был пьян. Но это, повторяю, только предположение.

Я почувствовал, как у меня зашевелились волосы, а все тело вдруг стало окатывать то ледяной волной, то кипятком. Боже мой, погиб Андрей! Сгорел прямо в машине! Уж не дурной ли это сон?

— Нет, нет! — сквозь спазмы в горле вырвался у меня какой-то хрип. — Болтунов за рулем никогда не стал бы пить. Позавчера, когда мы поехали в гости, он предпочел своей машине такси. Он совсем не выпивоха! Он невесту ругал, чтоб за рулем ни-ни!

— А кто его невеста?

— Учительница. Дочь президента спортивной ассоциации, известного в городе человека.

— Уж не Петрунеску ли? — вмешался в наш разговор Цынаву.

— Да, Ионы Георгиевича.

— Уважаемый и порядочный человек, — подтвердил следователь. — Ну и как он отнесся к предложению жениха?

— В общем-то положительно. Дал им месяц на обдумывание.

— А не мог вчера Болтунов поехать к невесте? — спросил Токарев.

— Он собирался к другу. Но, конечно, мог заскочить и к ней.

— Ситуация, — заключил в раздумье прокурор. — Вы запомнили, где живет его невеста?

— Разумеется.

— В таком случае вам придется проехать туда вместе с нами.

— Прямо сейчас?

— Чем скорее мы проедем по маршруту Болтунова, тем ближе станем к разгадке произошедшей трагедии.

Хотя небо на востоке чуть посветлело, на земле было еще темно — будто тяжелый полог придавил все окрест — дома, деревья, придорожные столбы. Свет фар с трудом пробивал темноту. Я сидел между Кашутиным и Цынаву и думал о превратностях судьбы, о ее непредсказуемости и жестокости. Еще вчера мы с Андреем радовались его счастью, он был крепок, силен, полон веры в свое будущее. И вот его нет. Но что же могло случиться? Как-то не верилось, чтобы он не справился с управлением. Уж не причастен ли кто к этому ДТП? Но кто? И кто этот его кишиневский друг, если никто в экипаже Золотухина о нем и слухом не слыхивал? Возможно, что-то прояснит Альбина?

Из-за поворота нам навстречу вывернулась легковушка. Ближний свет буквально стегнул по глазам, и наша "Волга", скрипнув тормозами, вильнула из стороны в сторону.

— Вот еще одна из причин, по которой летчик мог врезаться в каменную опору моста, — нарушил молчание капитан милиции.

— Возможно, — согласился подполковник, — молодежь и жить торопится, и чувствовать спешит. — Он обернулся ко мне: — Сватовство-то бурно прошло?

— Да нет. Хотя тесть и теща молдаване, но предложение русского офицера встретили нормально.

— Я имел в виду другое, — поправился Токарев. — Накануне Болтунов мог и не выспаться, как следствие — задремать за рулем.

Я ничего не ответил.

Километрах в двадцати от гарнизона наши фары высветили на обочине дороги группу людей и "уазик". Шофер притормозил, сворачивая к ним. Это были работники ГАИ и майор из военной прокуратуры. Токарев вышел из машины, за ним последовали и мы.

— Что-нибудь еще удалось обнаружить? — спросил прокурор у майора.

— Есть кое-что, Герман Филиппович, — ответил тот. — В двадцати двух метрах от места столкновения машины с препятствием остались следы от ткани серого цвета и черная полоска от синтетико-каучуковой подошвы. Правая дверца не закрывается, левую заклинило намертво. Вмятины на бампере и радиаторе позволяют сделать вывод, что скорость при столкновении не превышала сорока километров. Есть веские основания предполагать, что на правом сиденье находился пассажир, выбросившийся на ходу в двадцати двух метрах от препятствия. Вызывает сомнение и обрыв бензопровода от такого удара, вследствие чего возник пожар.

— Выходит, водитель был уже мертв к моменту столкновения?

— Или мертв, или без сознания, так, кстати, считает и доктор. Экспертиза установит.

— Кого наблюдали за время работы?

— В два сорок семь проехал грузовик из Кишинева, и совсем недавно, в три пятьдесят три, — "мерседес". Номера записать не удалось.

— Хорошо, завершайте и утром встретимся, — попрощался Токарев, и мы снова сели в машину.

Уже начинало светать, и в тусклом свете предутренней зари я различил силуэт покореженного "Жигуленка", капот и правое крыло лежали в стороне, отброшенные взрывом...

Кому Андрей мешал или так насолил, что его надо было убивать? Может, его подкараулили те подонки, с которыми мы столкнулись в кафе? Уж больно агрессив-

но они были настроены. Особенно их вожак. И если бы не Альбина...

Я счел своим долгом рассказать Токареву о стычке в кафе.

— Не думаю, что пьяная ссора могла послужить поводом к убийству, — возразил Цынаву. — И поскольку версия убийства стала основополагающей, считаю, Герман Филиппович, поднимать ночью с постели Петрунеску — человека авторитетного и влиятельного — нецелесообразно.

— Но нам хотя бы с его дочерью переговорить, — не очень твердо возразил прокурор.

— Разумнее подождать до утра. Два-три часа роли не играют.

— Вирджил дело говорит, — поддержал следователя Кашутин. — Петрунеску мужик крутой. Потом неприятностей не оберешься...

— Что ж, подождем до утра, — согласился Токарев. — Извините, Игорь Васильевич, выходит, напрасно вас потревожили. Давай, Петя, крути обратно в гарнизон, — приказал он шоферу.

10

Расследование затягивалось. Моя командировка подошла к концу, пришлось звонить в редакцию, объяснять ситуацию и ждать указаний главного редактора. Генерал распорядился: задержаться еще на неделю — до выяснения обстоятельств в деле с оружием и убийством Болтунова.

В том, что Андрей был убит преднамеренно, теперь никто не сомневался. Один из работников ГАИ, дежуривший на окраине Кишинева, видел около 22 часов голубые "Жигули" с офицером за рулем и тремя парнями в футболках. Экспертиза подтвердила, что правая передняя дверца машины была приоткрыта до столкновения с препятствием и что удар о каменную опору был не настолько силен, чтоб водитель потерял сознание и лопнул бензопровод.

Подполковник Токарев выяснил у Петрунеску, что Болтунов действительно заезжал к нему на квартиру около восьми вечера, но Альбину не застал (она в тот день гостила в Бендерах), поговорили по-родственному с полчасика, попили кофейку и расстались в хорошем настроении.

Оставалось невыясненным главное — к кому еще заезжал Андрей. Никто в полку не знал его кишиневского друга. Проверили все его домашние адреса, ни у кого он в тот день не был.

Официантка из кафе, где у нас произошла стычка со спортсменами, дала показания, что старший лейтенант появлялся здесь в тот вечер около 21 часа, выпил якобы триста граммов коньяка и уехал на своей машине один. Однако кроме нее никто Болтунова в кафе не видел. Значит, Андрей либо вовсе сюда не заезжал, либо заскочил на минутку в поисках Альбины. И не в 21, а раньше, до того, как встретиться с будущим тестем...

Над раскрытием преступления работала целая группа из военной прокуратуры и местного уголовного розыска. Токарев высказывал предположение, что убийство как-то связано с контрабандой оружия, но я в это не верил.

На третий день гарнизон прощался с Андреем. На похороны приехали его родители — худенькие, морщинистые, одетые просто, по-деревенски. Им обоем не было еще и шестидесяти, но нежданно-негаданно свалившееся горе вмиг согнуло и состарило их на добрый десяток лет. Приехала и Альбина — в черном платье, покрытая черной вуалью, с темными кругами под глазами. Видно, и она тоже пролила немало слез.

Альбина держалась молодцом: как могла, утешала стариков, а на панихиде даже сказала прощальное слово, обещая помнить и любить Андрюшу до конца своих дней.

Командование полка устроило по русскому обычаю поминки в военторговской столовой. Пришли туда все, но остались самые близкие друзья Андрея. Альбина привезла с собой ящик коньяка и ящик вина, родителей Андрея она перепоручила женщине лет сорока, видимо, тоже родственнице Болтуновых, и подсела ко мне.

Еще в первый день знакомства я заметил, что она равнодушна к выпивке, даже находясь за рулем. Вот и на этот раз, когда я напомнил ей, что до Кишинева путь неблизкий, она лишь грустно усмехнулась: "Мне теперь все равно". Подметил я и еще одну настораживающую деталь. Когда мы встали из-за стола и собрались уходить, около Альбины завибрировал капитан Скородумов — тот самый отстраненный от полетов "летчик-коммерсант", которого я заподозрил в авторстве анонимки. Он явно подыскивал момент поговорить с ней, и такую возможность я ему предоставил. Что он сказал — не знаю, но как негодующе сверкнули глаза девушки, я видел. Она что-то ответила, и капитана этого словно ветром сдуло. С незнакомым Альбина вряд ли бы так поступила. Когда я спросил, что случилось, она лишь взяла

мою руку и, улыбнувшись, попросила: "Уведи меня отсюда, я, кажется, действительно захмелела".

Мы вышли на улицу. Уже темнело, но духота не спадала. Небо было блеклым, как выгоревший ситец, и все вокруг казалось мрачным, удручающим.

— Ты куда меня ведешь? — вдруг спросила она.

— В гостиницу. Тебе надо отдохнуть.

— Нет! — Она качнула головой, словно желая стряхнуть тяжелое похмелье. — Я поеду домой.

"Уложить ее в машине на заднее сиденье и посидеть около? — мелькнула мысль. — Но что подумают сослуживцы Андрея? А оставить одну... Ну, как действительно сядет за баранку? Нет уж, хватит смертей!"

— Вот что, отдохнешь, потом поедешь! — властно сказал я.

— Но я не хочу в гостиницу...

— Другого ничего предложить не могу. Придется потерпеть.

Она остановилась, обдумывая, что же делать.

— Хорошо, пойдём, — согласилась наконец. — Я очень хочу пить. У тебя найдется что-нибудь?

— Найдется. Напою тебя чаем.

Дежурной на месте не оказалось, и я провел Альбину в свою комнату. Уложил ее на кровать, а сам потихоньку вышел, бесшумно притворив за собой дверь. Дежурная уже сидела на месте, я объяснил ей ситуацию и попросил разрешения переночевать где-нибудь в другом номере.

— Это можно, — согласилась та. — Нынче многие в отпусках, есть и комнаты, и кровати свободные. А лучше всего идите в номер, где жил Болтунов. — И она протянула мне ключ.

Не сделав и двух шагов, я заметил поднявшегося с дивана подполковника Токарева:

— Добрый вечер, Игорь Васильевич, — протянул он руку. — Хотел к вам сразу подойти, да вы были заняты Альбиной Ионовной. Уложили ее спать?

— Да, она плохо себя чувствует.

— Тяжелый случай, — вздохнул прокурор, — вместо свадьбы — похороны. Она его крепко любила?

Я хотел было объяснить, что Альбина ждет от Андрея ребенка, но засомневался: надо ли раскрывать чужую тайну? Да и будет ли теперь этот ребенок? И вообще — откуда мне знать, насколько глубоко

было ее чувство? Что Андрей ее любил, тут я мог поручиться, а она...

— Я вижу ее второй раз. Но коль готовилась свадьба...

— Да, — снова вздохнул подполковник. — Это раньше русские были везде в почете, а ныне... Вот и молдаване не очень-то нас жалуют. Она не побоялась... К вам она тоже, по-моему, относится неплохо?

— Я был сватом у Андрея.

— Вот и хорошо. Я вас прошу — не теряйте с ней дружеских отношений. И еще... — Токарев отвел меня подальше от стола дежурной. — Есть предположение, что оружие переупаковывалось в коробки из-под гуманитарной помощи в школе, где она как раз преподает. Учителя, конечно же, вряд ли о чем-либо знают. Но нам очень важно узнать, где еще задержались такие коробки. Подумайте, как поделкатнее поговорить на эту тему с Альбиной Ионовной. Разумеется, никакого намека на оружие!

Поручение прокурора заинтересовало меня. Утром, обдумав кое-какие вопросы, я постучался к Альбине. К моему удивлению, в номере ее не оказалось, дежурная только пожалала плечами, и лишь на КПП, где стоял ее "Жигуленок", удалось выяснить, что девушка уехала около пяти утра.

Перекусив, я отправился на маршрутке в Кишинев. Не знаю почему, но чем ближе подъезжал к городу, тем сильнее росло во мне желание избежать встречи с Альбиной. Я чуть ли не молил судьбу, чтобы в школе ее не оказалось. То ли моя просьба дошла до Бога, то ли так совпало, но Альбины действительно там не было.

Директриса, Сусанна Николаевна, пожилая, суровая на вид женщина, типичная молдаванка — смуглолицая и кареглазая, встретила меня настороженно, но когда я спросил Альбину Ионовну, объяснив, что мы приятели, стала охотнее отвечать на мои вопросы. Да, школа получала гуманитарную помощь, за что преподавательский состав и родители учеников благодарны немцам, рады экономическим и политическим контактам с ними, кстати, одобряющими стремление молдавского народа к самостоятельности.

— Скажите, а надолго ли хватит этой помощи вашим питомцам? — не удержался я от каверзного вопроса.

— Разве дело в том, сколько дней мы будем кормить детей привезенными продуктами? — снова посуровела директриса. — Важно, что нас, молдаван, считающихся в иных государствах отсталой на-

цией — цыганами, бродягами, в Германии признают как равных, как культурных и свободлюбивых людей.

— Простите, Сусанна Николаевна, я, видимо, неправильно задал вопрос. Я ведь вот что имел в виду: сейчас у вас каникулы, продукты вы, по всей вероятности, развезли по домам, а что же будет дальше?

— Вы плохо о нас думаете, молодой человек, — с укоризной заметила она. — Мы не только педагоги, мы, поверьте, и неплохие хозяева. Да, положение в стране с продовольствием неважное, и местное руководство не всегда в состоянии обеспечить нас всем необходимым. Учитывая это, мы быстропортящиеся продукты, разумеется, держать не стали. Но у нас в школе есть чудесный подвал, и все, что может храниться, оставлено про запас.

— От кого-то из ваших коллег я слышал, что Германия подсовывает нам продукты, потерявшие питательные качества, — сделал я следующий ход, испытывая желание во что бы то ни стало попасть в этот подвал.

— Неправда! — запротестовала Сусанна Николаевна. — Все продукты высокого качества.

— А вы внимательно просматривали сроки годности?

— Да у нас мысли не возникало в чем-то усомниться, — пожалала она плечами. — А если вас это так интересует, давайте вместе посмотрим. — Директриса встала, но тут же с досадой обратно опустилась в кресло. — Ключи-то у Альбины Ионовны, она у нас ведаёт продовольственным хозяйством.

Но и на этот раз удача не отвернулась от меня: дверь открылась, и в кабинет вошла Альбина.

— Здравствуй, — поднялся я ей навстречу. — Ты так внезапно укатила... Я утром звонил тебе домой, но никто не ответил.

Она лишь неопределенно пожалала плечами:

— У тебя ко мне дело?

Я замешкался с ответом, но Сусанна Николаевна меня выручила:

— Он утверждает, что Германия присылает нам порченные продукты. Хорошо, что ты появилась. Мы сейчас убедимся, что это не так. Кстати, не ты ли сказала ему такое?

— Не она, а читатели, — на этот раз поспешил я с ответом. — Но вы правы: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Альбиночка, покажи ему гуманитарную помощь, пусть убедится, какой там срок годности.

Альбина молча достала из стола ключи и повела меня в подвал. У массивной двери, обитой железом, мы остановились. Как заправская ключница, она ловким движением открыла громадный висячий замок. Включила свет, и я увидел, как вдоль стены на деревянных полках возвышается целая гора коробок.

— Ты читаешь по-немецки? — спросил я.

— Да.

— Тогда переведи, что здесь указано.

— Сушеный картофель. Срок годности — май, тысяча девятьсот девяносто первый год.

— Значит, мои читатели правы!

— Дареному коню в зубы не смотрят, — холодно отозвалась Альбина. — А вот здесь медицинское оборудование, — указала она на более крупные коробки. Надеюсь, их срок годности у тебя не вызывает сомнения?

— А зачем вам столько?

— Это предназначено не нам, а больнице. Но там пока нет склада, вот и сгрузили здесь.

"Возможно, это то самое, что интересует Токарева", — подумал я, ощутив тяжесть содержимого.

— Нет, тут срок годности у меня сомнений не вызывает, — заметил я и после небольшой паузы спросил: — Я чем-то тебя обидел?

— Ты бросил меня одну... В таком состоянии...

— Прости, но ты моментально заснула, а я не хотел тебя беспокоить: я, случается, храплю.

— Серьезно? — усмехнулась она. — И только-то? — Лицо ее чуточку оттаяло. — Какие вы, военные, все-таки трусы. Пусть другой человек хоть умрет, лишь бы вам не подпортить свою репутацию.

— Прости, я постараюсь искупить свою вину, — я по-дружески взял ее за руку и повел к выходу.

Мы поднялись из подвала. Перед тем как открыть дверь в кабинет директора, Альбина спросила:

— Ты когда уезжаешь?

— Хотелось бы хоть что-то определенное узнать о гибели Андрея. Так что с недельку еще поживу здесь.

— Очень хорошо. Поверь, Игорек, с тобой мне намного легче, я не так тяжело переношу потерю.

Мне искренне стало ее жаль. Надо же было такому случиться. И в самый канун свадьбы!

— Собственно, я к тебе и ехал, — соврал я.

— Вот и хорошо. Тогда мы попросимся с Сусанной Николаевной и поедем к нам.

Я извинился перед директрисой за отнятое время и, пожелав успехов в работе, вышел вместе с Альбиной из кабинета. Через несколько минут красный "Жигуленок" вырлился из школьного двора.

Всю дорогу я думал только об одном: как бы поскорее доложить Токареву о своих соображениях. Как проверить гуманитарную помощь в школьном подвале, они сообразят, хотя бы под видом изъятия того же самого негодного картофеля. Но надо спешить, пока сомнительное медоборудование не перекочевало в более укромное местечко.

К моему глубокому огорчению, Альбина повернула к знакомому нам кафе, объяснив, что проголодалась, а дома мачехи нет и обед не приготовлен.

— Да ты не беспокойся, теперь здесь никто на нас не посмеет даже косо взглянуть, — предупредила она мое нежелание останавливаться тут.

Выглядеть в ее глазах трусом мне совсем не хотелось, и я с одобрительной усмешкой принял предложение:

— Пошли, а то, как говорят у вас, на голодный желудок цыган и спать не ляжет.

— Да что ты знаешь про цыган? — засмеялась Альбина. — Все зависит от цыганки: одна накормит, напоит и ублажит, другая — плетью отходит. У цыган ныне тоже эмансипация.

В кафе народу было мало, и Альбина повела меня за тот же столик, за которым мы уже сидели. Официант, едва ее заметив, тут же поспешил к нам:

— Сегодня у нас замечательное сациви, цыплятки, корейка на вертеле...

— Что-то ты, Лайко, стал забывать мои вкусы. Дай-ка нам самим взглянуть на меню.

— Пожалуйста, пожалуйста, Альбина Ивановна. — Официант угодливо переломился в пояснице. — Изучайте, выбирайте...

Альбина пробежала глазами по строчкам и недовольно помотала головой:

— Совсем оскудел общепит. — Она поднялась. — Закажи по сациви и по корейке, да зелени побольше. А я пойду позвоню подруге. — И уже отойдя, добавила: — И по сто коньяка.

— Ты же за рулем, — возразил было я.

Но она только насмешливо взглянула:

— Если нет денег, так и скажи, у меня есть. И запомни, товарищ журналист, сто грамм лишь стимулируют энергию и обостряют реакцию.

"Черт с ней, пускай пьет, — подумалось мне. — А я не буду. И как только выйдем отсюда, уеду в гарнизон".

Я смотрел на удаляющуюся Альбину. "А что, если и она, и директорша в курсе всего, что творится в школьном подвале? — кольнула мысль, но я тут же ее опроверг: — Тогда бы никто не пустил меня в подвал. Сказали бы, что все дела с гуманитарной помощью завершены, и точка. Да и вели они себя уж очень спокойно".

Альбина вернулась недовольной:

— Как всегда, ее нет дома. Кому ни позвоню, никто не знает, где она. Может, пока обедаем, объяснится.

Официант принес заказ. Ели молча: то ли Альбину действительно расстроило отсутствие подруги, то ли мучали какие другие мысли, но даже рюмка коньяка не подняла настроения. Когда же она потянулась за второй, я отобрал графин и налил себе:

— Сто грамм, возможно, и прибавят энергии, но двести...

— Послушай, не будь занудой! — рассердилась она. — Я лучше знаю себя. — Она забрала графин, налила себе полную рюмку и, не чокаясь, опрокинула ее.

— В таком случае, я с тобой дальше никуда не поеду, — заметил я.

— А я другого от тебя и не ждала! Летчик — героическая профессия, а ты... Может, тебя поэтому в журналисты и перевели?

— Угадала. А тебе случившегося с Андреем мало?

— Прекрати! — оборвала меня Альбина. — Андрей за руль выпивши не садился, и ты знаешь это.

— Медэкспертиза утверждает обратное.

— Медики у нас бездарные, а милиция продажная. Им только бы спихнуть дело, чтоб не висело нераскрытым, — и она снова потянулась к графину.

— Лимит твой исчерпан. Злись, считай меня кем угодно, больше ни грамма ты не получишь.

— Ну и пей сам, жмотина, — сказала она примирительно. — Не дай Бог иметь такого мужа! — поковыряла вилкой в тарелку и поднялась: — Схожу еще раз позвоню.

И снова ее не было минут десять. Я допил коньяк, чтоб не искушать ее, доел свою корейку, позвал официанта и попросил счет. От моих командировочных осталась двадцатка — ни то ни се: придется

давать телеграмму, чтоб ребята из редакции подбросили денюжат телеграфом.

Наконец появилась Альбина. По ее походке я понял, что она кроме телефонной кабинки заглянула еще и в буфет.

— Можно ехать. Подружка нашлась. Как, завалимся к ней?

— Завалимся, но в другой раз. А теперь пошли. — Я взял ее под руку и, крепко прижимая к себе, чтоб не качалась, повел к выходу.

Она достала из сумочки ключи, попыталась открыть дверцу, но никак не могла попасть в замочную скважину. Наконец мне это все надоело:

— Послушай, я поймаю такси.

— Вот сам и поезжай. А я ни за что свой "Жигуленок" не брошу.

Я снова взял ее под руку. Не обращая внимания на то, как она упиралась, отвел к противоположной двери и не без труда втиснул на правое сиденье. Сам сел за руль.

— Поехали к Томке, — успокоилась Альбина и виновато прижалась лицом к моему плечу.

— К мамке поедем, — поправил я ее. — Вот уж не предполагал, что у Андрея такая развеселая невеста.

— Не трогай Андрюшу! — Альбина мгновенно отстранилась. — Что ты знаешь о нем и обо мне? Кто я теперь? Мне не хочется жить! — Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Я включил зажигание, осторожно вырулил на дорогу и на небольшой скорости поехал к дому Альбины. До него было недалеко, но вскоре я обнаружил плетущийся за нами следом темно-синий "Москвич". Все нас обгоняли, а этот... Случайное совпадение или нет? И Альбину не спросишь: опустив голову, она то ли думает о чем-то, то ли дремлет, то ли прикидывается убитой горем — я уже не знаю, чему и верить.

Увеличил скорость, "Москвич" не отстает. Свернул в первый же переулок, выехал на параллельную улицу и остановился.

Альбина подняла голову:

— Что, уже приехали?

— Почти.

— А где же мы? — закрутила она головой.

— Да вот раздумываю, куда тебя везти — домой или к подруге.

— Вези домой!

"Москвич" не появился: значит, никакого преследования и не было, просто я запамятовал. Не зря же говорят: пуганая воро-

на куста боится. Двинулся параллельно Пушкинской, по Гоголя. На спидометре — тридцать километров: а вдруг все-таки "Москвичок" догонит или выскочит из какого переулка?

Проехав квартала три, я начал было успокаиваться. Свернул обратно на Пушкинскую, прибавил газу...

И все же предчувствие меня не обмануло! За квартал до Альбиного дома нас подрезала белая "Волга", а сзади вырулил и темно-синий "Москвич". "Волжанка" резко затормозила, но я среагировал, и наш "Жигуленок" остановился впритык к ней. Однако в ту же секунду "Волга" сдала назад. Раздался удар, звон разбитого стекла.

Альбина вскинула голову, недоуменно глянула на меня, потом — на впереди стоявшую "Волгу" и, сообразив, что случилось, выскочила из кабины.

Из "Волги" вылезли трое: интеллигентного вида мужчина лет сорока и двое парней.

Я выходить не торопился, понимая, к чему все затеяно. Надеюсь найти хоть что-нибудь для защиты, заглянул в "бардачок" под приборной панелью, но ничего кроме атласа дорог да косметички там не было. А Альбина тем временем перешла в наступление:

— Вы что?! Что натворили? — негодуяще кричала она на невозмутимую троицу. Наконец старшему надоело слушать ее вопли:

— Спроси у своего водителя, куда он так гнал, — ответил он совершенно спокойно, словно никакого отношения к происшествию не имел, а потом глянул на меня: — Что, дорога узкая?

Я вылез из машины. Те трое и Альбина рассматривали повреждения. У "Жигуленка" был помят капот и разбита правая фара, у "Волги" пострадал лишь задний левый фонарь.

— И что будем делать? — спросил у меня интеллигент.

— А что бы вы хотели? — ответил я вопросом на вопрос.

Альбина перевела злой взгляд на меня, и я был вынужден растолковать ей, что это шантаж, что они специально сдали назад.

— Ах вы, подонки! — рванулась Альбина на старшего. — Такую машину изуродовали. Вы сами того не стоите, что натворили! Я вас... — Она внезапно качнулась и тяжело оперлась руками о багажник "Волги".

— Да они пьяные в дупель! — завопил чернявый парень, тыкая пальцем то в Альбину, то в меня. — Надо ГАИ вызвать!

— Вы виноваты кругом и еще ГАИ?! — резко развернулась в его сторону Альбина, готовая уже пустить в ход кулаки. Но я вовремя схватил ее за руку:

— Пусть вызывают.

— А сейчас и вызовем. — Я даже не заметил, как рядом оказался водитель темно-синего "Москвича". Он тут же запрыгнул в кабину и дал по газам.

"Кто им нужен: я или Альбина?" — терзал меня единственный вопрос. Но ответа я так и не находил.

Милицейский УАЗ появился как из-под земли, и старший лейтенант, едва Альбина заговорила с ним, замахал рукой перед носом, как бы отгоняя запах спиртного. Даже водительских прав он не потребовал, просто указал нам с Альбиной на заднее сиденье своего автомобиля.

— А как же моя машина? — пьяно запротестовала Альбина.

— Ничего с ней не случится. Вон сержант поведет, — указал старлей на вылезавшего из "уазика" рослого крупного милиционера. Еще один гаишник оказался на заднем сиденье между мной и Альбиной, но она успела шепнуть мне: "Не бойся, отец выручит нас!"

Когда машина тронулась, Альбина вызывающе бросила старшему лейтенанту:

— Послушай, козел, сколько ты хочешь?

— Миллион, — повернувшись, осклабился тот. — За аварию. И столько же за "козла".

— А понос не прохватит?

— Не, у меня желудок крепкий.

— Что, и свинец переварит?

— А это уже угроза, мадам. — Старший лейтенант снова повернул к нам свое квадратное лицо с приплюснутым носом борца. — А я — при исполнении. Вот сержант и капитан свидетели. Слышали? — глянул он на меня.

Я отвернулся. Все та же мысль: кто эти люди и что за спектакль здесь разыгрывается? — сверлила мне мозг. Мне хотелось разгадать хоть один их дальнейший ход, чтобы выработать какую-то тактику своих действий, — но ничего не получалось.

Минут пятнадцать мы ехали молча. "А ведь к месту аварии они подкатили значительно скорее", — смекнул я. Но УАЗ тут же остановился у бело-голубой постовой будки. Там находилось еще двое — капитан милиции и мужчина в штатском. Старший лейтенант что-то сказал капитану помолдавски, и тот, отрекомендовавшись нам старшим инспектором ГАИ Добриничем, потребовал документы.

— Как составите акт — в вырезвиловку, — приказал он штатскому.

— Да вы что?! — вновь вскинулась отрезвевшая было Альбина. — Сами пьяные, легаши проклятые, а к другим цепляетесь. Пустите меня к телефону!

Никуда ее, разумеется, не пустили, а я в спор, естественно, не вступал.

— Она и дорогой нас оскорбляла, — заметил старший лейтенант. — И взятку предлагала.

— И это запишите, — указал штатскому капитан.

Когда акт был составлен и мне сунули его на подпись, я попросил у капитана разрешения позвонить в часть.

— У нас здесь не телефонная станция и не бюро добрых услуг, — отрезал он.

— В таком случае я ничего подписывать не стану.

— А это и не обязательно, — усмехнулся он. — Вон сколько здесь свидетелей, обойдемся...

Телефонный звонок прервал его фразу.

— Добринич слушает... Кого, кого?... Девочку семи лет? Насмерть?.. Повторите, на какой улице и во сколько?

Он что-то пометил на листке, а потом грозно посмотрел на меня:

— По какой улице вы гнали?

— Не гнали, а ехали в пределах сорока километров, — поправил я его.

— Где, я спрашиваю?

— По Пушкинской.

— А на Гоголя были?

— Были.

— И почему оттуда свернули?

— Потому что девушка живет на Пушкинской.

— А не потому ли, что сбили ребенка?

Вот она, кульминация спектакля, в котором мне была отведена главная роль!

Я замолчал, зная, что любое самое искреннее и убедительное слово будет отвернуто против меня.

(Продолжение следует).

Кузница российского оружия

**Ижевский
механический
завод**

Стрела на щите

О том, что Ижмех — предприятие не из последних, в городе напоминало многое. По дороге из аэропорта бросился в глаза огромный рекламный стенд с изображением его эмблемы — стрелы на щите. Да и в самом городе многочисленные плакаты и стенды напоминали каждому о том, что Удмуртия по праву гордится крупнейшим механическим заводом отрасли и страны.

В 1992 году он отпраздновал свой полувековой юбилей. За это время создан мощный производственно-технический потенциал. Пройден нелегкий путь от деревянных бараков, в которых в 1942-м выпускались простейшие образцы стрелкового оружия, до корпусов из стекла и бетона, оснащенных современным оборудованием. Сегодня здесь производятся сложнейшие электронные и электромеханические приборы, пользующиеся спросом у россиян, да и не только у них.

Мое знакомство с предприятием началось с музея. Сюда приводят тех, кто решил связать свою судьбу с Ижевским механическим заводом, гостей, желающих поближе познакомиться с его историей.

Своим рождением предприятие обязано решению Государственного комитета обороны (ГКО), согласно которому тыловой Ижевск был выбран центром производства стрелкового оружия. Летом 1941 года на 96 гектарах восточной окраины столи-

цы Удмуртии на скорую руку построили деревянные бараки, в которых разместили оборудование эвакуированных цехов Тульского оружейного и Подольского механического заводов. Здесь на их базе начали изготовление пистолетов ТТ, револьверов "Наган", осветительных пистолетов (ракетниц), запальных трубок Норденфельда, шаровых установок для танкового пулемета, противотанковых ружей.

Чуть позже решением ГКО от 20.07.42 г. № 2067 был создан завод № 622, получивший впоследствии название "Ижевский механический". За годы войны здесь выпущено 131 тыс. противотанковых ружей, 1 млн. 300 тыс. пистолетов и револьверов, 250 тыс. осветительных пистолетов и много другой продукции для фронта. Все это огромное количество оружия произведено в неимоверно тяжелых условиях. Заводчане работали без отпусков и выходных дней в неотопляемых помещениях. Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов. Но несмотря на это, ижмеховцы из месяца в месяц наращивали темпы производства и внесли свой весомый вклад в разгром ненавистного врага.

В послевоенное время завод, наряду с обороной, начал осваивать выпуск мирной продукции: с 1950 года здесь налажено точное литье по выплавляемым моделям; с 54-го — производство горношахтного пневматического оборудования; с 61-го — мотоциклетных двигателей; с 66-го — узлов для автомобиля; с 70-го — электронного оборудования. Заслуги его коллектива отмечены многими высокими наградами Родины.

В 1987 году на базе завода создается производственное объединение "Ижевский механический завод", в состав которого кроме 11 основных и вспомогательных производств вошли: специальное конструкторское бюро "Вектор", внешторговая фирма "Байкал", комбинат питания и среднее профессионально-техническое училище.

Сегодня предприятие выпускает самую

разнообразную продукцию. В заводском музее она представлена комплектующими узлами к автомобилю, двигателями к мотоциклу, электрокардиостимуляторами и программаторами к ним, кухонными комбайнами, лазерами высокой мощности, бытовыми компьютерами и видеопроекторами, другими изделиями, пользующимися устойчивым спросом как у нас в стране, так и за ее пределами.

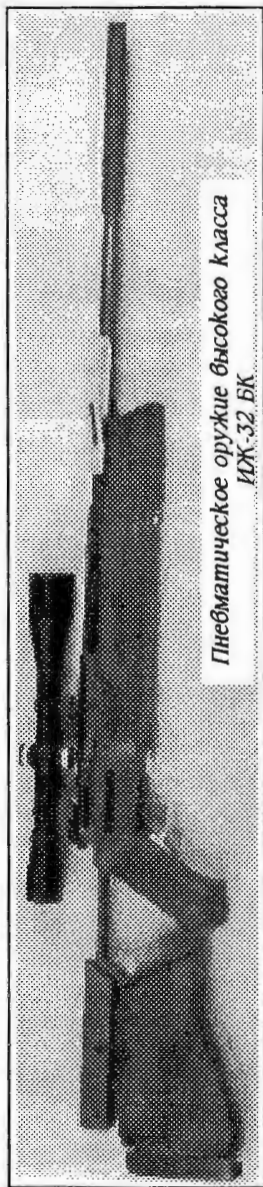
За последние годы здесь разработаны и внедрены в производство технологические процессы по выпуску гибридных микросборок на толстых и тонких пленках, полупроводниковая технология по производству микросхем, высокочувствительных датчиков, основанных на новых физических принципах. Все это открывает перед государственным предприятием новые перспективы, позволяющие коллективу нормально работать в условиях рыночной экономики.

Меня, любителя охотничьего оружия, интересовала именно эта сфера деятельности прославленного предприятия, разработка и выпуск спортивно-охотничьего оружия.

Отправной точкой тут стал для Ижмеха 1947 год. В это время под руководством ведущего конструктора Л. Пугачева началась организация крупносерийного производства одноствольных ружей модели ЗК, разработанной златоустовским конструктором В. Казанским. К нему позже прибавилось еще и двуствольное ружье. В связи с этим создавались новые цеха — по изготовлению ствольных колодок и сборочный. Уже во второй половине 1949 года сборщики довели выпуск ружей до 13 тыс. штук в месяц. А через год за успешное освоение производ-

ства двуствольного бескуркового охотничьего ружья ИЖ-49 завод наградили малой золотой медалью и дипломом республиканской выставки собаководства и охотничьего оружия.

Как известно, ружье ИЖ-49 — повторе-

Пневматическое оружие высокого класса
ИЖ-32 БК

ние ружья модели 8 немецкой фирмы "Зауэр". Позже на его основе заводскими умельцами создаются новые модели — ИЖ-51 и ИЖ-52, подвергшиеся испытаниям в самых трудных условиях Крайнего Севера и Дальнего Востока. Они показали положительные результаты и позволили внести ряд конструктивных новшеств, воплотившихся затем в ружье ИЖ-54, созданном талантливыми конструкторами Л. Пугачевым и А. Климовым. Эта модель положила начало экспорту отечественных ружей. С некоторой модернизацией в 1957 году она изготовлялась в варианте ИЖ-57, разработанном Л. Пугачевым. Под его же руководством создано и поставлено на производство еще одно ружье с горизонтальным расположением стволов — ИЖ-58, дожившее в различных модификациях вплоть до 80-х годов.

Важным событием в истории завода явилось создание в 1956 году школы ружейного мастерства для подготовки высококвалифицированных мастеров-оружейников и рабочих-универсалов по изготовлению художественных штучных ружей. Среди первых преподавателей школы — мастера высочайшего класса Л. Васев и Л. Пахомов. Первый выпуск школы состоялся через два года. Среди двадцати пяти ее питомцев были граверы, слесари-сборщики. Многие из них — Л. Кузьмин, В. Белобородов, А. Щенин, Ю. Натаров, В. Суворов и другие — в последующем стали ведущими ружейниками мирового класса.

На экзаменах присутствовали преподаватели знаменитой Тульской школы ружейного мастерства. Их восхитил уровень знаний и навыков как учеников, так и преподавателей. Здесь они познакомились с декоративным рисунком "Мороз", впервые в мире выполненном на металле Л. Васевым. Кстати, и первое в стране ружье с вертикальным расположением стволов ИЖ-59 "Спутник" поставили на поток именно в Ижевске. Здесь же благодаря А. Лekomцеву родился метод цветного гравирования путем металлизации.

В 1973 году в Ижевске начинается вы-

пуск ИЖ-27 с вертикальным расположением стволов. Модель оказалась настолько перспективной, что на ее основе создали множество модификаций с различными вариантами исполнения. Выпуск ее продолжается и по сей день.

Хотя 50 лет — небольшой срок для ружейного производства, изделия с маркой "ИЖ" знают во многих странах. Они многократно отмечались медалями и дипломами международных выставок. Искусство ижевских оружейников выросло на традициях лучших мастеров России: Тулы, Златоуста и других уральских заводов. Кажется, что сама строгая и прекрасная природа Урала и Прикамья вдохновляет оружейных мастеров на создание новых оригинальных решений и сюжетов. Простая и надежная конструкция, отличное качество, богатая самобытная гравировка — это то, что ценили и ценят в ижевских ружьях охотники и специалисты.

Ижевский механический завод выпускает широкую гамму оружия: охотничьи одноствольные, двуствольные и спортивные ружья, пневматические винтовки и пистолеты. Многолетний поиск и опыт здешних конструкторов и дизайнеров, хорошая экспериментальная база, широкие технические возможности предприятия, квалифицированные рабочие кадры, современные средства контроля — все это позволяет совершенствовать освоенные модели и создавать новые, удовлетворяющие вкусы многочисленных охотников и спортсменов.

К примеру, охотничьи одноствольные ружья серии ИЖ-18м-М, наиболее популярны среди начинающих охотников. Легкие, простые по устройству, надежные в эксплуатации и недорогие, они снискали себе добрую славу не только в России, но и в Англии, Бельгии, Германии, Канаде.

Не менее популярны двустволки серии ИЖ-43 с горизонтальным расположением стволов. А вертикалки серии ИЖ-27М по техническим и эксплуатационным характеристикам, эргонометрическим и эстетич-

Охотничье двуствольное ружье
серии ИЖ-27М

ческим показателям соответствуют лучшим мировым образцам.

Мое внимание привлекло и помпозное ружье серии ИЖ-81 со складывающимся прикладом. Для себя я твердо решил, что в следующий приезд сюда обязательно приобрету его для охоты. Тем более что в фирменном магазине, работающем при заводе, это оружие, как, впрочем, и все остальное, производимое на Ижевском механическом заводе, в несколько раз дешевле, чем, скажем, в специализированных охотничьих магазинах Москвы.

Но и на этот раз мне не пришлось уезжать из Удмуртии с пустыми руками. Приобрел газовый пистолет 6П42, который наряду с другими моделями (ИЖ-76М; 6П36) выпускается заводом для самообороны. Меня устроило то, что избранная модель как две капли воды похожа на всемирно известный ПМ. Всякого рода искатели приключений хорошо знакомы с его внешним видом. К тому же заводчане не рекомендуют испытывать на себе его боевые возможности даже в газовом варианте. Да и цена оказалась приемлемой, в несколько раз ниже цены заполонивших отечественный рынок газового оружия зарубежных образцов.

Не мог не расспросить экскурсовода заводского музея о людях, талантом и руками которых сделано оружие с маркой "ИЖ". О них разговор особый. Возьмем, к примеру, мастера гравировального искусства Л.Васева. К сожалению, сегодня его уже нет в живых. Но о Леонарде Васеве говорят, как о живом, в школе ружейного мастерства, в экспериментальном цехе, в заводском музее, да и в кабинете генерального директора.

Обратил на себя внимание юный Леонард ружьем ИЖ-Б-44. Попросил именитых мастеров доверить ему изготовление подарочного экземпляра. Согласились неохотно: испортит еще. А потом изумились: рисунок был выполнен в духе времени. На нем Москва, Красная площадь, яркие звезды салюта и четкие очертания советских танков, самолетов, морских судов. Попало это ружье в столицу. Там заинтересовались молодым мастером. Попросили познакомиться. А когда увидели перед собой 18-летнего паренька, немедленно включили его в группу лучших советских оружейников и послали на учебу в немецкий город Зуль, славящийся на весь мир своими охотничьими изделиями. Около года набирался Леонард опыта на фирме братьев Меркель. Вернулся домой со своими инструментами и мечтой стать мастером-гравером, подчинить себе металл и делать на нем узоры, похожие на сказку...

Мечте Васева суждено было сбыться. Видимо, поэтому на заводе, где он трудился, к его имени добавили еще одну букву. И стал знаменитый мастер ижевским Леонардо.

Он разработал свой фирменный метод высечки и чеканки. Внедрил ряд новшеств в химический способ гравирования. Именно Леонард Васев сумел передать в металле причудливые узоры русского мороза. Достойным учеником Леонарда Васева стал Валентин Михайлович Белобородов. Тоже гравер-художник высшего класса. Оформленное им ружье ИЖ-12 двенадцатого калибра произвело фурор на международной выставке в Монреале. Белобородов отказался от традиционных рамок и окантовок. На вороненом фоне колодки горит вечерняя зорька. Над камышом взметнулась стайка уток. Тот, кто влюблен в лес, кого радует и манит его красота, не останется равнодушным, взяв в руки такое оружие.

Был на Ижевском механическом заводе и свой Левша. Слесарь Е.Губин создал миниатюрные копии хорошо знакомых всем охотникам ижевских двустволок. Все они в 5 раз меньше оригиналов. Однако действуют. Шестнадцать миниатюрных ружей изготовил умелец.

Но не только оружейных дел мастерами славится Ижевский механический завод. Молодые парни, начинающие здесь свою трудовую жизнь, проходят хорошую школу, позволяющую им в любых условиях оставаться достойными сыновьями Родины. За примером далеко ходить не пришлось. В заводском музее один из стендов посвящен рабочему. Имя его Сергей Борин. Свой бессмертный подвиг этот паренек совершил на известной, наверное, каждому 12-й заставе Московского погранотряда. Звание Героя Российской Федерации было присвоено ему посмертно.

Как и сотни других промышленных предприятий России, живет и трудится в наше беспокойное постперестроечное время Ижевский механический завод. Но несмотря ни на что, продукция с маркой "ИЖ" продолжает работать на обороноспособность Родины, просто радовать сердца россиян, привыкших к высокому качеству, красоте, надежности изделий с изображением на них стрелы на щите.

**Подполковник
С.ГУЛЬКО.**

Сам себе тренер

ЧЕРЕЗ ИГРУ — К ПОБЕДЕ

“СИЛЬНЫ РУКАМИ И МЫШЦАМИ”

При выполнении боевых задач военнослужащим внутренних войск часто приходится вступать в единоборство с преступниками, нарушителями общественного порядка. И каждый знает: в таких ситуациях важно не только обезвредить “супостата”, но и доставить его, что называется, тепленьким в отделение или передать подроспевшему наряду милиции, используя приемы загиба рук и различные, в зависимости от конкретной обстановки, способы конвоирования.

Что необходимо для овладения такого рода приемами? Ответ прост: техника плюс силовая выносливость и статическая сила мышц, в первую очередь — мышц рук. Воину, обладающему мертвой хваткой, намного легче справиться с опытным и коварным противником.

Встречный вопрос: как выработать в себе необходимые силовые качества? Бесспорно, одним из лучших средств является модная нынче атлетическая гимнастика. У тех, кто дружит с железом, тренажерами, и мышцы могучие, и рельеф — на зависть. Но я бы не советовал закливаться только на этом. Существуют и другие, не менее эффективные методы укрепления тела и рук.

В старину на Руси понятия не имели о бодибилдинге и пауэрлифтинге, не было тогда спортзалов с набором штанг, гантелей, эспандеров. Тем не менее русичи славились силой, выносливостью, несгибаемой стойкостью в борьбе и кулачном бою. Об этом свидетельствуют не только былины и летописи. Есть более беспристрастные доказательства физического совершенства русского народа — заметки иностранных путешественников и дипломатов.

“Русские вообще среднего роста, статные и как бы четвероугольные, мускуловатые”, — писал Павел Извий (XVI век). “Русские отличаются дородностью и крепостью”, — вторил ему Адам Олеарий (XVII век), указывая, что в поединках с москвитями чужеземцы “опасаются схватываться врукопашную, ибо знают, что москвиты очень сильны руками и мышцами”.

Накачать силушку помогал тяжелый физический труд. Вспомним былинку об Илье Муромце. Превратил инвалида в богатыря не только чудодейственный напиток калик переходжих. Избавившись от недуга, из-за которого не слазил с печи “тридцать лет и три года”, Илья отправился на отцовское поле. Камни выкапывал, пни корчевал да землю пахал. А сказ о Никите Кожемяке, одолевшем “змия поганого”! И его, киевского простолюдина, труд сделал богатырем.

Фото 1

Умея работать до седьмого пота, любил русский человек и потешиться. В молодецких забавах развивались и совершенствовались силовые качества парней и мужчин — оратаев, ремесленников, воинов.

Давайте и мы потренируемся, используя старинные силовые игры.

БОРЬБА НА ПАЛЬЦАХ. Играющие становятся напротив друг друга, сцепляются указательными пальцами и начинают перетягивать — кто кого (фото 1). Побеждает тот, кто силой увлек соперника на свою сторону, заставил его разжать палец или выпрямить руку.

Затем поочередно сцепляют средние, безымянные пальцы, мизинцы, наконец, четыре пальца одновременно.

Смена рук — и борьба продолжается в такой же последовательности.

Поначалу пальцы будут побаливать. Но пугаться не стоит. Немного терпения — и вы выработаете огромную силу кистей.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ РУК. Соперники берутся за предплечья, встают в удобное положение и стараются перетянуть друг друга (фото 2). Разрешается выполнять рывки, включая в работу все тело. Борьба ведется поочередно правой и левой руками.

ЖМИ РУКУ. "Поздоровавшись", играющие начинают что есть силы жать ладони. Не выдержал жима — проиграл.

БОРЬБА РУКАМИ СТОЯ. Соперники становятся лицом к лицу,

схватываются пальцами правой, затем левой руки в замок и, надавливая на тыльную сторону кулака, стараются выгнуть друг другу кисти (фото 3).

БОРЬБА РУКАМИ НА ЛОКОТКАХ. Это старинное русское состязание сродни современному армрестлингу. Соперники садятся за стол напротив друг друга, ставят правую (левую) руку на локоть, сцепляются кистями. Другая рука остается свободной. Можно взяться ею за край стола или ухватиться за прикрепленный к столу держак. По сигналу начинается поединок: кто кого завалит, не привставая и не отрывая локтя.

Можно состязаться стоя (руки на весу) или лежа (локти на земле).

ВЫРВИ ПАЛКУ. Двое играющих берутся правыми руками за короткую, сантиметров 30, палку. По команде один из них старается вырвать палку у соперника, используя рывки и другие силовые движения. Затем участники состязания меняются ролями. Следующий этап — вырвать палку левой рукой.

ТЯНУТЬ БУКА (ПЕРЕТЯГИ С ПАЛКОЙ). Для состязания берется палка длиной полтора метра. Ухватившись за ее концы, соперники начинают перетягивать друг друга.

ВЫТАЛКИВАНИЕ ШЕСТОМ. Играющие чертят круг диаметром три метра или две параллельные линии на таком же расстоянии, берутся за края шеста длиной от полутора до двух метров и по команде выталкивают друг друга за пределы круга (за линию).

Фото 2

Фото 3

БОРЬБА РАТОВИЩЕМ. Ратовищем в древности называли предплечье, т.е. часть руки от локтя до кисти. Условия состязания аналогичны армрестлингу, только соперники сцепляются запястьями или предплечьями. Задача — вырвать руку противника на себя и прижать ее тыльной стороной кулака к столу. Вторая рука заводятся за спину или за голову.

ДОТЯНИСЬ ДО САПОГ. Состязание, когда-то очень популярное на ярмарках. Двое парней спорили на сапоги. Ставили обе пары за спины (расстояние до двух метров), сцеплялись предплечьями, а свободной рукой каждый старался дотянуться до сапог.

В игре можно использовать короткую палку или ремень, наматывая его на руку.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ НА СПИНУ. Состязание сложное, поэтому нужно быть предельно внимательным. Соперники плотно прижимаются спинами, поднимают вверх слегка согнутые руки и сцепляют их кистевым хватом. По сигналу начинают перетягивать на спину (фото 4). Проиграл тот, у кого ноги оторвались от земли.

Второй вариант: руки скрещиваются в локтевых сгибах.

БОРЬБА ГОЛОВАМИ. У дагестанцев называется "баш на баш". Смысл состязания: кто кого головой пересилит (фото 5). Эффективное упражнение для укрепления мышц шеи. Используется также в драке: неожиданный удар головой в лицо.

В заключение три игры в составе команд (в коллективном порядке можно проводить и состязания, описанные выше).

На мой взгляд, командная борьба имеет ряд преимуществ перед поединками. Она способствует развитию таких качеств, как взаимопомощь и взаимовыручка, чувство плеча и локтя, учит действовать дружно, согласованно. Кроме того, дает возможность привлечь к игре максимальное количество участников.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА. Условия состязания всем хорошо известны, описывать их нет необходимости. Но борьба может вестись в разных вариантах. Вот один из них. На площадку кладут растянутый на всю длину канат. На расстоянии 20 метров от него выстраиваются две команды. По сигналу соперники устремляются к канату и, схватив, начинают перетяжку.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ СТЕНОК В ШАХМАТНОМ ПОРЯДКЕ. Две команды с равным количеством участников выстраиваются стенками друг перед другом, после чего сближаются, берутся за руки кистевым хватом, вытягиваясь в одну общую шеренгу (играющие располагаются в шахматном порядке; их лица повернуты в противоположные стороны). Сигнал — и соперники вступают в борьбу, перетягивая каждый на свою сторону.

ТЯНИ В КРУГ. Играющие образуют круг и, взявшись за руки, начинают движение по часовой стрелке. Затем по сигналу останавливаются и за счет силы рук рывками пытаются затащить друг друга в круг.

Это состязание связано с древнейшими языческими обрядами наших предков. Круг — Солнце, движение в соответствии с господствовавшими тогда представле-

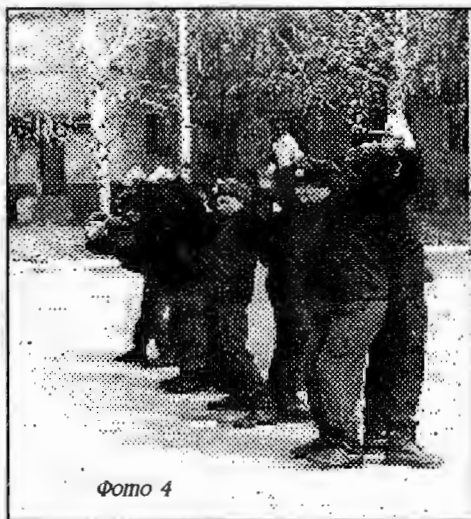

Фото 4

ниями о мироустройстве символизировало вращение светила вокруг Земли.

ТРЕНИРУЙ ВНИМАНИЕ И ПАМЯТЬ

Важное значение в рукопашной схватке, помимо крепких мышц, силовой выносливости, русские бойцы придавали зрительной памяти, наблюдательности. Существовало множество малоподвижных игр, которыми развлекались на вечеринках, посиделках. Их и сегодня можно успешно использовать для развития психологических качеств, необходимых военным при несении патрульно-постовой службы, выполнения других задач.

Предлагаю несколько таких игр, разумеется, модернизированных с учетом особенностей служебно-боевой деятельности.

ПАМЯТЬ НА ПРЕДМЕТЫ. Все играющие группируются в одной стороне комнаты. Затем один из них, встав, осматривает в течение 10 секунд свободную часть помещения. После этого поворачивается к товарищам, которые задают ему вопросы. К примеру, сколько стульев стоит вокруг стола, сколько книг на стеллаже и т.д. Перед выходом следующего игрока все предметы переставляют, что-то выносят (вносят).

Фото 5

ПАМЯТЬ НА ЛИЦА. Первый вариант. Встают два участника игры. Один в течение 10 секунд внимательно осматривает второго. Отворачивается от него и подробно описывает внешность, детали одежды.

Второй вариант. Принцип тот же, но играющий отвечает на вопросы, перечисляя, скажем, характерные приметы сослуживца, выступавшего в роли объекта наблюдения.

Третий вариант, усложненный. Осмотрев группу, игрок отворачивается, ему называют фамилию одного из сидящих и предлагают нарисовать его словесный портрет или ответить на вопросы, касающиеся, предположим, особенностей внешности.

Четвертый вариант. После десятисекундного осмотра сидящих товарищей отвернувшись игроку предлагают назвать фамилию сослуживца, у которого, к примеру, карие глаза, редкие брови, нос с горбинкой, шрам на левой щеке... Если участник игры путается, на первых порах допускаются подсказки.

ВСПОМНИ ДЕНЬ. После службы в час досуга солдаты задают друг другу вопросы следующего содержания: в котором часу подъехала машина с проверяющим; во что были одеты люди на автобусной остановке, допустим, с 18.00 до 18.30; как выглядит участок местности вокруг сквера, кинотеатра, ресторана и т.п. Вначале с этой задачей справиться будет непросто, но со временем, развив зрительную память, вы сможете ответить и на более сложные вопросы.

Такие незатейливые, на первый взгляд, игры-развлечения помогут лучше ориентироваться в обстановке на маршруте патрулирования, особенно при задержании человека с приметам, указанными в ориентировке, не говоря уже о разведывательно-поисковых мероприятиях в зоне вооруженного конфликта, действиях по ликвидации массовых беспорядков... Да и в схватке с преступником сыграют не последнюю роль: острый наметанный глаз — хорошее подспорье крепким мускулам.

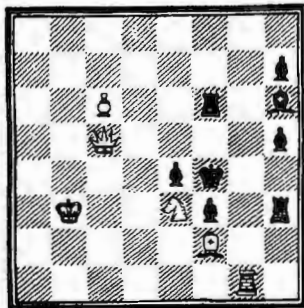
Прапорщик П.СОКИРКО.

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

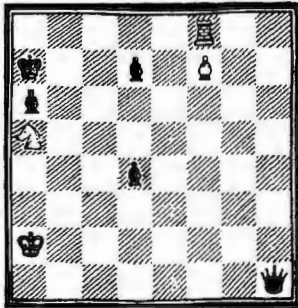
Композиция — искусство

№ 6. М.Нимейер, 1919

Мат в 2 хода

№ 7. А.Троицкий, 1901

Выигрыш

№ 8. В. и М.Платовы, 1908

Выигрыш

Шахматная азбука

Случается иногда слышать или читать, что шахматная композиция есть спорт для элиты, т. е. для ограниченного круга лиц. Это утверждение ошибочно, композиция — искусство для широкой аудитории любителей шахмат. Вот самый последний факт, подтверждающий это. В ноябре прошлого года "Красная звезда" объявила конкурс решений, посвященный 300-летию Российского флота. В редакцию сразу же поступило более двух тысяч писем с решениями первых заданий! Двухходовка № 6 — одно из заданий этого конкурса, ее решение 1. Кра4! Но почему не приводят к цели ходы королем на другие поля? Надеемся, на этот вопрос вы ответите без затруднений.

Автору этюда № 7 А.А.Троицкому, опубликованному более 1000 превосходных произведений, присвоено в 1928 году звание заслуженного деятеля искусств. При взгляде на № 7 выигрыш кажется невозможным, однако победа приходит быстро. 1.Ль8! Фд5+ 2.Крб2! Ф:7 2...Кр:б8? 3.ф8Ф+ и 4.Кб3 с легким выигрышем. 3.Ль7+ Кра8 4. Кс6! Удивительная по красоте позиция, белые фигуры под ударом, но брать их нельзя, и белые побеждают.

Братья В. и М. Платовы также выдающиеся художники. Они считали, что "чем проще начальное положение, тем сильнее эффект". Позиция их этюда проста, попробуйте открыть его идею и убедиться в правоте их слов.

Любителям гетеродоксальных жанров предлагаем решить миниатюры.

№9. Кре4,Сf1,п.н7(3) — Крб2,Фб6,Кб3,п.д3(4), коопмат в 3 хода.

№10. Кра1,Сb1,пп.а2,ф4,г2(5) — Крг7,Сh8(2), обратный мат в 3 хода.

Защита Алехина относится к полуоткрытым началам, в турнирной практике встречается довольно часто. Приводим любопытную партию, игранную в г. Таганроге в турнире, посвященном 50-летию Победы.

Н.Оленин — А.Конюшков. 1.e4 Кf6 2.e5 Кd5 3.d4 d6. Таково начало защиты Алехина, имеющей несколько систем развития. В данной партии проходит так называемая современная система. 4.Кf3 g6 5.Сс4 de 6.К:e5 с6 7.Фf3 Се6 8.Кс3 f6 9.Кd3 Кс7 10.С:e6 К:e6 11.Се3 К:d4 12.С:d4 Ф:d4 13.0—0 Ch6+ 14.Кpb1 0—0 15.Лhe1 Фс4 16.Фh3 Сg7 17.Л:e7 Ка6 18.Ке5! fe 19.Лdd7 Л:f2 20.Л:g7+ Крf8 21.Ф:h7, черные сдались.

Другие системы развития в данном дебюте таковы. Система 4 пешек: 4.c4 Кb6 5.f4 de 6.fe Кс6. Разменная система: 4.c4 Кb6 5.ed ed 6.Кс3 g6 7.Кf3 Сg4! Система преследования: 3.c4 Кb6 4.c5 Кd5 5.Кс3 e6 6.Сс4 d6 7.К:d5 ed. Используйте этот дебют в своих встречах за шахматной доской.

Проверьте свои решения

(На боевом посту, 1996, № 1)

№ 3.Л.Истомин. Крд6,Сb4,Ка7,п.с6(4) — Кра8(1), мат в 3 хода. 1.с7! Крб7 2.Кс8! Кр:с8 3.Са6X!, 2...Кра8 3.Сс6X!, 1...Кр:a7 2.с8Ф Крб6 3.Фа6X.

№ 4.А.Калинин, публикуется впервые. Крф5, Фh7(2) — Крд4,Лс5,Сd5(3), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1.Сс6+ Крf6 2.Крд5 Фd3X! и 1.Сс4+ Крf4 2.Крд5 Фd7X!

№ 5 А.Калинин, публикуется впервые. Крh5, Ка3, Кс5(3) — Кре5(1), кооперативный мат в 4 хода. 1.Крд4 Крг4 2.Крс3 Крf3 3.Крб2 Кре2 4.Крс1 Кd3X!

Маты во всех трех малютках правильные.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

На первый лед в этом зимнем сезоне выбраться никак не удавалось: Сергею Аркадьевичу, давнишнему напарнику по вылазкам на подводных хищников, затеянный не ко времени ремонт автомобиля плюс занятость на работе не позволяли вскрыть выходной для совместной рыбалки. Одному на перекладных за полторы сотни километров ехать — перспектива не из приятных. Переживал, конечно. С завистью слушал рассказы ребят, которые побывали на своих любимых водоемах и, что называется, отвели душу.

Чуть ли не каждый вечер наведывался на балкон, чтобы поменять воду в кане с отменными карасиками — их мы с Сергеем заготовили загодя, специально на перволедье...

В очередную пятницу звонок раздался, когда я его уже и не ждал — ближе к полуночи.

— Готов? — без предисловий спросил Аркадьевич.

— Отремонтировался? — не нашел я что еще сказать. А сам на жену с мольбой смотрю. Та, поняв все, только махнула рукой, дескать, плакала запланированная генеральная уборка квартиры...

— Машина пока не готова. Мы на "Жигуле" с Мишей Даниленко поедем, — объяснил ситуацию друг. — Он приобрел несколько жерлиц, хочет освоить их. Выезд в четыре ноль-ноль.

На водоем прибыли затемно. Отсутствие снежных заносов позволило подъехать к самому берегу. Подсвечивая фонариками, долго разбирались в обстановке. Уровень воды

на Озерне упал так, что мы просто не узнали свой шестой участок, куда ездим уже не первый год.

Сориентировавшись, вымерив тщательно глубину, Сергей с Михаилом поставили жерлицы строго по руслу протекавшей на дне залива реки. На это у них ушла уйма времени. Я же не захотел обременять

Ни чешуи, ни хвоста

Упрямство рыбалке не помощник

себя дополнительными хлопотами и по привычке разместил живцовые удочки там, где делал это раньше. Чувствовал, что поступаю опрометчиво, но менять ничего не стал. Заулыбался, дескать, вы парни, конечно, опытные, но и я не лыком шит.

А тут еще стечение обстоятельств: первой сработала именно моя жерлица. Подбежал — катушка удочки крутится. Мне бы подсечь сразу, а я решил выждать, когда хищник возьмет надежно. И дождался. Леска перестала уходить в воду, да так и застыла. Расчет на вторую потяжку не оправдался. Вытащил снасть — живец сбит. Видимо, небольшой щуренок-карандаш похулиганил. А то и судачишка мог сорвать карасика.

Ладно, думаю, то-то еще будет.

Но больше поклевки на своих жерлицах я так и не увидел. Зато Сергей с Михаилом вынимали одну зубастую за другой.

Финал: товарищи взяли на двоих десять штук и не ахти каких — около килограмма каждая — щучек. Я — ни одной. К тому же на глубине в три с небольшим метра, где я ловил, практически не брал подлещик, на которого я переключил-

ся после того, как махнул рукой на жерлицы.

И остался бы я без ухи и жаренки. Ладно, ребята поддержали, выделили кое-что от своего улова. А то хоть домой не возвращайся — стыдоба.

Потом уже, на обратном пути, анализируя итоги выезда, без труда нашли объяснения моим неудачам.

Виной всему было, конечно же, упрямство — именно оно помешало исправить совершенные ошибки. Не новичок ведь, знал, что при резкой смене уровня воды рыба обычно покидает свои привычные места обитания. В частности, при обмелении — скачивается в более глубокие впадины мелочь. За ней уходит, естественно, и хищник.

И другой не менее существенный момент. Если по перволедью щука берет смелее, то ближе к глухозимью становится более осторожной. Сергей Аркадьевич это учел и поменял тройники-"семерки" на более мелкие. На половине жерлиц вообще поставил одинарные шведские крючки и снял металлические поводки. Я же все оставил как было. Вполне возможно, что этим объясняется разница в количестве поклевки у ребят и у меня.

А уж попытаться среди зимы поймать на обмелевших местах леща — очень пугливую и осторожную рыбу — это несерьезно. Почувствовал малейшую опасность, она уходит в укромные уголки и оттуда очень долго не возвращается к месту кормежки. Леща, подлещика надо искать на глубоких ямах, выходах из них...

Что ж, как говорится, на ошибках учатся. Другой раз постараюсь упрямство свое при выездах на водоем дома оставлять. Оно — плохой помощник в рыбалке.

Полковник
В.АФАНАСЬЕВ.

Рассказы у костра

Почувствительная зорька

Метелки тростника, обожженные первыми заморозками, сухо и тревожно шуршали на ветру. Скупое зимнее солнце вынырнуло из-за холмов и пробежало лучами сначала по их верхушкам, а потом — по неспокойной водной поверхности. Наш с Мурадом скрадок находился на самой оконечности косы, далеко уходящей в озеро. Охотничья зорька постепенно набирала силу. Но... Табунки краковых и чирков, свистя крыльями, проходили стороной. Мечта всякого охотника — гуси угадывались по отрывистым и глухим крикам, доносившимся невесть отсюда.

Нам с товарищем оставалось только ждать. Судя по всему, удача нам не улыбалась. Скорее всего, не выдержал испытания наспех сооруженный скрадок? Но что проку в запоздалом раскаянии?

Медленно тянулось время. С каждой уходящей минутой таяли надежды на успех.

Когда подул сильный с мелким песком ветер, я не удержал жалобного вздоха:

— Пора, пожалуй...

Мурад, разглядывавший что-то в бинокль, даже не шелохнулся. Пришлось повторить свое предложение.

— Погоди! — И мой товарищ еще плотнее припал к окулярам.

— В чем дело?

Мурад протянул мне бинокль.

И я сразу же увидел табунок серых гусей. На выстрел они, увы, не подплывали.

Между тем ветер крепчал. Небо потемнело. На воде появились белопенные барашки.

Неужели гуси так и не подойдут ближе? Эх!..

Мурад тем временем стал с напряжением вглядываться в противоположный берег.

— Вот это да! — наконец произнес он и сунул мне в руки бинокль.

Та же картина: колыхающиеся на окраине гуси, поле. Но что это? Лисица? Да-да, темно-бурая лисица крадется к беззаботно отдыхающей стайке гусей. Прямо-таки сте-

лется по земле. Кусты полыни и песок маскируют охотницу. А плотный шар перекасти-поля служит ей как бы щитом. Мы с Мурадом переглянулись: что предпримет дальше плутовка?

Вот шар поравнялся с берегом. На секунду он как бы замер. Этого оказалось достаточно: лисица пулей вылетела из своего укрытия и с ходу грохнулась в воду.

Брызги, взмахи крыльев, переполох! Когда водяной фейерверк рассеялся, мы увидели целых и невредимых гусей, с заполненным гогогом поднимающихся в небо. А преследовательница... Мокрая и жалкая, с пучком перьев в зубах, лисица стояла на песчаном берегу, отряхиваясь и отфыркиваясь.

Да, не удалась Патрикеевна охота! А ведь как хорошо все придумала!

— Не повезло с зарею, — сокрушался по дороге к дому Мурад.

— Почему же, — усмехнулся я. — Еще как повезло. Отличную зорьку отстояли. Почувствительную.

Н. КРАСИЛЬНИКОВ.

Сделай сам

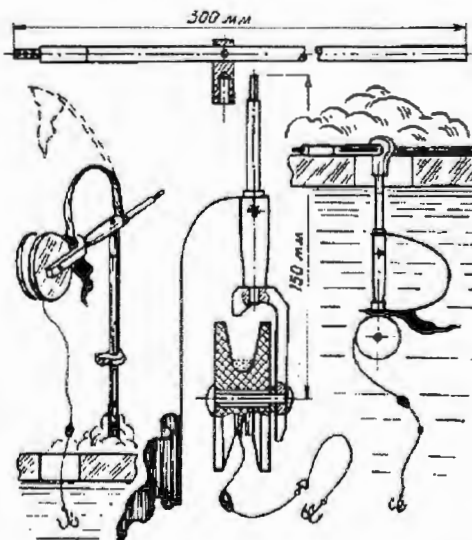
Универсальная жерлица

Эта удобная жерлица позволяет ловить хищников зимой как в варианте, когда снасть устанавливается поверх льда, так и — подо льдом.

Основу снасти составляет любой легкий и прочный прут (например, из текстолита) диаметром 6-8 мм и длиной около 300 мм. На таком же пруте, но потоньше и покороче (около 150 мм) любым способом (я, допустим, использую выточенные на станке металлические кронштейны-держатели) крепится катушка с оснасткой. Здесь же устанавливается пружина с флажком (см. рис.). На торце основы нарезается внешняя резьба, в центре — внутренняя (если пруты текстолитовые или деревянные, то в торце и посередине на них крепятся металлические хомутики (сердечники) с резьбой). На отрезке с катушкой тоже делается резьба — внешняя на торце и внутренняя в центре.

Нужно установить жерлицу над лункой — отрезки соединяются в торце основы (см. рис.). Надо подо льдом, к примеру, на ночь — две составляющие снасти соединяются в центре основы (см. рис.).

Флажок в первом случае выступает и как фиксатор лески для заданной глубины, и как сигнализатор поклевки. Во втором случае — только как стопор лески. Ну а ловля — как обычными живцовыми удочками: либо как наружными, либо как подледными.

И наконец, еще об одном важном достоинстве жерлицы. Она в походном состоянии компактна, не занимает много места, ее удобно транспортировать.

Д. КУВШИНОВ.

Вы нас читаете? Теперь и смотрите!

В войска направлен

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

видеоприложения к журналу "На боевом посту".

Редакция планирует знакомить вас с войсковыми вестями **ЕЖЕКВАРТАЛЬНО**.

К вашему вниманию:

- опыт деятельности войск в горячих точках
- методика подготовки и проведения специальных операций
- зарубежный опыт
- видеорепортажи о знаменательных событиях в жизни войск
- видеоочерки о военнослужащих
- другие сюжеты

НА БОВОМ ПОСТУ

ВИДЕОПРИЛОЖЕНИЕ № 1

В НАШЕМ ВИДЕОПРИЛОЖЕНИИ:

интервью с командующим внутренними войсками МВД России генерал-лейтенантом А.Шкирко,

специальные репортажи о действиях внутренних войск в Чеченской Республике,

документальный фильм телестудии ГУКВВ МВД России "Чтобы не гибли внуки наши...";

сюжет, посвященный генералу А.Романову.

По вопросам организации съемок

ОБРАЩАЙТЕСЬ

по телефону (095) 361-87-27.

НАПРАВЛЯЙТЕ

имеющиеся у вас видеоматериалы для очередных выпусков видеоприложения.

ПРИОБРЕТАЙТЕ

кассеты с выпусками видеоприложения по цене 50 (пятьдесят) тысяч рублей в редакции журнала "На боевом посту".

ЭХО ЧЕЧНИ: БОЛЬ...

В Центральном кливическом
военном госпитале
внутренних войск МВД России

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА

ОТДЕЛ — — РЕКЛАМЫ

- ПРЕДОСТАВЛЯЕТ УСЛУГИ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ РЕКЛАМЫ В ЖУРНАЛЕ «НА БОЕВОМ ПОСТУ» И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЯХ
- ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ РЕКЛАМНОЙ И СУВЕНИРНОЙ ПРОДУКЦИИ С СИМВОЛИКОЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ
- ОКАЖЕТ ПОМОЩЬ В РАЗРАБОТКЕ ВАШЕЙ СИМВОЛИКИ И ФИРМЕННОГО СТИЛЯ

Приобрести
готовую продукцию
Вы можете

В РЕДАКЦИИ

по адресу:
г. Москва,
Сыромятинский проезд, 8.

*Мы готовы к
сотрудничеству с Вами!*

ТЕЛЕФОН (095) 361-87-27, 361-81-71
ФАКС (095) 361-87-27